

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**КОНЦЕПЦИЯ
"ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ"
В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
ТЕОРИИ**

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

**МОСКВА
2010**

ББК 60
К 64

Серия
«Теория и история социологии»

Центр социальных и научно-информационных исследований

Отдел социологии и социальной психологии

Ответственный редактор *Д.В. Ефременко*

Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Отв. ред. Д.В. Ефременко – М., 2010. – 234 с. – (Сер.: Теория и история социологии).
ISBN 978-5-248-00507-9

В статьях, обзорах и рефератах анализируются теоретический потенциал и методологическое значение концепции «общества знания». Исследуется генезис этой концепции, прослеживается ее эволюция начиная с 1960-х годов и до наших дней. Оцениваются возможности ее практической реализации в сферах науки, образования, культуры, развития человеческого потенциала. Особое внимание уделяется роли и месту представлений об обществе знания в ряду других теорий модернизации.

Для социологов и философов. Сборник может быть использован в учебных целях преподавателями, аспирантами и студентами.

In the following articles, reviews and abstracts a theoretical potential, as well as methodological meaning, of the concept of knowledge society is analyzed. The origin of the given concept and its evolution from the 1960s until present time are explored. Assessed are its opportunities for practical application in the spheres of science, education, culture, human development. Special attention is paid to the role of ideas on knowledge society among other theories of modernization.

ББК 60

ISBN 978-5-248-00507-9

© ИНИОН РАН, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

СТАТЬИ

<i>Делокаров К.Х.</i> Является ли «общество, основанное на знаниях», новым типом общества?	11
<i>Бехманн Г.</i> Общество знания – трансформация современных обществ	39
<i>Ефременко Д.В.</i> Концепция общества знания и ее оборотная сторона	66
<i>Москалёв И.Е.</i> Качественные характеристики социальных изменений в контексте общества знания	98
<i>Горохов В.Г.</i> Научно-техническая политика в обществе знания	109
<i>Соколова М.Е.</i> Информационное пространство российской академической науки как интегрированная профессионально-интеллектуальная среда: Перспективы формирования и управления	134

РЕФЕРАТЫ

Краткий обзор Всемирного доклада ЮНЕСКО «К обществам знания» (2005)	159
<i>Крингс Б.</i> Социологическая перспектива общества, основанного на знании: Предположения, факты и точки зрения	164

<i>Рул Дж.Б., Безен Я.</i> Прошлое и будущее информационного общества	170
<i>Штер Н., Уфер У.</i> Глобальные миры знания.....	178
<i>Крюгер-Шарле М.</i> Диагноз времени – общество знания: К реконструкции одного публичного дискурса	185
<i>Фезерстоун М., Венн К.</i> Проблематизация глобального знания: Критические комментарии.....	190
<i>Вайнгарт П.</i> Момент истины для науки: Последствия «общества знания» для общества и науки	193
Образ знания в современном обществе. (Сводный реферат).....	202
<i>Фрэнк Д.Дж., Майер Дж.</i> Экспансия университетов и общество знания	213
От общества труда к обществу знания. (Сводный реферат).....	218
<i>Кастельс М.</i> Коммуникация, власть и контр-власть в сетевом обществе	227
Сведения об авторах	233

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленные в настоящем сборнике научных трудов статьи и реферативные материалы призваны способствовать выстраиванию системы координат, при помощи которой концепция общества знания могла бы быть локализована в современном ландшафте социальных теорий. Эта задача является не столь простой, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, здесь возникает проблема демаркации между концепцией общества знания, теориями информационного и постиндустриального общества, другими теоретическими построениями, описывающими социальные трансформации. Во-вторых, большое значение имеют хронологические рамки, в пределах которых уместно говорить о концепции общества знания. При этом, однако, следует осознавать, что истоки представлений об обществе знания уходят в далекое прошлое философской и социальной рефлексии. Наконец, в-третьих, важно оценить теоретический и практический потенциал представлений об обществе знания, выявить их работоспособность не только на уровне широких обобщений и политически ориентированных заявлений, но и применительно к конкретным процессам производства знания и их воздействия на социальные трансформации.

В статье К.Х. Делокарова представления об обществе, основанном на знании, рассматриваются в широком философском и социокультурном контексте. Автор показывает, что и успех, и недостатки концепции общества, основанного на знании, связаны с тем, что она выступает продолжением парадигмы рационализма и Просвещения. Общество знания – не только возможная в будущем модель социального развития, но и то, что становится реальностью уже в наши дни. Именно поэтому необходимо уделять первостепенное внимание нравственным аспектам становления нового об-

щества, его ценностным основаниям, проблемам социальной справедливости и образования.

Г. Бехманн анализирует различные версии концепции общества знания, фокусируя внимание на различии знания и информации, экономических и социальных трансформациях, изменении характера трудовых отношений. По его оценке, развитие общества знания является одновременно эволюционным феноменом и политическим намерением. Бехманн приходит к выводу о том, что знание является не только конституирующей особенностью современной экономики, но также базовым организационным принципом нашей жизни, и именно поэтому можно утверждать, что мы живем в обществе знания. Однако решающая роль знания в социальном воспроизводстве означает, что и фактор незнания оказывается чрезвычайно значимым. В условиях неопределенности становятся необходимыми социальное обучение и адаптация социальных акторов к риску.

Д.В. Ефременко в своей статье рассматривает риск как обратную сторону знания. Он считает не вполне убедительными те трактовки общества знания, которые игнорируют или приуменьшают роль воспроизводства и коммуникации социальных рисков. Автор обращает внимание на связь ранних версий концепции общества знания с технократическими идеями, а также на существенное изменение социальных функций науки по мере превращения знания в решающий фактор развития общества. По его мнению, особую актуальность идеям об обществе знания придадо то обстоятельство, что на определенном этапе они оказались в резонансе с новейшими тенденциями развития глобальной финансово-экономической системы. Однако дискуссии о посткапитализме или о когнитивном капитализме скорее прикрывали, а не раскрывали сущность этих тенденций, подтверждением чему может служить разразившийся в 2008 г. мировой финансовый кризис.

И.Е. Москалёв аргументирует позицию, согласно которой прогресс информационно-коммуникационных технологий и экспоненциальный рост информации выступают внешним фоном качественных социальных изменений, позволяющих сделать вывод о появлении новых характеристик общества как сложной системы. Общество знания – это общество нового уровня сложности коммуникативных процессов, что в свою очередь требует повышения сложности управленческих систем, учитывающих неоднозначность и неопределенность будущего, новые риски и возможности.

Проблемам организации научно-технической деятельности в условиях общества знания посвящена статья В.Г. Горохова. В современной ситуации наука обязана не только поставлять обществу надежное знание, но и одновременно помочь решению социальных проблем с помощью производства новых знаний. Все более тесное встраивание науки в социальный контекст и требование ее практической релевантности являются выражением изменения общественной функции науки и одновременно исходным пунктом научной рефлексии ее отношений с обществом. Автор приходит к выводу о конвергенции академического и технологического порядков знания, благодаря чему возникает новая, включенная в процессы принятия социально значимых решений наука.

М.Е. Соколова подробно останавливается на другом аспекте современного процесса производства знания, а именно на формировании информационно-коммуникационного пространства научной деятельности. В центре внимания автора – перспективы формирования информационного пространства российской академической науки. Характеризуя его современное состояние как сложный стохастический процесс, на который оказывают влияние различные факторы, личные и институциональные интересы, автор полагает, что управление академическим информационным пространством должно быть гибким, исключающим попытки централизованного регулирования. Вместе с тем необходимо осуществлять это управление на основе стратегического подхода, учитывающего приоритеты информационной политики государства.

Включенные в настоящий сборник реферативные материалы открываются кратким обзором Всемирного доклада ЮНЕСКО «К обществам знания» (2005), который можно рассматривать как промежуточный итог развития концепции общества знания.

Ретроспективный анализ представлений об обществе знания предлагает немецкий социолог Б. Крингс. Она рассматривает концепцию общества знания с точки зрения ее социологической релевантности, уделяя при этом основное внимание таким аспектам, как роль знания в управлении организациями и в изменении характера трудовых отношений.

Поиску эмпирических подтверждений сдвига от индустриального общества к информационному обществу уделяют в своей статье значительное внимание американские исследователи Дж. Рул и Я. Безен. Опираясь на статистические данные об инвестициях в исследования и разработки, инфраструктуру, образование и патентова-

ние в США в период с 1954 по 2001 г., авторы приходят к выводу о положительном воздействии большинства такого рода инвестиций на экономический рост. Однако они не смогли найти убедительных подтверждений того, что за это время произошли радикальные изменения, позволяющие говорить о принципиально новом качестве социально-экономических отношений.

Н. Штер, чьи работы 1990-х годов внесли важный вклад в развитие представлений об обществе знания, предлагает рассматривать знание как способность к действию, которая обеспечивает взаимосвязь действий индивидуальных акторов с социальной окружающей средой. В реферируемой статье, написанной в соавторстве с У. Уфером, он обращается к проблемам трансфера знаний в условиях глобализации. Авторы показывают, что знание как возможность действовать всегда привязано к локальному контексту, оно претерпевает неизбежные модификации под воздействием социокультурной среды. И если некоторые формы знания все же имеют шансы получить универсальные характеристики, то большинство форм знания сталкиваются с ограничениями, которые не позволяют им выйти на глобальный уровень.

Вопросы, связанные с соотношением глобального и локального знания, обсуждают также М. Фезерстоун и К. Венн. По их мнению, необходимо, чтобы исследования организации и развития знания выступали в тесной связи со значимыми локальными либо транснациональными проблемами. То или иное локальное знание на определенном этапе может заявить претензии на превращение в знание глобальное (что в свое время и произошло со знанием, рожденным в лоне западной цивилизации).

Известный немецкий философ и социолог науки П. Вайнгарт фокусирует внимание на том, как изменяется положение науки по мере становления общества знания. По его мнению, утрата дистанции между наукой и обществом, их тесное переплетение ставят под сомнение саму возможность доверия к науке как основному источнику достоверного знания. Именно проблема доверия становится ключевой для общества знания.

М. Крюгер-Шарле с известным скепсисом воспринимает притязания адептов общества знания на то, чтобы именно в этих терминах дать определение современной эпохи. Не отрицая пользы теоретических поисков в рамках концепции общества знания, он предлагает сосредоточить основное внимание исследователей на дифференциации систем знания.

О человеческом измерении знания как о своеобразной «перегрузке» гуманизма пишет М. Шёб, а Ф. Тиль рассматривает педагогические методы подачи и проверки знания, выделяя важнейшие проблемные узлы в этой области исследований (см. сводный реферат «Образ знания в современном обществе»). Американские социологи Д. Фрэнк и Дж. Майер анализируют роль университетов в становлении общества знания. Характеризуя масштабы и динамику развития университетского образования как экспансию, эти авторы считают, что, по сути дела, речь идет о функциональном ответе системы образования на вызовы, обусловленные нарастающей операциональной сложностью общества эпохи модерна. По их мнению, университеты становятся тем стержнем, вокруг которого структурируется общество знания.

Проблематика когнитивного труда анализируется в статьях М. Кофранека, А. Лазофски-Блаут, С. Перницки и Г. Коцыбы (см. сводный реферат «От общества труда к обществу знания»). Основной вопрос, который обсуждают авторы, состоит не в очевидном возрастании социального и экономического веса таких «символических» видов деятельности, как исследования и разработки, маркетинг, производственный менеджмент и т.д., а в том, в самом ли деле при этом происходит сдвиг от индустриального общества к постиндустриальному и – тем более – к обществу знания.

Создатель теории сетевого общества М. Кастельс рассматривает взаимосвязи между коммуникацией и отношениями власти в условиях нового скачка в развитии информационно-коммуникационных технологий. Он показывает, что не только сфера публичной политики во все возрастающей степени попадает в зависимость от процессов коммуникации, но и само коммуникационное пространство становится областью конкурентных отношений. Это является признаком наступления новой исторической эпохи, когда рождаются новые социальные формы, и, как и раньше, обновление общества происходит в борьбе и конфликтах.

Вошедшие в настоящий сборник материалы, разумеется, не охватывают всей проблематики общества знания. Однако они позволяют представить палитру мнений, возникающих в ходе обсуждения социальных трансформаций, движущей силой которых выступает знание. Большинство авторов прямо или косвенно соглашаются с тем, что идеи общества знания, их нормативный посыл сохраняют свою привлекательность и в будущем. Но это не значит, что все теоретические и – тем более – практические труд-

ности уже преодолены. Скорее, наоборот. Во всяком случае, на уровне социально-философской рефлексии такого рода работа лишь начата, поскольку общество знания – это не общество без проблем, а общество с новым качеством проблем.

Д.В. Ефременко

СТАТЬИ

К.Х. Делокаров

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ «ОБЩЕСТВО, ОСНОВАННОЕ НА ЗНАНИЯХ», НОВЫМ ТИПОМ ОБЩЕСТВА?»¹

В последние годы исследователи все чаще используют для характеристики современного этапа общественного развития новый термин «общество знания» или «общество, основанное на знаниях». В связи с этим встает вопрос о соотношении постиндустриального общества, информационного общества и «общества, основанного на знаниях». Является ли «общество, основанное на знаниях» новым типом общества или в этом случае мы имеем дело всего лишь с политическим и идеологическим лозунгом, призванным помочь расширению влияния объединенной Европы, как считает, например, Г.С. Хромов. В статье «Инновации и вокруг них» он пишет, что термин «общество знания» «является не более чем политическим лозунгом, провозглашенным на заседании Совета Европы в Лисабоне в 2000 г. Этот термин не имеет ни экономической, ни социологической конкретности и провозглашает всего лишь готовность политиков Европейского союза поощрять в меру возможностей образование и науку в целях укрепления глобалистической конкурентоспособности объединенной Европы»².

Между тем такого рода суждения проблему не снимают. Впервые, этот термин получил признание в программных докумен-

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Концепция “общества знания”: Сущность и философско-методологические перспективы», осуществляемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-03-00307 а).

² Хромов Г.С. Инновации и вокруг них // Науковедческие исследования. 2008: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям / Отв. ред. А.И. Ракитов. – М., 2008. – С. 180.

тах ЮНЕСКО¹. Во-вторых, понятием «общество, основанное на знаниях» охотно оперируют не только чиновники и администраторы, но и представители различных областей социогуманитарного знания². И поскольку понятия «живут» своей жизнью и плохо поддаются внешней регламентации, актуализируется проблема концептуальных оснований введения новой терминологии и ее широкого использования в социогуманитарном дискурсе.

Философские и социокультурные основания концепции «общества, основанного на знаниях»

Рассмотрение «общества, основанного на знаниях» в качестве нового социокультурного и цивилизационного феномена выявляет сложность концептуализации его исходных установок. Причиной является многозначность смыслообразующего для этого феномена понятия «знание». Знание – атрибут *homo sapiens*. Становление человека и рост объема знаний, добываемых им для адаптации к миру и для все большего приспособления мира к собственным потребностям, неразрывно связаны между собой. И поскольку исторически потребности человека систематически росли, неуклонно возрастал и объем знаний, необходимый ему для самореализации и удовлетворения этих потребностей. Естественно, изменялось и содержание понятия «знание», которое стало охватывать не только специализированные сведения в форме понятий и суждений, но и результаты практического опыта, традиции, правила и т.д.

Осмысление целей и функций знания имеет свои особенности в различных социокультурных традициях. Так, с точки зрения классика китайской философии Конфуция, знание обращено к человеку, к пониманию основных качеств «благородного мужа», которому можно доверить управление государством. Для даосизма и дзен-буддизма знание представляет собой самопознание, путь к

¹ К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. – Париж: ЮНЕСКО, 2005. – Режим доступа: <http://www.ifap.ru/library/book042.pdf>

² См.: *Ракитов А.И.* Регулятивный мир: Знание и общество, основанное на знаниях // Вопросы философии. – М., 2005. – № 5. – С. 82–94; *Макаров В.Л.* Экономика знаний как социокультурный феномен. – М.: РАГС, 2006; *Миндели Л.Э.* Роль государства в формировании и развитии общества, основанного на знаниях. – Режим доступа: <http://fp6.csrg.ru/news/data/mindeli.doc>; *Петровский В.Ф.* Возможно ли общество знания в России? – Режим доступа: <http://www.novopol.ru/material1873.html>

мудрости. В этой позиции можно усмотреть аналогию с учением Сократа, считавшего самопознание важнейшей задачей. Примечательно, что уже в Античности существовала и другая трактовка: знание как инструмент успешной деятельности. Сторонником такой точки зрения был Протагор, который под знанием понимал логику, грамматику и риторику – отрасли знания, необходимые для общей культуры и основанные на широком образовании. При этом эффективность, полезность приписываются вовсе не науке, а *techne*, то есть умению, навыкам. Тем самым *techne* как умение и знание как постижение мира уже тогда различались, поскольку последнее не связывалось со способностью к действию. Характерно, что и Сократ, и Протагор, отдававшие *techne* дань уважения, не считали его знанием. В качестве умения или навыка *techne* не могло стать основой для выработки общих принципов, а лишь указывало на определенный порядок действий, необходимых в конкретных случаях. Для *techne* характерна неразрывная связь с его конкретным носителем, мастером, навыки и приемы которого можно перенять, лишь пройдя под его началом долгий период ученичества.

Классические идеи Платона и Аристотеля определили концептуальные рамки смыслового спектра понятия «знание» в европейской философской мысли «осевого времени» (по К. Ясперсу). В эпоху Платона и Аристотеля знание не противопоставлялось добродетели, а рассматривалось в единстве с ней. Так, в частности, трактует знание Платон в диалоге «Теэтет». Вкладывая эту мысль в уста Сократа, он показывает, что «ни ощущение, ни правильное мнение, ни объяснение с правильным мнением, пожалуй, не есть знание»¹. Наиболее полно вопрос о том, что такое знание и как знание соотносится с мнением, бытием и благом, Платон обсуждает в диалогах «Теэтет», «Менон» и «Государство». В «Теэтете» Платон выясняет соотношение чувственного восприятия, правильного мнения со смыслом и знанием, а в «Меноне» он рассматривает связь знания с добродетелью. И уже в диалоге «Государство» Платон обосновывает тезис о том, что природу блага необходимо ставить выше знания и истины.

Аристотель, несмотря на известные расхождения по ряду вопросов со своим учителем, продолжал эту традицию. В «Никомаховой этике» он отождествлял знание и интуицию наиболее цен-

¹ Платон. Теэтет // Платон. Собр. соч.: В 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 274.

ных по своей природе вещей с мудростью. Мудрость при этом не тождественна умности, характеризующей способ получить выгоду, тогда как мудрые занимаются нужными, но бесполезными вещами. Вместе с тем, как отмечает И.Т. Касавин, «от Аристотеля ведет начало целый ряд представлений о знании, в том числе о знании как умении. Знать нечто (ремесло, язык, обряд) означает уметь практиковать, пользоваться, воспроизводить его. Знание рассматривается как схема деятельности и общения, как функция всякой человеческой активности (функционализм)»¹. В целом греческая философия стала основой многочисленных интерпретаций знания, характер которых определялся особенностями места и времени.

Следующий исторически важный этап в развитии представлений о знании связан с мыслителями эпохи Средневековья, рассматривавшими данную проблему преимущественно с теологических позиций. При этом в зависимости от характера религии знание приобретало различные смысловые оттенки. Общим и для христианства, и для ислама было то, что знание и вера в средневековом мышлении не только не противопоставлялись друг другу, но и обозначались одним термином. В связи с этим примечательна работа американского востоковеда Ф. Роузентала «Торжество знания: Концепция знания в средневековом исламе». Согласно этому автору, знание «определяло в мусульманском обществе воплощение человеческого стремления к совершенствованию посредством учения и образования»². Оно не сводилось к знанию единичных фактов, но означало «знание, покоящееся на научно доказуемых эпистемологических основах»³. Без знания ислама в этой культуре невозможно истинное знание. Но, как отмечает Роузентал, проблема в том, что «термин “знание” сам по себе представляет различные понятия и ценности. Современные споры о том, какому типу знания и какой форме образования следует отдать предпочтение, показывают, что знание, желанное для одних, может означать невежество и застой для других»⁴.

Современные представители христианской религиозной философии тоже выделяют различные типы знания, исходя при этом

¹ Касавин И.Т. Знание // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. – Т. 2. – С. 51.

² Роузентал Ф. Торжество знания: Концепция знания в средневековом исламе. – М.: Наука, 1978. – С. 235.

³ Там же. – С. 234.

⁴ Там же. – С. 235.

из существования знания в высшем религиозном смысле. Так, согласно известному католическому философу Ж. Маритену, слово «знание» имеет три значения. В первом, высшем смысле имеется в виду «*знание твердое и непоколебимое, разумеется, не исчерпывающее* (им обладает лишь Бог), но дающее уверенность и способное постоянно продвигаться по верному пути. В это понятие входит мудрость, образуя его высшую сферу»¹. Затем Ж. Маритен выделяет науку как второй смысл «знания», противопоставляемый мудрости и относящийся «к самым что ни на есть заземленным областям знания...»² Второй смысл знания фиксирует внимание на эмпирических, частнонаучных проблемах. Наконец, «в третьем, низшем смысле слово “знание” ...относится уже не к знанию точному и совершенному, а к знанию, рождаемому любознательностью людей и диктуемому их пристрастием к мирским вещам... Здесь знание в наибольшей степени противостоит мудрости»³.

Приведенные трактовки «знания» дают представление о динамике смыслового ядра данного понятия, которое претерпевает значительные изменения не только от эпохи к эпохе, но зачастую и от культуры к культуре. Однако наиболее радикально содержание этого понятия начало меняться в связи с возникновением новоевропейской науки. По сути дела, возник новый социокультурный феномен – «научное знание». Именно научное знание послужило движущей силой цивилизационных трансформаций, своеобразным итогом которых явилась новейшая постановка вопроса об обществе знания. В результате развития науки содержание понятия «знание», с одной стороны, значительно расширилось, стало более строгим и четким, а с другой – сузилось, поскольку новоевропейская наука исключила из своей сферы духовно-нравственные ценности. Это имело далеко идущие последствия, которые прослеживаются и в современных трактовках «общества, основанного на знаниях».

Успехи науки и формирование индустриального общества привели к отделению веры от знания и вновь актуализировали, теперь уже с учетом научных норм, старый вопрос о сущности знания. Теоретико-познавательная ситуация еще более осложнилась в связи с появлением неклассической науки и открытием микромира. Стало понятно, что со временем меняется не только предметная

¹ *Маритен Ж.* Знание и мудрость. – М.: Научный мир, 1999. – С. 10.

² Там же.

³ Там же.

сфера науки, но существенно обновляются ее познавательные средства и характер применяемых методов. Выявилась принципиальная проблематичность знания, хотя сам процесс переосмысления базовых понятий, подобных знанию, сопровождает культуру на протяжении всей ее истории. Степень актуализации проблематики знания зависит от особенностей той или иной цивилизации, ее потребностей и целевых установок.

Данная проблема обретает особую остроту в начале XXI в., когда основными ресурсами цивилизационного развития становятся знание и информация. Ситуация осложняется тем, что происходит это на фоне растущего разочарования многих людей в науке, преобладания в культуре постмодернистских и релятивистских представлений о научном знании и отсутствия общепринятых критериев научности. Любое утверждение типа «Я знаю, что...» может быть поставлено под сомнение, равно как и ценность знания, соотношение знания и умения, знания и информации и т.д. Между тем без преодоления такого рода релятивизма функционирование информационного общества или общества, основанного на знаниях, оказывается заведомо неустойчивым.

При этом для рефлексующего разума важно понять соотношение знания и информации, в особенности если ставится вопрос о переходе от общества, опирающегося на информацию, к обществу, основанному на знаниях. Ведь, на первый взгляд, знание представляет собой информацию о познаваемом объекте. Однако более внимательный анализ приводит к дифференциации этих понятий, поскольку не всякая информация представляет собой знание. Так, согласно ряду исследователей, информация отличается от знания тем, что она может быть переведена «в цифровой код и передана от источника к получателю с помощью средства связи»¹. Поэтому «с точки зрения теории информации нет разницы между научной формулой, колыбельной песенкой и набором лживых предвыборных обещаний»².

Понятие «знание» укоренено в человеческой истории. Оно трудноопределимо, поскольку относится к «универсалиям культу-

¹ Бард А., Зодерквист Я. Нетократия: Новая правящая элита и жизнь после капитализма. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – С. 89–90.

² Там же. – С. 90.

ры»¹. В эпоху доминирования традиционной культуры в знании органически соединялось рациональное и духовно-ценностное. С переходом к техногенной цивилизации наука превратилась в социальный институт, а важной особенностью научного знания стала специализация. Тем не менее научное знание погружено в культуру, оно сложнейшим образом взаимодействует с другими формами сознания и предметно-практической деятельностью человека, что не может не отразиться на интерпретации как научного знания, так и знания вообще.

Наиболее значительное влияние на изменение социального статуса знания оказало появление письменности. Первыми «письменными» цивилизациями были Месопотамия, Египет, Индия и Китай. Письменность явилась важнейшей предпосылкой создания кодифицированного законодательства, нормы которого могут быть доведены до любого члена общества. Если до этого тайное, мистическое знание было доступно только посвященным, то знание, закрепленное в тексте, давало преимущество тем, кто мог этот текст прочесть. Правда, на раннем этапе существования письменности чтение и письмо были также уделом избранных, и «не считалось, что письменность должна стать доступной обычному человеку»². Однако, как отмечают А. Бард и Я. Зодерквист, «революции живут собственной жизнью, не поддающейся никакому долговременному контролю, и именно так обстоит дело с информационной революцией»³. Письменность изменила статус пространства и времени, так как с ее появлением «все то, что ранее считалось недоступным ввиду своей пространственной или временной отдаленности, с изобретением письма стало легко достижимым и познаваемым»⁴.

Не менее значимым для новоевропейской и мировой культуры было изобретение И. Гутенберга, создавшего «человека печатной культуры». Книгопечатание не только открыло новые возможности распространения информации, но и сформировало новый тип мышления, новую культуру, нового человека. Человек печатной культуры – это адепт прогресса, основанного на бесконечном рациональном совершенствовании. Вера в прогресс, достигшая апогея в эпоху Просвещения, явилась предпосылкой индустриальной

¹ Стёпин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 267–275.

² Бард А., Зодерквист Я. *Op. cit.* – С. 25.

³ Там же.

⁴ Там же.

революции. Однако последствия этой революции, выразившиеся, прежде всего, в столкновении человека с природой и в других глобальных проблемах, заставили говорить о кризисе проекта Просвещения. Сложился особый контекст, в котором мы сегодня обсуждаем перспективу нового этапа цивилизационного развития, главным ресурсом которого становятся знания. Появление новых компьютерных технологий и Интернета заставляет заново, с учетом новой когнитивной ситуации, рассмотреть проблемы, которые обсуждал Платон на заре европейской культуры.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что новые компьютерные технологии качественно не меняют сущности знания. Радикально меняются только возможности получения, хранения, переработки и трансляции знаний, что приводит к беспрецедентному увеличению количества информации и ускорению ее циркуляции. Именно поэтому представляется спорным, что общество знания существенно отличается от информационного общества. Даже индустриальное общество нельзя понять без учета роли знаний и новых технологий, а в постиндустриальном обществе университеты и другие центры производства и передачи научного знания становятся влиятельной социальной силой. В концепциях информационного общества тезис о том, что информация и знания являются ведущим фактором прогресса, является общепринятым. Еще в 1980-х годах, до того, как Интернет получил массовое распространение, было сделано важное наблюдение: «Мировой информационный поток катастрофически нарастает. Этот рост подчинен экспоненциальному закону: прямая пропорциональность между величиной потока и скоростью его нарастания. Чем больше поток, тем быстрее он нарастает, тем еще стремительнее увеличиваются и сам поток, и скорость его нарастания»¹.

«Общество, основанное на знаниях», сущностно не отличается от информационного общества, поскольку и для того, и для другого конституирующим фактором является знание. Для подтверждения этой мысли можно сослаться на классика теории постиндустриального общества Д. Белла, отмечавшего, что «если капитал и труд – главные структурные элементы индустриального социума, то информация и знание – основа общества постиндустриально-

¹ *Петрович Н.Т.* Информативный сон Миклухо-Маклая // *Петрович Н.Т.* Люди и биты. Информационный взрыв: Что он несет. – М.: Знание, 1986. – Режим доступа: <http://n-t.ru/ri/pt/lb02.htm>

го»¹. Отметим, что Д. Белл не только отметил структурообразующую роль информации и знания для современного социума, но и использовал термин «общество знания», хотя и не придал ему того расширительного смысла, который характерен для более поздних интерпретаций общества знания. Д. Белл писал: «...постиндустриальное общество представляет собой общество знания в двойном смысле: во-первых, источником инноваций во все большей мере становятся исследования и разработки; во-вторых, прогресс общества... все более однозначно определяется успехами в области знания»². Наконец, сошлемся на авторитет ведущего теоретика информационного общества М. Кастельса, подчеркивающего, что «информация и знание *всегда* являлись важными составляющими экономического роста, а развитие технологии во многом определило производительность общества, уровень жизни, а также социальные формы экономической организации»³.

В сущности, программа постиндустриального общества, информационного общества и общества знания выступает продолжением все той же логики социального развития, которая берет свое начало в рационалистической картезианской традиции и основанном на этой традиции проекте Просвещения. Эта программа методологически продуктивна, если речь идет о расширении образовательного и культурного пространства современного мира, преодолении разрыва между индустриально развитыми и развивающимися странами, развитии культуры диалога. Но решить наиболее острые глобальные проблемы, порожденные преимущественно действиями индустриально развитых стран, эта программа не в состоянии. Ведь по сути дела, современная постановка задачи формирования «общества, основанного на знаниях», означает расширение и углубление сциентистских тенденций, но вовсе не изменение парадигмальных установок социального развития.

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – С. 4.

² Там же. – С. 188.

³ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – С. 81. – (Подчеркнуто нами. – К.Д.)

Знание и экономические детерминанты нового социального порядка

На протяжении всей истории человечества знание не только обогащало культуру, но и служило основой власти. Любые человеческие достижения, в том числе и интеллектуального характера, широко использовались властью имущими для упрочения собственного положения. В этом смысле отношение к знанию не было исключением. Однако если до относительно недавнего времени знание было лишь одним из ресурсов социального развития (не самым главным), то для становления «общества, основанного на знаниях», *решающим* ресурсом выступает именно знание. При этом речь идет не просто о знании в обыденном смысле, а о знании-информации, то есть знании, которое может быть количественно оценено и передано с помощью новейших коммуникационных технологий.

«В экономике, основанной на знаниях, под термином “знание” понимается не только массив информации, которым обладают конкретные люди, но и часть продукта или услуги»¹. При этом, если культура имеет определенный опыт различения и сопоставления знаний и информации, то значительно сложнее обстоит дело с определением «знаниевой» составляющей продуктов, товаров и услуг. Пользуясь товаром, люди зачастую не имеют достаточного представления о компонентах знания, влияющих на определение стоимости того или иного товара. Можно, однако, предположить, что с расширением сегмента общества знания будет возрастать интерес людей к «знаниевому» компоненту приобретаемых ими продуктов и услуг. А это, в свою очередь, может привести к дальнейшей активизации специалистов в области рекламы, которые, таким образом, будут стремиться воздействовать на потребительские предпочтения людей, и в конечном счете – на их систему ценностей. Если развитие событий пойдет в указанном направлении, то составители программных документов, подобных докладу ЮНЕСКО «К обществам знания», скорее всего, будут вынуждены признать серьезную деформацию изначально заявленных целевых установок.

В обществе знания особой ценностью обладают люди, способные генерировать необходимые в данный момент знания. Не менее ценны специалисты, которые могут повысить производи-

¹ Гапоненко А.Л., Орлова Т.М. Управление знаниями: Как превратить знания в капитал. – М.: ЭКСМО, 2008. – С. 180.

тельность труда за счет соединения потенциала различных трудовых коллективов и фирм, располагающих нужными знаниями. Происходит формирование нового слоя специалистов-практиков, операторов, организаторов и идеологов знания. Все это свидетельствует о том, что «общество знания» – это не только возможная в будущем модель социального развития, но и воплощаемая в наши дни реальность. России очень важно не отстать от ведущих стран мира, которые идут в авангарде этого развития и формируют представления о новом обществе.

Движение к новому типу общества требует постоянного внимания к процессу производства знания, которое выступает важнейшим ресурсом развития социума. Для этого требуется систематическая поддержка новых образовательных программ, способствующих подготовке необходимых для экономики знания специалистов. Образовательная система в новых условиях должна отвечать ряду требований, в числе которых – непрерывное образование, опора на достижения новейшей информационно-компьютерной технологии и повышение качества знания. Не случайно в индустриально развитых странах мира систематически растет доля взрослого населения, имеющего высшее образование. Детерминантой этого процесса является эволюция производственной сферы, постоянно возрастающая в ней роль наукоемких технологий, для работы с которыми требуются специалисты высшей квалификации.

Еще одной характерной особенностью нового общества является востребованность практически ориентированного знания. Знания в этом обществе производятся для непосредственного применения, и, естественно, предпочтение отдается тем их видам, которые нужны «здесь и сейчас». Общество, основанное на знаниях, – это не просто общество, функционирующее на рыночных принципах, но особый тип капиталистических отношений, в котором важнейшим товаром или компонентом товарной стоимости является знание. Можно предположить, что в обществе, основанном на знаниях, в первую очередь будут развиваться те знания и технологии, которые выгодны транснациональным корпорациям и бизнесу вообще. И далеко не случайно, что фоном развития идеи «общества, основанного на знаниях», выступает, по М. Кастельсу, «информационный капитализм» («informational capitalism»)¹.

¹ *Castells M. The rise of the network society. – Malden (MA): Blackwell, 2000. – Vol. 1. – P. 18ff.*

Такое общество ориентировано не столько на решение основных глобальных проблем, сколько на обеспечение дальнейшего роста производства и потребления за счет повышения общего образовательного уровня жителей планеты.

Отмеченные проблемы еще недостаточно четко артикулированы и не стали предметом систематического обсуждения. Ведь с тезисом о формировании общества знания довольно трудно спорить, поскольку полезность распространения знания, повышение образовательного уровня населения не вызывают никаких возражений. Однако учитывая темпы современного социального развития, можно предположить, что контекст и подтекст тезиса об обществе знания уже вскоре окажутся в фокусе внимания исследователей. При этом будут обсуждаться не только методологические проблемы соотношения «знания» и «информации», но и вопросы влияния рынка на характер востребованных знаний. И тогда, если верно наше предположение о конституирующей роли рынка, оказывается, что новое общество отвечает не столько интересам всех его членов, сколько интересам основных рыночных игроков, то есть лишь определенной части социума. Происходящее при этом возрастание объема информации, циркулирующей в обществе, в том числе и в сети Интернет, не означает автоматического повышения культурного уровня хотя бы потому, что в становящемся все более мощным информационном потоке очень много сомнительного. Однако возможность отбора информации и разработка для него необходимых критериев сами по себе являются сложной проблемой.

В связи с этим необходимо подробнее рассмотреть целевые установки «общества, основанного на знаниях», его концептуальные основания и методологический инструментарий. Особого внимания заслуживает при этом позитивистская парадигма.

Позитивистская парадигма и ее последствия

Содержание знания меняется от культуры к культуре и от эпохи к эпохе. На заре человеческой цивилизации знание было знанием мифологическим. В период «осевого времени» впервые появляются религиозно-философские знания, которые начинают определять облик истории. Окончание эпохи Средних веков и зарождение капиталистических отношений были ознаменованы новыми кардинальными изменениями. Во-первых, стали появляться различные типы знания, которые множатся, взаимодействуют, при-

обретая новые смыслы. Во-вторых, в европейской культуре решающая роль перешла к рациональному знанию, что, в конце концов, привело к появлению науки в ее современном понимании. В-третьих, начала усиливаться не только связь науки и технической деятельности, но само научное знание стало экономической и социокультурной ценностью. В результате необычайно вырос социальный статус науки и не в меньшей степени выросли связанные с ней социальные ожидания.

Научная революция, происшедшая в Европе в XVII в. одновременно с утверждением капиталистических отношений, радикально изменила не только представления человека о мире, но и о самом себе. Сформировалась рационалистическая секуляризованная культура, ставшая ядром новых социальных и гуманитарных трансформаций. Благодаря науке и технике многократно возросли возможности преобразования мира. Тогда же, в XVII–XVIII вв., появились идеи прав человека, роли государства, общественного договора, то есть идеал Просвещения, оказавший столь сильное воздействие на последующую судьбу человеческой цивилизации со всеми ее достижениями и проблемами.

Позитивизм неоднозначно отнесся к идейному наследию Просвещения. С одной стороны, классики позитивизма О. Конт и Г. Спенсер привели основательную эмпирическую аргументацию в пользу возможности прогрессивного развития человечества, основой которого должно стать использование неограниченных ресурсов науки. С другой стороны, позитивизм, сводя к научному знанию основания социального прогресса, тем самым ограничивал его концептуальные рамки. Последующие формы позитивизма, независимо от частных различий, сохранили приверженность тезису о том, что наука выступает высшей интеллектуальной силой общественного развития.

В XIX в. научное знание становится не только ведущей интеллектуальной силой, но и ядром цивилизационного развития, ценностно-мировоззренческой основой техногенной западной цивилизации. Уровень развития науки и техники стал фактором, оказывающим значительное воздействие на характер общественных отношений. Сциентизм начал претендовать на роль нового мировоззрения, а на роль его главных творцов – представители естественных наук. В связи с этим примечательно утверждение видного представителя неопозитивистской философии Г. Рейхенбаха: «Вера в то, что наука располагает ответом на все вопросы... столь широко

распространена, что наука восприняла социальную функцию, которая первоначально обслуживалась религией: функцию предлагать предельную уверенность. Вера в науку в значительной мере заместила веру в бога¹.

Разумеется, подобная абсолютизация норм эмпирически ориентированной науки встретила резкую критику со стороны представителей многих интеллектуальных движений. Так, испанский философ Х. Ортега-и-Гассет назвал позитивистскую установку «деревенской философией»². Позитивизм исходит из того, что люди являются исключительно «рациональными существами», стремящимися свести рациональность только к естественно-научной ее форме. По образному выражению Ортеги-и-Гассета, в Европе наступила эпоха «терроризма лабораторий»³. В этот период философы отказываются от решения проблем самой философии, «сведя ее к минимуму, униженно поставив на службу физике. Они решили, что единственной философской темой является размышление над самим фактом физики, что философия не более чем теория познания»⁴. Ортега-и-Гассет обосновывает убеждение в том, «что сегодня, после того как философы с краской мучительного стыда сносили презрение ученых, бросавших им в лицо, что философия не наука, нам – по крайней мере, мне – нравится в ответ на это оскорбление заявлять: да, философия не наука, ибо она нечто гораздо большее»⁵.

Ортега-и-Гассет обратил внимание еще на один существенный аспект философии позитивизма, а именно на то, что эти идеи оказались в социальном плане созвучными интересам капитализма. По его словам, примат практического в Европе совпал «с господством так называемого буржуа, человека того типа, который не чувствует призвания к теоретическому созерцанию, а нацелен на практику... Поэтому буржуазная эпоха гордится в первую очередь успехами индустриализации и вообще полученными для жизни специальностями: медициной, экономикой, управлением. Физика приобрела невиданный престиж, потому что от нее произошли машины и медицина. Интерес, проявленный к ней массой средних

¹ *Reichenbach H.* The rise of scientific philosophy. – Berkeley: Univ. of California press, 1951. – P. 53–44.

² *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? – М.: Наука, 1991. – С. 95.

³ Там же. – С. 69.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С. 70.

людей, не плод научной любознательности, а материальный интерес. В подобной атмосфере и зародилось то, что можно было назвать «империализмом физики»¹.

Как известно, концептуальные установки позитивизма не приняли многие философские направления. Например, согласно Н.А. Бердяеву, «наука сама себя не может обосновать, не может укрепить себя в пределах точного знания. Сами первоосновы науки требуют иного, философского обоснования. Своими корнями наука уходит вглубь, которую нельзя исследовать научно, а верхами своими наука поднимается к небу»². Исходя из этого, Бердяев резко критиковал позитивистскую философию. По его мнению, «гуманизм в своих позитивистических пределах совершил мысленное человекоубийство; отверг высшее самосознание человека, трансцендентное данному природному миру и тем отрекся от первородства человека, предал человека во имя приспособления к данному природному миру и благоденствия в нем»³. По сути дела, «позитивизм является одной из форм прекращения существования отвлеченной философии: он подчиняет философию позитивной науке и в ней лишь приказывает искать источников питания»⁴.

Несомненно, что скепсис Бердяева и многих других мыслителей по отношению к различным течениям позитивизма был обусловлен принципиально иным пониманием предмета и сущности философии, непреходящим интересом к метафизическим вопросам о сущем, бытии, трансцендентном. Попытки ограничить сферу философии только теорией познания, разрабатываемой на материале новейших достижений физико-математического знания, или методологической проблематикой, были подвергнуты критике представителями экзистенциализма, герменевтики, философии жизни, не говоря уже о представителях религиозной философии. При этом речь шла не об отрицании важности гносеологической и методологической проблематики, а об ошибочности абсолютизации исходных физико-математических установок.

Несмотря на критику позитивизма, учение О. Конта и его последователей оказало существенное влияние на ценностно-мировоззренческий климат не только XIX, но и XX в. Многие идеи

¹ *Ортега-и-Гассет Х.* Op. cit. – С. 66–67.

² *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – С. 41.

³ Там же. – С. 321.

⁴ Там же. – С. 25.

данного философско-методологического течения (включая его более поздние модификации вплоть до постпозитивизма) были абсорбированы европейской и не только европейской культурной традицией. Подтверждения тому можно видеть не столько в конкретных текстах и формулировках, сколько в отношении к науке и научной рациональности, в постановке тех проблем, которые находятся в центре интеллектуальных дискуссий.

Вместе с тем все версии и этапы развития позитивизма, в широком смысле слова, т.е. учения Конта и Спенсера в единстве со вторым позитивизмом, неопозитивизмом и постпозитивизмом, имели принципиальные недостатки методологического свойства. К ним, в частности, относились недооценка онтологической проблематики, тяга к эмпиризму, игнорирование роли ценностей, редукция научности и рациональности к нормам естественнонаучной рациональности. Не могла остаться без последствий и длительная критика неопозитивистами проблем философии как псевдопроблем. Наконец, позитивизм в широком смысле способствовал абсолютизации норм научной рациональности, что имело далеко идущие последствия ценностно-мировоззренческого характера. Суть этих последствий в том, что *не всякое рационально продуманное и рационально обоснованное действие* является продуктивным для общества в целом. Такое *рационально обоснованное действие* может быть эффективным для отдельного индивида или группы людей. Но здесь возникает проблема целей рационального действия, к которым может относиться не только общественное благо, но и нечто, ему прямо противоположное. Предоставляя средства для достижения самых разных целей, наука и ученые принимают на себя значительно более высокую степень социальной ответственности.

Между тем в рамках научной рациональности проблема целей науки и ее ответственности перед обществом не ставится. Эта проблема является философской и социальной. Вопросы социальной ответственности стали беспокоить ученых преимущественно после трагедии Хиросимы и Нагасаки. И это не случайно, поскольку наука со временем становится тем полем, на котором решается судьба человеческого бытия. Открывая новые законы, наука не только открывает новые горизонты перед личностью и обществом, но и ставит трудноразрешимые проблемы, соизмеримые по своим масштабам с будущим.

Суть проблемной ситуации состоит в том, что отрицательные последствия научно-технических достижений не уступают по своим масштабам позитивным последствиям. Осмысление этого аспекта приводит многих известных ученых к вопросу о том, сможет ли человечество справиться с надвигающимися опасностями. Вывод М. Борна пронизан глубоким скепсисом: «Мне представляется, – пишет он, – что попытка природы создать на этой земле мыслящее животное вполне может кончиться ничем»¹. По мнению М. Борна, «доводом в пользу такого заключения служит не только большая и все возрастающая вероятность развязывания ядерной войны с уничтожением всей жизни на земле. Если даже такую катастрофу удастся предотвратить, ничего, кроме темного будущего, не ждет человечество»². Развитие науки и основанной на ее достижениях технологии привело к девальвации этических принципов. Корни наиболее глубоких болезней современного общества – «в разрушении этических принципов, которые создавались веками и позволяли сохранять достойный образ жизни даже во времена жесточайших войн и повсеместных опустошений»³. Сегодня «новейшее оружие массового уничтожения не оставляет места для каких-то этических ограничений и низводит солдата до положения убийцы-технолога»⁴. И наконец, о причинах подобной эволюции человечества: «Нынешние политические и милитаристские ужасы, полный распад этики... можно объяснить не как симптом эфемерной социальной слабости, а как необходимое следствие роста науки, которая сама по себе есть одно из высших достижений человеческого разума»⁵. Вместе с тем М. Борн выражает надежду на то, что его рассуждения окажутся неверными и «когда-нибудь человек сможет стать более способным и мудрым, чем кто-либо из людей нашего времени. Тогда человечество выйдет из тупика»⁶.

В начале XXI в. правомерен вопрос о том, в каком направлении развиваются события, уменьшаются ли опасности, порождаемые развитием науки и техники, есть ли симптомы того, что человек становится более мудрым, способным найти выход из тупика, созданного его действиями? Не имея возможности в данной статье

¹ Борн М. Моя жизнь и взгляды. – М.: Прогресс, 1973. – С. 39.

² Там же. – С. 39.

³ Там же. – С. 40.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С. 45.

⁶ Там же.

систематически рассмотреть все эти вопросы, подчеркнем общий вывод: своими действиями человек не только усугубил ситуацию, которая так беспокоила М. Борна, но и породил новые проблемы, способные привести человечество к самоуничтожению. Достаточно указать на все более углубляющийся глобальный экологический кризис.

Между тем экологические проблемы не единственные, порожденные действиями современного человека. Ситуация осложняется тем, что этически человечество не выздоровело. Так, по мнению Б. Рассела, современный «мир стал похож на мир Макиавелли больше, чем он был действительно в его времена»¹. Показательны в связи с этим и суждения Т. Адорно в работе «Проблемы философии морали»: «...причина, по которой сами проблемы философии морали стали сегодня как никогда радикально проблематичными, заключается в первую очередь в том, что субстанциональность нравов... утратила себя настолько, что словно бы и не существует, так что на нее уже невозможно полагаться»². Отсюда и «вырастает желание отказаться от понятия морали как слишком моралистического»³.

Наконец, приведем оценку известного современного американского философа А. Макинтайра, изложенную им в работе с примечательным названием «После добродетели: Исследования теории морали». Согласно А. Макинтайру, в вопросах морали «мы все находимся в столь плачевном состоянии, что нет, по большому счету, лекарства от него»⁴. При этом американский философ отмечает, что в современной культуре «целостная субстанция морали в значительной степени фрагментирована и даже частично разрушена»⁵, хотя «язык и видимость морали продолжают существовать»⁶. В целом можно согласиться с А. Макинтайром в том, что «мы утратили – если не полностью, то по большей части – понимание мо-

¹ Рассел Б. История западноевропейской философии в ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней: В 3 кн. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997. – Кн. 3. – С. 26.

² Адорно Т. Проблемы философии морали. – М.: Республика, 2000. – С. 15.

³ Там же.

⁴ Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. – М.: Академический проект, 2000. – С. 10.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

рали как теоретическое, так и практическое»¹. Необходимо отметить, что и на современном этапе цивилизационного развития, если под ним понимать постиндустриальную и информационную эпоху, продолжает увеличиваться разрыв между возрастающей ролью интеллекта и духовно-моральной сферой, отступающей все дальше на периферию. Общество знания, заявленное ЮНЕСКО в качестве программной установки, также не способно переломить эту тенденцию.

Разочарование в абсолютизации норм научной рациональности было обусловлено действием многих факторов, к числу которых можно отнести и работы классиков постпозитивизма, особенно К. Поппера, «убившего», по его собственным словам, неопозитивизм. Разочарование во всеилии определенной формы научной рациональности привело многих критиков рационализма к абсолютному скептицизму, субъективистским толкованиям процесса познания, методологическому анархизму. Наиболее последовательными критиками науки и рациональности выступают постмодернисты.

Между тем систематическая критика рациональности и всей системы рационализма опасна для будущего цивилизации. Критика рационализма должна быть направлена не на претензии разума познать мир, а на абсолютизацию тех или иных форм рациональности, стремящихся стать универсальными. Не следует идти по пути постмодернистов, отвергнувших разум, не предложив ничего взамен. Как справедливо отметил немецкий социолог У. Бек, «первыми свидетельством о смерти притязаниям науки на разум и рационализм с радостным энтузиазмом выдали философы постмодернизма»². Не менее красноречивы и высказывания самих постмодернистов, например Р. Рорти, который следующим образом представляет свою работу «Философия и зеркало природы»: «Цель книги заключается в том, чтобы подорвать доверие читателя к “уму” как чему-то такому, по поводу чего нужно иметь “философский” взгляд, к “познанию” как к чему-то такому, о чем должна быть “теория” и что имеет “основания”, а также к “философии” как она воспринималась со времен Канта»³.

¹ *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали. – М.: Академический проект, 2000. – С. 7.

² *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 21.

³ *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997. – С. 5.

Постмодернизм не случайное явление в истории европейской гуманитарной мысли. Он является порождением современного кризисного состояния индустриальной и постиндустриальной цивилизации. Однако – и это не менее важно для понимания духовной ситуации современности – сторонники данного направления, характеризуя постмодерн как «состояние после оргии»¹, не предлагают никаких рецептов для выхода из кризиса. Как справедливо отметил И.А. Гобозов, постмодернисты еще более усугубляют это кризисное состояние своим нигилизмом по отношению к прошлому и нежеланием изменить что-либо².

Однако «виновата» вовсе не сама рациональность как способ адаптации человека к миру, а ее трактовка. Метафорично можно сказать, что кризис современной цивилизации связан не с «избытком» рациональности, разума, философии, теории и т.д., а с их недостатком, поскольку трудно считать рациональными те действия, которые ради экономического процветания небольшой части общества приводят к разрушению не только природной среды, но и целостности человеческой личности. Разумеется, связь между философскими идеями, наукой и ценностным миром капиталистического общества значительно более сложна и противоречива.

В общеметодологическом плане неоднозначность связи между знанием, в том числе научным знанием, и социальными процессами обусловлена действием нескольких факторов. Во-первых, знание полисеманлично, оно имеет множество значений. Во-вторых, наука, сужая это пространство значений и смысловых ассоциаций, полностью не снимает саму возможность различных интерпретаций тех или иных научных понятий, законов и теоретических построений. В-третьих, знание, будучи погруженным в ту или иную культурную традицию, испытывает влияние этой традиции. Наконец, развитые формы знания, например научные знания в форме научных теорий, допускают несовпадающие, даже альтернативные истолкования.

Система образования и становление «общества, основанного на знаниях»

Ядром «общества, основанного на знаниях» должно стать современное высшее образование. Развитие и модернизация сектора

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – С. 7.

² Гобозов И.А. Куда катится философия? – М.: Савин, 2005. – С. 173.

высшего образования являются условием повышения производительности национальных экономик, нуждающихся в высококвалифицированных специалистах, руководителях государственных органов, ученых, учителях. В наши дни образовательная парадигма должна включать умение пользоваться новейшими информационными технологиями, находить необходимую информацию и адаптировать ресурсы глобальной сети к местным потребностям. На этой основе появляется возможность интегрировать интеллектуальный потенциал развивающихся стран в общемировую структуру знания. В докладе Всемирного банка «Формирование общества, основанного на знаниях: Новые задачи высшей школы» подчеркивается: «Высшее образование способствует сплочению нации, содействуя укреплению социального единства и доверия к социальным институтам, активизации населения и открытых дискуссий, а также правильному пониманию вопросов гендерного, этнического, религиозного и социального разнообразия»¹. Высшее образование, согласно этой точке зрения, способствует формированию «плюралистического демократического общества», которое «опирается на результаты научных и аналитических исследований» в области общественных и гуманитарных наук. Наконец, высшее образование позволит перейти к здоровому образу жизни и улучшению «показателей здравоохранения», что сулит «значительные социальные выгоды»².

Новая система образования позволит, таким образом, не только решить экономические проблемы глобализирующегося общества, но и приведет, по мнению экспертов Всемирного банка, к значительным социальным и политическим переменам. Если обновление системы образования, в самом деле, позволит достичь «правильного понимания» вопросов этнического, религиозного, гендерного и социального характера, то, очевидно, в «обществе, основанном на знаниях», изменятся все социальные отношения и институты, разрешится большинство проблем, которые кажутся неразрешимыми в рамках современного общества.

Насколько обоснованна такая точка зрения? Может ли изменение образовательной системы преобразить базовые институты современного общества? По нашей оценке, парадигма «общества,

¹ Формирование общества, основанного на знаниях: Новые задачи высшей школы: Доклад Всемирного банка. – М.: Весь мир, 2003. – С. ххi.

² Там же.

основанного на знаниях», продолжает и завершает проект Просвещения, делая ставку уже не только на науку, но и на технологии, в частности Интернет. Принципиально важно иметь в виду, что информатика в целом и информационно-коммуникационные технологии в частности служат *не только средством хранения и переработки существующей, уже готовой информации, но и средством получения новой информации, новых знаний и средством их внедрения*. Тем самым существенно расширяются возможности человека в сфере познания и преобразования реальности.

Тем не менее знания, которые получает человек в школе и вузе, не позволяют полностью решить многочисленные этнические, религиозные и иные социальные проблемы. Естественно, чем выше образовательный уровень населения, тем больше теоретических возможностей рационального разрешения возникающих конфликтов. Однако было бы упрощением считать, что само по себе образование, даже высшее, сможет решить многочисленные проблемы современного общества. Подобная установка основана на давнем убеждении в решающей роли рационального начала в человеке. При этом остается в тени тот факт, что человек не только мыслящее, но и чувствующее, верующее, имеющее волю и т.д. существо. Если бы существовала столь жесткая связь между знаниями и цивилизационными процессами, то с общим возрастанием образовательного уровня населения в различных странах число проблем уменьшалось бы, а не увеличивалось, как это имеет место в современном мире. Напомним в связи с этим, что одна из самых сложных проблем современного мира – экологическая – порождена в первую очередь развитыми в научном и технологическом отношении странами.

С общефилософской точки зрения представляется крайне спорным отождествление рациональности человека с господствующей научной формой мышления. Человек рационален и иррационален одновременно. В постижении мира участвуют и разум, и чувства, и вера, и воля. Абсолютизация какой-то из этих форм постижения человеком себя и мира приводит к негативным последствиям.

Важным преимуществом «общества, основанного на знаниях», может стать *непрерывность* образования, означающая обновление знаний на протяжении всей жизни человека. Признание того, что образование в принципе не может быть полностью завершенным, в большей мере соответствует многообразию форм и способов постижения мира. В прагматическом аспекте «непрерывное

образование скорее подразумевает обновление знаний и повышение образованности, которые необходимы для повышения уровня индивидуальной квалификации и для того, чтобы идти в ногу с внедрением новых продуктов и услуг»¹.

Логическим продолжением этого подхода к образованию должно стать постепенное стирание грани между базовым и последующим обучением. Иначе говоря, в условиях «общества, основанного на знаниях», получение высшего образования становится необходимым, но недостаточным условием для успешной самореализации индивида. Подобная постановка проблемы ставит перед всеми странами новые, нестандартные задачи. Важную роль при этом будет играть национальная специфика, особенности системы образования и организации научно-технической деятельности в той или иной стране. Но решающее значение для устойчивого экономического роста и повышения жизненного уровня населения всех стран мира приобретает «способность общества создавать, отбирать, адаптировать, превращать в источник прибыли и использовать знания»².

Становление «общества, основанного на знаниях»: Надежды и тревоги

В XXI в. знания становятся не менее, если не более значимыми для общества, чем сырьевые ресурсы. Как отмечал в свое время академик А.Б. Мигдал, «в качестве показателя национального богатства выступают не запасы сырья или цифры производства, а количество способных к научному творчеству людей»³. «Общество, основанное на знаниях», – это не только продолжение проекта Просвещения, но и превращение знания, наиболее развитой формой которого является научное знание, в высшую цель и ценность человека и человечества. В основе этих представлений лежит неявное допущение о самодостаточности, самоценности знания. На первый взгляд, подобное допущение крайне привлекательно. Однако при этом оказываются обойденными многие принципиальные проблемы, поставленные в ходе развития европейской цивилизации. Таковы, в частности, проблемы соотношения знаний и морали, знаний и ры-

¹ Формирование общества, основанного на знаниях: Новые задачи высшей школы: Доклад Всемирного банка. – С. 27.

² Там же. – С. 7.

³ Мигдал А.Б. Поиски истины. – М.: Знание, 1978. – С. 3.

ночных отношений, знаний и информации, знаний и умений. Необходимо, разумеется, учитывать, что эти проблемы вписаны в сложный социокультурный контекст, оказывающий влияние на специфику их постановки и решения. Кроме того, за этими проблемами стоят сложнейшие процессы, обусловленные глобальными трансформациями и многообразием форм взаимодействия науки, техники и общества.

Наконец, необходимо иметь в виду, что если ядром нового общества будут знания, то носителем смысла знания в эпоху Интернета станет число. И речь должна идти не только об эпохе знания, но о «цивилизации, основанной на числе». В «цивилизации, основанной на числе», преуспеют те культуры, которые быстрее других научатся не только производить информацию и знание, но и оценивать информацию.

Огромное значение приобретает уровень компьютерно-информационной культуры. В XXI в. информационная грамотность начинает значить не меньше, чем собственно грамотность в период появления письменности. Для работника, не обладающего информационной грамотностью, уже сейчас закрыты наиболее привлекательные сегменты рынка труда, а со временем эта сфера расширится еще больше. Компьютерная грамотность – необходимое условие информационной грамотности. Вот почему обучение информационной грамотности в школах следует считать приоритетом уже начального образования (разумеется, с учетом возрастных особенностей, чтобы не навредить здоровью учащихся).

Заместитель Генерального директора ЮНЕСКО по вопросам коммуникации и информации А.В. Хан полагает, что концепция общества знания лучше отражает сложность и динамизм происходящих изменений, чем концепция «информационного общества»¹. Обсуждая вопрос об изменениях, которые должны произойти в ныне функционирующих образовательных системах в процессе перехода к «обществу, основанному на знаниях», Хан подчеркивает, что образование «является ключом к формированию справедливых обществ знания»². Стоит обратить особое внимание на употребляемый им термин – «справедливое общество знания». Дело в том,

¹ На пути к обществам знания: Интервью с заместителем Генерального директора ЮНЕСКО по вопросам коммуникации и информации А.В. Ханом // Наука в информационном обществе: Информационное издание / Сост. Е.И. Кузьмин, В.Р. Фирсов. – СПб.: РНБ, 2005. – С. 23–24.

² Там же. – С. 24.

что в программных документах ЮНЕСКО и докладе Всемирного банка проблема справедливости в обществе знания в должной мере не акцентирована. Между тем причины несправедливости в обществе знания могут быть самыми разными. К их числу могут относиться недостаточный доступ к современным источникам информации, неумение критически оценивать информацию, низкий уровень информационной грамотности и т.д. Все эти факторы взаимосвязаны и во многих случаях обусловлены экономическим положением в тех или иных странах мира.

Свои проблемы порождает и формирующееся сетевое общество (М. Кастельс)¹. Сетевые общества в социально-психологическом отношении опираются на принципы индивидуализма, создавая дополнительные условия для самовыражения. В сети происходят те же процессы, которые происходили в реальной жизни до появления Интернета и виртуализации социальной реальности. В частности, формируются сообщества по интересам, появляются виртуальные офисы, магазины, банки. Получает распространение взаимодействие людей в киберпространстве в реальном времени. Последнее можно рассматривать как стремление людей уйти от одиночества, найти единомышленников, друзей, партнеров по решению различных задач. С определенной степенью условности можно говорить о появлении новых сообществ, групп людей, разделяющих определенные ценностные установки, и в целом киберкультуры, формирующейся в процессе сетевой коммуникации.

Таким образом, новое общество, получившее название «общество, основанное на знаниях», продолжает традиции европейского Просвещения, придавая рациональности новую, отвечающую потребностям информационно-компьютерной технологии форму. Это общество можно считать развитием или подсистемой информационного общества, поскольку смысловое пространство базовых понятий нового общества – «информация» и «знание» – во многом пересекается. Вместе с тем это общество можно назвать и сетевым, как это предлагает один из ведущих теоретиков информационного капитализма М. Кастельс, или электронно-цифровым, пользуясь терминологией Д. Тапскотта. Ядром всех этих версий выступают информация и знание, которые претендуют на статус смыслообразующих ценностей глобализирующегося мира.

¹ *Castells M. Op. cit. – Vol. 1.*

Обсуждая соотношение этих подходов, важно помнить о глобальных проблемах, порожденных техногенной цивилизацией. Одна из опасностей новой ситуации состоит в том, что доступность информации воспринимается как понятность скрытого в ней смысла. В результате авторитеты исчезают, заменяются искусственно культивируемыми идолами. Востребованными культурой оказываются только те факты, события, достижения прошлого и настоящего, которые присутствуют в Глобальной сети. Это значительно обедняет восприятие традиционных культур, сформировавшихся в ходе длительного исторического развития. Кризис культуры – это кризис современного человека, не желающего сильно утруждать себя и лишь фиксирующего происходящие события, достижения искусства и т.д., но и не постигающего их смысла.

Кризис культуры означает исчерпание прежних представлений человека о мире и самом себе. И до тех пор, пока современный человек будет избегать интеллектуальных и нравственных усилий для переосмысления системы ценностей, ситуация будет ухудшаться. Как писал А. Швейцер, «люди нашего времени решительно не хотят видеть вещи такими, каковы они есть, и всеми силами стараются придерживаться максимально оптимистического взгляда на них»¹.

Говоря о перспективе становления «общества, основанного на знаниях», следует помнить и о тех «рукотворных рисках» («manufactured risks», по Э. Гидденсу)², количество которых постоянно возрастает. В частности, появляется опасность тотального контроля информационного потока, о которой предупреждал еще М. Маклюэн. Это может происходить, поскольку все отфильтровывается и искажается самим способом передачи информации³. По Маклюэну, способ передачи информации и определяет характер передаваемой информации. Это выразилось в афоризме Маклюэна, первого идеолога информационной эры: *способ передачи информации и есть сама информация*⁴. Развивая эту метафору, известный политический журналист Дж. Кьеца полагает, что «Интернет – это ловушка, самая хитрая и чудовищная западня, которая когда-либо существовала, если

¹ Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992. – С. 66.

² Giddens A. Risk and responsibility // Modern law rev. – Oxford, 1999. – Vol. 62, N 1. – P. 4.

³ McLuhan M. Understanding media: The extensions of man. – N.Y.: McGraw-Hill, 1964.

⁴ «The medium is the message». См.: McLuhan M. Op. cit. – P. 9.

принять во внимание, сколько людей могут разом в ней очутиться»¹. В целом, есть серьезные основания предполагать, что опасности и угрозы, связанные с тотальной информатизацией общества, *сопоставимы* с открываемыми этим процессом новыми возможностями. Во всяком случае, рост инвестиций в развитие ИКТ и увеличение масштабов информационной экономики служат убедительным подтверждением того, что именно в этой сфере затрагиваются жизненно важные интересы всего общества и его отдельных групп.

Не менее важно и другое. Если в недалеком прошлом многие проблемы общества и личности были связаны с незнанием, то человек начала XXI в. больше обеспокоен своей неспособностью справиться с огромным потоком информации. Чем больше человек знает, тем больше он создает трудностей для себя и других. Поистине, приходится вспоминать апокалиптическое предостережение: «Во всякой мудрости много печали». По мнению Ф. Уэбстера, мы живем в медианеперегруженном обществе: «Современная культура явно более информативна, чем любая предшествующая. Мы существуем в медианасыщенной среде, что означает: жизнь существенно символизируется, она проходит в процессах обмена и получения – или попытках обмена и отказа от получения – сообщений о нас самих и о других»². Парадоксальность ситуации заключается в том, что человек тратит время и силы на создание все большего объема информации, хотя он не успевает перерабатывать уже созданную информацию. Человек информационной эпохи создает интеллектуальные технологии, которые начинают его превосходить в скорости обработки информации и оперирования ею. Правда, оперирование информацией ограничено возможностями программного продукта, но не исключено, что это временная ситуация.

Учитывая актуальные тенденции, можно утверждать, что человек оказывается «слабым звеном» в системе «компьютер – знания – человек», так как он не успевает осмысливать, обозревать все возрастающий поток информации. Не может он справиться и с важнейшими глобальными проблемами, истоки которых восходят как к индустриальной эпохе, так и к эпохе информационной. И поскольку «общество, основанное на знаниях», является концепту-

¹ *Кьеза Дж.* Глобализация и средства массовой информации // Постиндустриальный мир и Россия / Под ред. В.Г. Хороса, В.А. Красильщикова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 252.

² *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 28.

альным развитием идей и принципов Просвещения, индустриальной революции, теорий постиндустриального и информационного общества, то трудно предположить, что и в данном случае будут серьезно пересмотрены целевые установки техногенной цивилизации и актуализирована духовно-нравственная проблематика. По сути дела, «общество, основанное на знаниях», радикализирует проблемы, восходящие к проекту Просвещения, но не указывает пути их решения.

Как отметил в свое время Ж. Бодрийяр, «информации становится все больше, а смысла все меньше»¹. Ситуация осложняется тем, что характеристиками реальности оказываются не только многогранность, комплексность, нелинейность, но также изменчивость и сложность внутренней динамики. К особенностям информационной эпохи относится увеличение числа знаков и символов, интерпретация которых зависит от общей культуры тех, кто оперирует этими символами и знаками. Сегодня скорее информационный поток формирует человека и его ценностный мир, нежели человек сознательно направляет этот информационный поток. По сути дела, не столько человек владеет информацией, сколько информация владеет человеком. Парадоксально, но безграничность, открытость и неиерархичность информационного потока считаются большим достижением современной цивилизации. Однако на деле речь идет о «рукотворных» рисках, хотя ими вовсе не исчерпывается список проблем, которые стоят перед «обществом, основанном на знаниях». Задача рефлексующего разума – выявить опасности и предложить пути их преодоления, пока они не пополнили число глобальных, трудноразрешимых проблем.

¹ Цит. по: *Уэбстер Ф.* Op. cit. – С. 29.

Г. Бехманн

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ – ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ¹

Введение

Изучение специфических особенностей современных обществ является важной составляющей исследования глобальных трансформаций. На основе изучения этой совокупности данных появляется возможность выявить те направления социальных изменений, которые позволят человечеству дать ответ на новые угрозы, к которым относится, например, глобальное потепление. Парадоксально, но одним из таких изменений как раз и является «эмансипация» общества от экзистенциальных ограничений, налагаемых природой. Проявлением подобной «эмансипации» служит, например, упадок популярности экологического детерминизма как особого взгляда на мир, который еще пару десятилетий назад побуждал к активному обсуждению взаимосвязи между климатом и обществом. Другая глубинная трансформация состоит в интерпретации современного общества как общества знания².

¹ *Bechmann G.* Knowledge society – the transformation of modern societies. Текст предоставлен автором специально для публикации в настоящем сборнике. Перевод выполнен Д.В. Ефременко в рамках исследовательского проекта «Концепция “общества знания”»: Сущность и философско-методологические перспективы», осуществляемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-03-00307 а).

² *Stehr N.* Arbeit, Eigentum und Wissen: Zur Theorie von Wissensgesellschaften. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1994; *Stehr N.* Die Zerbrechlichkeit moderner Gesellschaften. – Weilerwist: Vehlbrück Wissenschaft, 2000.

Многие влиятельные социальные теоретики, стремившиеся уловить уникальность современного общества, обращали особое внимание на роль знания в социальных трансформациях. Мысль о преобразующей силе знания находит достойное место, например, в работах Адама Смита и даже Карла Маркса. Несмотря на очевидные различия условий возникновения этих теорий и политических программ на разных стадиях эпохи быстрых экономических и социальных преобразований, можно обнаружить некоторые примечательные черты их сходства, когда речь заходит о социальной роли знания. В частности, для них характерна переоценка эффективности «объективного» технического и научного знания.

Большинство современных социальных теорий отличаются отсутствием детальной концептуализации «знания», неспособностью объяснить причины постоянно растущего спроса на знание и проследить пути его передачи. В них не уделяется достаточно внимания тем социальным группам, чье влияние на общество усиливается благодаря знанию, а также различным эффектам воздействия знания на социальные отношения. Между тем не будучи в состоянии предсказывать будущее, мы можем вполне успешно анализировать происходящие структурные изменения. На решение этой задачи, в частности, нацелены теории информационного общества, анализирующие процессы социальных трансформаций в связи с новыми возможностями коммуникации и интеракции. Нижеследующее обсуждение теорий общества знания является попыткой дать краткий исторический обзор теоретических поисков и в то же время сфокусировать внимание на тех аспектах социального развития, которые связаны с перспективой информационного общества.

Общество знания как информационная экономика

Развитие информационных технологий в широком смысле привело к тому, что этот сектор оказался объектом экономических исследований. Новое направление этих исследований – информационная экономика – получило наибольшее развитие в Японии и США. Строго говоря, информационная экономика развивается на основе двух подходов – «индустриального подхода» и «подхода занятости».

«Индустриальный подход» базируется на трехсекторальной модели, подобной той, которую в свое время использовал

Ж. Фурастье¹. На протяжении последнего столетия между этими секторами происходят важные сдвиги: от сельского хозяйства – к промышленности и от промышленности – к информационному сектору. Для операционализации этих изменений были разработаны два индикатора – уровень информации и индекс информации. Первый из них отражает соотношение между общими затратами домохозяйства и его затратами на информацию. Индекс информации характеризует потребление информации. Для расчета индексов могут использоваться данные о количестве телефонных звонков на человека в единицу времени, количестве телевизионных и радиоприемников, телефонов и компьютеров в домохозяйстве, сведения о численности студентов среди населения соответствующего региона и т.д.

Исходным пунктом для «подхода занятости» в информационной экономике стал анализ структуры занятости, предпринятый Ф. Махлупом и позднее усовершенствованный М. Поратом. Махлуп пришел к выводу о том, что в дополнение к традиционным секторам экономики – сельскому хозяйству, промышленности и сектору услуг – появился еще один, названный им информационным сектором. Этот сектор состоит из таких областей, как образование, исследования, медиа, информационные службы и т.д. Конституирующей особенностью информационного сектора являются те виды занятости, которые называют «информационным трудом». Под «информационным трудом» Махлуп понимает производство, обработку и распределение информации². Среди информационных работников могут быть выделены производители информации и ее пользователи. Порат³ счел необходимым провести дальнейшую дифференциацию, и в результате его усилий почти все виды занятости были заново выявлены в информационном секторе. При помощи этой классификации представляется возможным «измерить» информационного работника, а также оценить степень информатизации различных обществ на основе сопоставления данных о структуре занятости.

Информационная экономика с ее двумя подходами сталкивается тем не менее с серьезными затруднениями. основополагающая концепция информации не прояснена, и различие между ин-

¹ *Fourastié J.* Die große Hoffnung des 20. Jahrhunderts. – Köln: Bund, 1954.

² *Machlup F.* The production and distribution of knowledge in the United States. – Princeton: Princeton univ. press, 1962.

³ *Porat M.U.* The information economy. – Stanford: Stanford univ. press, 1976.

формационным трудом и другими видами труда остается неубедительным. Так, П. Драйкер определяет информацию как данные, прошедшие компьютерную обработку¹. Японские исследователи, работавшие в рамках проекта RITE, дают определение информации как ряда символов, которые получают значение в социальном действии², а Порат рассматривает ее как данные, определенным образом организованные и становящиеся объектом коммуникации. Таким образом, категория «информационный труд» остается противоречивой. Хотя различные попытки дать определение «информационного труда» предпринимались неоднократно, они обычно сводились к интерпретации «информационного труда» как той или иной формы конверсии ввода данных в вывод. Решающий критерий, позволяющий говорить об информационном обществе, а именно сама информация, остался в этой теории не проясненным.

Общество знания и постиндустриальный сектор

По контрасту с детерминистскими подходами «информационной экономики» социолог Д. Белл разработал аналитическую концепцию «постиндустриального общества», в которой социальные изменения моделируются как многомерный процесс. В этом процессе организационные основы индустриального общества (промышленный сектор, профессиональные группы, технологический базис, ведущие социетальные принципы) претерпевают столь значительные изменения, что появляются основания говорить о постиндустриальном обществе. Основой этой трансформации является возрастающее значение информационного сектора в сравнении с производством товаров, усиление роли информационного компонента в производственных процессах (в сопоставлении с ролью сырья и энергии), а также пересмотр социальных ориентиров. Если характерными особенностями индустриальных обществ являются машинное производство и частная собственность, то в постиндустриальных обществах таковыми становятся производство и эксплуатация информации и знания. Это позволяет перейти в эконо-

¹ *Drucker P.F. The coming of the new organization // Harvard business rev. on knowledge management / Ed. by P.F. Drucker, D.A. Garvin, D. Leonard. – Boston: Harvard business school press, 1998. – P. 1–19.*

² *Nonaka I., Takeuchi H. Die Organisation des Wissens: Wie japanische Unternehmen eine brachliegende Ressource nutzbar machen. – Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus, 1997.*

мическом и социальном планировании от интуитивных суждений к алгоритмам, основанным на компьютерной обработке информации, и в целом обеспечить полномасштабную сциентификацию всех областей жизни¹. Таким образом, теоретическое знание становится ведущим принципом социальной организации, а постиндустриальное общество развивается в направлении информационного общества, или общества знания².

Для Белла движущими силами перехода к информационному обществу являются, прежде всего, технические инновации (в особенности в микроэлектронике), экспоненциальный рост и дифференциация знания. Качественное и количественное приращение знания и технико-экономический рост в информационном секторе являются взаимосвязанными в этом процессе, хотя они также индуцируются и социальными изменениями, например, возрастающим значением системы науки³. Принимая во внимание политический контекст 1970-х годов, когда основанное на научных методах социальное планирование было весьма популярным, легко понять, почему Белл считал предпочтительными базирующиеся на научной информации решения по сравнению с другими средствами социального контроля.

Ретроспективный взгляд на возникновение и развитие телекоммуникационных систем и информатики показывает, что информация, рассматриваемая в широком смысле как фундаментальный социальный тренд, продолжает очень строго ориентироваться на имманентные правила системы, организованной в соответствии с принципами рыночной экономики. Динамику и модальность информационного общества определяют не столько теоретическое знание, продуцируемое, например, в рамках исследований по оценке техники (*technology assessment*), сколько стремление к максимизации прибыли, конкуренция, необходимость в технологическом обновлении, а также государство, агрегирующее индивидуальные

¹ Weingart P. Verwissenschaftlichung der Gesellschaft – Politisierung der Wissenschaft // *Ztschr. für Soziologie*. – Stuttgart, 1983. – Jg. 12, H. 3. – S. 225–241.

² Bell D. Die nachindustrielle Gesellschaft. – Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus, 1989. – P. 112ff., 353. С критикой этой точки зрения выступил Н. Штер: *Stehr N. Arbeit, Eigentum und Wissen: Zur Theorie von Wissensgesellschaften*. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1994.

³ Bell D. *Op. cit.* – P. 179ff.

экономические интересы¹. И в этом смысле информационное общество уместно рассматривать не столько как постиндустриальное общество, сколько как информатизированное индустриальное общество, живущее по законам рыночной экономики.

Концепция общества знания

Феноменология

Несмотря на ряд примечательных попыток, мы все еще не имеем целостной теории общества знания, которая охватывала бы все существенные аспекты, обсуждаемые в литературе. Возможно, такая цель и вовсе является недостижимой. Тем не менее усилия по ее достижению вполне оправданны. Н. Штер и чуть позднее П. Вайнгарт внесли немалый вклад в разработку предварительных версий концепции общества знания. Другие авторы, например Л. Хак² или М. Хайденрайх³, сделали обзоры дискуссии об обществе знания.

Штер выдвигает следующий аргумент: «Тот факт, что я описываю нынешние развитые индустриальные общества как общества знания, основывается на неоспоримом проникновении науки во все сферы общественной жизни»⁴. Конкретные проявления этого процесса он описывает следующим образом:

- «насыщение всех сфер жизни и деятельности научным знанием (сциентификация);
- замещение других форм знания наукой (в т.ч. профессионализация занятий);

¹ *Werle R.* Telekommunikation in der Bundesrepublik Deutschland: Expansion, Differenzierung, Transformation. – Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus, 1990; *Kubicek H., Berger P.* Was bringt uns die Telekommunikation? – Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus, 1990.

² *Hack L.* Wissensformen zum Anfassen und Abgreifen: Konstruktive Formationen der «Wissengesellschaft» respektive des «transnationalen Wissenssystems» // Die «Wissengesellschaft»: Mythos, Ideologie oder Realität? / Hrsg. von U.H. Bittlingmayer, U. Bauer. – Wiesbaden: VS, 2006. – S. 109–172.

³ *Heidenreich M.* Merkmale der Wissensgesellschaft // Lernen in der Wissensgesellschaft / Hrsg. von Bund-Länder-Kommission für Bildungsplanung und Forschungsförderung. – Innsbruck: Studien Verl., 2002. – S. 334–363.

⁴ *Stehr N.* Arbeit, Eigentum und Wissen: Zur Theorie von Wissensgesellschaften. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1994. – S. 33.

- развитие науки в качестве непосредственной производительной силы;
- появление специализированных направлений политической деятельности (научная и образовательная политика);
- формирование нового сектора производства (производство знания);
- изменения в структуре власти (дебаты о технократии);
- трансформация основы легитимации власти в направлении специализированного знания (эксперткратия – но вовсе не обязательно «путь интеллектуалов к классовому господству»);
- развитие знания на основе социального неравенства и социальной солидарности, или
- трансформация основных источников социальных конфликтов»¹.

Вайнгарт формулирует сходные положения. Он, в частности, основывает свою концепцию общества знания на том, что:

- производство знания направляется ожиданиями полезности и ориентацией на практическое применение;
- процесс социального обучения, ведущий к общественным изменениям, может иметь место лишь в том случае, если он поддерживается знанием;
- фундаментальные исследования все чаще переходят из университетов в промышленные лаборатории, а основными стимулами их проведения становятся экономические интересы;
- наука более не ориентируется исключительно на познание природы и открытие ее законов, а развивается в сферах ее вероятного применения;
- организация исследований происходит на фоне усиливающегося напряжения между тенденциями специализации и трансдисциплинарности².

Таким образом, с точки зрения Штера, Вайнгарта и ряда других авторов, конститутивные характеристики общества знания отражают возрастающее значение знания и связанного с ним труда для развития и воспроизводства общества.

¹ *Stehr N.* Arbeit, Eigentum und Wissen: Zur Theorie von Wissensgesellschaften. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1994. – S. 36.

² *Weingart P.* Die Stunde der Wahrheit? Vom Verhältnis der Wissenschaft zu Politik, Wirtschaft und Medien in der Wissensgesellschaft. – Weilerwist: Velbrück Wissenschaft, 2001.

Эволюция производительных сил

Обращение к истокам социологической теории, к подходу, фокусирующему внимание на экономическом базисе общества, открывает возможность различения индустриального общества и общества знания на фундаментальном уровне.

Идея о конституирующей роли экономики появляется уже в трудах таких отцов-основателей социологии, как Конт и Сен-Симон. Однако наиболее объемно она выражена у Маркса: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»¹.

Соответственно в центре социального анализа оказываются товарное производство в его специфических формах и развитие производительных сил. Тем самым подчеркивается решающая роль технического развития в эволюции общества. Следовательно, отличия общества знания от индустриального общества могут быть выявлены на основе его (идеально-типического) способа производства. Классический индустриальный способ производства описывается в индустриальной социологии как «фордистский производственный режим», когда товарное производство понимается как преобразование (природных) ресурсов в предметы потребления. Этот процесс характеризуется локальной концентрацией производства (идеальный тип – фабрика), механизацией, тэйлористской («научной», в смысле «наивной концепции знания») оптимизацией процесса производства и сопутствующей адаптацией рабочих к «машинному ритму».

К началу 1950-х годов распространилось убеждение, что эта производственная модель более не является адекватной для важнейших отраслей экономики. Первоначально в качестве альтернативы была предложена теория тертиаризации, то есть формирова-

¹ Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Т. 13. – С. 7.

ния общества услуг. Она была разработана Ж. Фурастье, согласно которому движущей силой этой социальной трансформации является технический прогресс. Но наряду с новыми возможностями механизации и автоматизации товарного производства создание ценностей смещается в те области, где оно не может быть осуществлено техническими средствами, – прежде всего в сферу услуг, но также и в другие отрасли, например, торговлю или административное управление. Эта линия теоретизирования достигла кульминации в рассмотренной выше модели постиндустриального общества Д. Белла.

Интересным дополнением к данной аргументации является модель кондратьевских циклов, ранее почти не анализировавшаяся в контексте представлений об обществе знания. Н. Кондратьев разработал модель долгосрочных экономических циклов в 1920-х годах на основе имевшихся в его распоряжении эмпирических данных. Он пришел к заключению, что периоды мощного экономического подъема каждый раз были инициированы фундаментальными инновациями и что процессы роста в какой-то момент достигают своих пределов, вслед за чем наступает этап экономического спада. Кондратьевские циклы являются «длинными волнами деловой активности, которые периодически проявляются как протяженные фазы процветания и рецессии» и длятся в среднем 45–60 лет.

Л. Нефёдов описывает модель предыдущих кондратьевских циклов следующим образом: «Циклы Кондратьева стало возможным наблюдать только со времени подъема рыночной экономики в XVIII веке. Причинами этих долгосрочных циклов являются некоторые научные и технические инновации, именуемые в дальнейшем базовыми инновациями, в отличие от всех прочих инноваций»¹. Базовые инновации и соответствующие им кондратьевские циклы могут быть представлены в виде следующей таблицы.

В связи с этим можно было бы сделать вывод о том, что инновационные, коммуникационные, био- и нанотехнологии образуют материальный базис нынешнего цикла, но при этом основой их функционирования служат информационные, обусловленные знанием процессы. Переход к обществу знания увязывается с трендом дематериализации и сокращения энергозависимости при одновременном возрастании роли информации и знания, который мо-

¹ *Nefedow L.A.* Der sechste Kondratieff: Wege zur Produktivität und Vollbeschäftigung im Zeitalter der Information. – Sankt Augustin: Rhein-Sieg, 2001. – S. 3.

жет означать новую длинную волну базовых инноваций, стимулирующих дальнейшее развитие производительных сил. Кроме того, этот тренд сопровождается процессами глобализации, требующими высокого уровня информационного и организационного обеспечения в сферах управления техническим развитием, производством и распределением.

Таблица

Цепочка кондратьевских циклов

№	Период (годы)	Базовые инновации	Ключевые отрасли	Социальный порядок
1-й кондратьевский цикл	1780 – 1840	Текстиль	Паровой двигатель, паровой ткацкий станок, текстильная промышленность	Переход от феодального к индустриальному обществу
2-й кондратьевский цикл	1850 – 1890	Транспорт	Горнодобывающая промышленность, сталелитейная промышленность, железные дороги	«Юность» индустриального общества
3-й кондратьевский цикл	1900 – 1920	Сборочный конвейер для выпуска продукции массового потребления	Электроиндустрия и химическая промышленность	Зрелость индустриального общества
4-й кондратьевский цикл	1930 – 1970	Индивидуальная мобильность и индустриализация первичного производства	Нефтехимия, автомобилестроение, воздушные перевозки, индустриализация сельского хозяйства и пищевой промышленности	Поздняя фаза индустриального общества
5-й кондратьевский цикл	1990 –	Информация, коммуникация, системная кибернетика	Информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, психосоциальные технологии, нанотехнологии	Переход от индустриального общества к обществу знания

Трактовки знания

Немало затруднений связано с интерпретациями знания. Так, все еще сохраняется, по крайней мере на латентном уровне, «наивное» определение знания как «правильного видения мира», предполагающее возможность постижения истины. Такое понимание не является редкостью, хотя истинность конкретного знания с большим трудом может быть проверена или гарантирована, а само знание всегда ограничивается ранее примененными эпистемологическими методами. Здесь в конечном счете можно дойти до абсурда, отказавшись под предлогом «неистинности» от ранее успешно применявшихся стратегий естественных наук, технического развития и использования техники, не получив при этом ничего взамен¹.

Трудности возникают и в связи с широко распространенным убеждением, что знание ориентировано на действие. Нерасторжимая взаимосвязь знания и незнания также недооценивается, поскольку концепция знания акцентирует фундаментальные различия между ними. Кроме того, знание нередко рассматривается в качестве производительной силы, ресурса, сырья, товара, индивидуальной способности к действию, собственности и т.д.²

Структура общества знания

Хотя концепция общества знания имеет немало общего с теорией постиндустриального общества, расхождения состоят в том, что Д. Белл, провозглашая знание основным принципом новой социальной трансформации, не предлагает адекватной трактовки смысла социетального знания. Он лишь анализирует с функционалистских позиций возрастающее воздействие на современное общество теоретического знания, но игнорирует социально обусловленный процесс распределения и воспроизводства знания и его восприятие в обществе³.

Вообще говоря, общество характеризуется как информационное, если его основные условия воспроизводства зависят от научного знания. Более того, научное знание становится единствен-

¹ Pragmatik: Handbuch des pragmatischen Denkens / Hrsg. von H. Stachowiak. – Hamburg: Meiner, 1995.

² Hack L. Wissensformen zum Anfassen und Abgreifen. – Wiesbaden, 2006.

³ Stehr N. Arbeit, Eigentum und Wissen: Zur Theorie von Wissensgesellschaften. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1994. – S. 249.

ным источником общепризнанного знания. Это не означает, что у общества исчезают все другие источники знания – такие, как житейская мудрость, религиозное знание, поэтическая интуиция и т.д. Однако решающим для перехода к обществу знания является то, что знание предполагает активное участие в наращивании культурных ресурсов общества. Наряду с этим научное знание способствует тому, что материальное покорение природы трансформируется в научно контролируемый процесс.

Но все-таки знание – это странный продукт. Оно является общественным благом, к которому гипотетически имеют доступ все члены общества (с учетом специфических особенностей производства знания). Знание перманентно создает новые возможности для действия, становясь основой и мотором прогрессивных изменений. В то же время наука не только создает знание, но одновременно воспроизводит его дефицит¹. Дискуссии об обществе риска и алармистский экологический дискурс двух последних десятилетий продемонстрировали, что недостаток знания становится источником социальных противоречий².

Сциентификация общества сопровождается нарастающей рефлексивностью. Это означает, что социальные структуры и процессы в обществах знания почти исключительно ориентированы на решения, которые последовательно трансформируют знание в действие³. Все метасоциальные связи разорваны, и даже религия интерпретируется как социальное действие. Иначе говоря, информационное общество сталкивается с дефицитом несоциетальных трансцендентальных ориентиров.

С одной стороны, научное знание в форме естественно-научного знания трансформируется в технологии и рационализирует отношение общества к природе; с другой стороны, социально-гуманитарное знание трансформируется в действие и в контекст принятия решений, рационализируя, таким образом, интерпретативную систему (культуру) общества. В результате социетальные компоненты системы все больше организуются в соответствии с

¹ Japp K.P. Die Beobachtung von Nichtwissen // Soziale Systeme. – Stuttgart, 1997. – Jg. 3, H. 2. – S. 289–314.

² Ladeur K.-H. Das Umweltrecht der Wissensgesellschaft: Von der Gefahrenabwehr zum Risikomanagement. – B.: Duncker & Humblot, 1995; Luhmann N. Die Wissenschaft der Gesellschaft. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992.

³ Giddens A. The consequences of modernity. – Stanford: Stanford univ. press, 1990.

принципами знания (сциентификация), но эта возрастающая сциентификация не создает большей определенности. Напротив, появляются новые опасности и неопределенности, усиливая тем самым потребность в новом знании.

Общество знания – это общество, в силу своей внутренней логики обеспечивающее приращение знания, которое, в свою очередь, порождает необходимость в еще большем знании. На основе этого структурного описания Штер различает знание и информацию. Знание означает способность к действию, тогда как информация есть знание, обработанное для решения прикладных задач¹.

Насколько это различие справедливо, мы обсудим ниже. Возможно, более точным будет утверждение, что знание отражает структурные аспекты, а информация – процессуальные аспекты коммуникации: коммуникацию в любом обществе нельзя представить себе без сопутствующего знания, а общества различаются только в отношении путей и средств организации этих двух аспектов.

Конец общества массового производства

Интенсивное развитие новых информационных и коммуникационных технологий и их массивное применение тесно связаны с изменениями в общественном труде, формах его организации и с реструктурированием экономики на протяжении последней четверти века. В связи с этим часто говорят о переходе от фордистско-кейнсианской эры к постфордистской эпохе.

Фордистско-кейнсианская эра в основном приходится на период между 1940 и 1980 гг., который характеризовался экспансией массового производства и массового потребления. Массовое производство – это стандартизированное производство товаров на гигантских предприятиях, подобных заводу Форда. Характерной особенностью и символом этого типа производства является сборочный конвейер, а доминантной профессиональной группой – индустриальные рабочие, занятые, главным образом, ручным трудом в различных его формах.

Развитие информационных и коммуникационных технологий приводит к нарушению этого порядка. Накопление, оценка, обработка, перемещение и распределение данных – эти занятия начинают играть все возрастающую роль в структуре общественного

¹ Stehr N. Op. cit. – S. 241.

труда, вытесняя непосредственный производительный труд с его прежней доминирующей позиции.

Формирующаяся информационная экономика в целом не совпадает с экономикой услуг, а ее специфической особенностью является процесс создания и обработки информации. Организация бизнеса также претерпевает изменения, сходные с изменениями характера труда.

Мы являемся свидетелями возникновения транснациональных предприятий, операции которых совершаются вне связи с их национальной принадлежностью или территориальным расположением. Перенос производства (аутсорсинг) в различные части мира указывает на частичную дезинтеграцию классической структуры фирмы. Под давлением потребительского спроса и международной конкуренции возникает «индивидуализированное массовое производство». Его основными особенностями становятся уменьшение масштабов предприятий, выравнивание иерархий (leveling), холистское использование труда в рамках трудового коллектива, перманентное обучение персонала, сосредоточение на профильных видах деятельности и передача всех других функций субподрядчикам. В конце этого процесса мы видим предприятие, соответствующее принципам информационной экономики, которая тем самым формирует институциональные рамочные условия для трудовых отношений будущего, – «виртуальное предприятие».

Формы труда становятся более гибкими благодаря информационным технологиям. При этом наряду с классическими трудовыми отношениями возникает широкий спектр новых форм занятости. Решающее значение новых информационных и коммуникационных технологий состоит в том, что они являются средствами и медиумом этих трансформационных процессов. Средствами они являются в том смысле, что позволяют использовать существующие возможности рационализации для повышения производительности труда. Вместе с тем информационные и коммуникационные технологии можно рассматривать в качестве медиума, поскольку они одновременно создают новый спрос, новые формы и содержание труда. Хотя в прошлом труд также был связан со знанием и информацией, особенность сегодняшнего дня состоит в том, что сбор информации, ее обработка и распределение теперь выступают важными элементами процесса производства на всех уровнях его организации.

Работа со знанием и когнитивный работник

В обществе знания производство знания, его применение, проверка и организация осуществляются посредством работы со знанием. Ее основное отличие от традиционных видов деятельности, связанных со знанием, состоит в социальном контексте организации такой работы¹. При этом специфические функции знания обусловлены новыми формами организации социально релевантного знания, его ориентацией на действие, прежде всего, в сфере экономических отношений. Х. Вильке, например, указывает на отличия современной работы со знанием от исторических форм труда, связанных со знанием. Они состоят в том, что «релевантное знание» (1) постоянно ревизуется, (2) перманентно получает импульсы к собственному улучшению, (3) рассматривается в качестве ресурса, а не истины, (4) неразрывно связано с незнанием, становясь тем самым источником специфических рисков². Такое знание включено в контекст экономических или административных процессов, а работа со знанием всегда является целенаправленной и организованной преимущественно в сетевых структурах знания. Она обеспечивает развитие знания в качестве производительной силы или фактора производства, который начинает превосходить по своему значению конвенциональные факторы производства – землю, труд, капитал.

Агент работы со знанием является когнитивным работником (knowledge worker). Этот термин заменил в 1990-х годах такие концепты, как, например, интеллектуальный работник, академический работник, инженер знания, брокер знания, профессионал хай-тека и т.д. Роберт Райх предпринял попытку охарактеризовать концепт когнитивного работника на крайне абстрактном уровне, называя людей, занятых в сфере работы со знанием, символическими аналитиками, чей вклад связан с идентификацией и решением проблем, а также с упорядочиванием трудовых отношений³. К представителям этой группы занятости Райх относит исследователей, дизайнеров, разработчиков программных продуктов, биоинженеров, профессионалов индустрии развлечений, инвестиционных банкиров, адвокатов, проектных менеджеров, контролирующих

¹ Hack L. Op. cit.

² Willke H. Organisierte Wissensarbeit // Ztschr. für Soziologie. – Stuttgart, 1998. – Jg. 27, H. 3. – S. 161–177.

³ Reich R.B. The work of nations: Preparing ourselves for 21st century capitalism. – N.Y.: Random House, 1992.

экспертов, финансовых консультантов и консультантов по управлению, специалистов по информатике, специалистов по подбору персонала, плановиков, системных аналитиков, специалистов по маркетингу, архитекторов, промышленных дизайнеров, издателей, писателей, журналистов, музыкантов, теле- и кинопродюсеров. Общим для представителей всех этих профессий является то, что их доход связан не с их специальным образованием, а со способностью к абстрактному и системному мышлению и готовностью к командной работе, то есть к работе со знанием в организационном контексте¹.

Категории когнитивных работников можно разделить на четыре большие иерархически взаимосвязанные подгруппы:

- производители знания, генерирующие новое знание;
- пользователи знания;
- «навигаторы», или организаторы использования знания;
- организаторы и инженеры работы со знанием.

Сегодня многие действия в обществе знания поддерживаются так называемым «мертвым» знанием. В условиях, когда знание комбинируется с трудом и капиталом, оно становится решающим фактором. В этом контексте уместно говорить о капитале знания, то есть об аккумулированном знании, которое качественно видоизменяет процессы производства и распределения и определяет структурный формат соответствующего бизнеса. Этот тип капитала, иногда именуемый структурным капиталом², составляет существенную часть стоимости многих компаний в обществе знания.

Накопление капитала знания предполагает, что результаты работы со знанием являются и остаются доступными не только для индивидуального когнитивного работника, но передаются на права собственности компании-работодателю. Таким образом, капитал знания – это интеллектуальный продукт, находящийся в корпоративной собственности и независимый от его индивидуального производителя. Трансформация индивидуальной компетенции когнитивного работника в корпоративный капитал знания рассматривается Стюартом³ как одна из наиболее важных сфер ответственности менеджмента знания.

¹ *Heidenreich M.* Merkmale der Wissensgesellschaft. – Innsbruck, 2002.

² *Stewart T.A.* Intellectual capital: The new wealth of organizations. – N.Y.: Doubleday, 1997.

³ *Ibid.*

Политика знания

Возрастающее значение знания, работы со знанием и капитала знания в развитии нашего общества ставит вопрос об организации и управлении ими. В связи с этим Штер рассматривает разработку политики знания как неизбежное последствие становления общества знания. Свое видение политики знания он формулирует следующим образом: «Фокус политики знания направлен на закрепление новых открытий и технических изобретений... в центре культурной, экономической и политической матрицы общества»¹.

Хотя Штер принципиально допускает, что политика знания может и должна быть направлена на разработку мероприятий, способствующих практическому применению знания, его, в первую очередь, интересует вопрос об отношении общества к знанию и о возможностях управления в этой сфере. «Вообще говоря, наша ответственность состоит в том, чтобы обеспечить регулирование и наблюдение за новыми открытиями и техническими артефактами путем разработки правил и санкций, способных сориентировать релевантных акторов и организации в их отношении к некоторому знанию»². Для Штера разработка политики знания означает реакцию на ту экстраординарную скорость, с которой новое знание и технические возможности распространяются в современном обществе, а также на опасности и социальные конфликты, порождаемые откликом общества на новое знание. Согласно этой точке зрения, мы живем в хрупком мире, где наука продуцирует риски. Соответственно политика знания призвана регулировать и минимизировать эти риски. По мнению Штера, успех политики знания может быть обеспечен в том случае, когда она будет сфокусирована в первую очередь на процессе производства знания как такового³.

Данные, знания, информация

Мы видели, что между существующими концепциями общества знания нет достаточно четких различий. В связи с этим необходимо прояснить смысл таких понятий, как «информация», «данные» и «знание». Мы попытаемся как можно более четко их

¹ Stehr N. Wissenspolitik: Die Überwachung des Wissens. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2003. – S. 10.

² Ibid.

³ Ibid. – S. 276.

дифференцировать. Согласно Р. Бону, данные – это то, что «поступает от сенсоров, сообщающих сведения об измерениях некоторых переменных»¹. Они являются «событиями или сущностями, представленными в некоторой символической форме, позволяющей осуществить их дальнейшую [компьютерную] обработку»².

Только в том случае, когда данные тем или иным образом организованы, они становятся информацией. Информацию можно определить как «данные, которые организованы и структурированы – то есть помещены в контекст – и, таким образом, наделены смыслом»³. Поэтому информация включает в себя процесс манипуляции, репрезентации и интерпретации данных, позволяющий уменьшить неопределенность или незнание, добиться понимания сути проблемы и найти ее решение.

Если информация говорит нам о прошлом и настоящем некоторых частей системы производства, то «знание позволяет делать предсказания, выявлять причинные связи или принимать решения относительно дальнейших действий»⁴. Важно понимать, что знание – это активный процесс, предполагающий способность интерпретировать данные. Скрытый аспект знания «связан с тем фактом, что производство техники – это делание вещей, а не только знание вещей в форме абстрактного (научного) принципа. Операционное ноу-хау есть нечто отличающееся [от абстрактного знания] и намного менее легко передаваемое»⁵.

Исходя из того, что знание существует в различных формах, Эрл осуществляет дифференциацию трех аспектов знания: науки (которая может включать общепризнанные законы, теорию и процедуры), мнения (политические правила, вероятностные параметры

¹ *Bohn R.E.* Measuring and managing technological knowledge // Sloan management rev. – Cambridge (MA), 1994. – Vol. 36, N 1. – P. 61.

² *Earl M.* Knowledge strategies: Propositions from two contrasting industries // Information management: The organizational dimension / Ed. by M. Earl. – Oxford: Oxford univ. press, 1996. – P. 38.

³ 25. Deutscher Soziologentag, 1990: Die Modernisierung moderner Gesellschaften: Sektionen, Arbeits- und Ad hoc-Gruppen, Ausschuß für Lehre / Hrsg. von W. Glatzer. – Opladen: Westdeutscher Verl., 1991.

⁴ Knowledge-intensive business services: Users, carriers and sources of innovation / *Miles I., Kastrinos N., Flanagan K., Bilderbeek R., Hertog B., Huntink W., Bouman M.* – Luxembourg: EIMS, 1995. – P. 62.

⁵ *Cohendet P., Llerena P.* Learning, technical change and public policy: How to create and exploit diversity // Systems of innovation – technologies, institutions and organizations / Ed. by C. Edquist. – L.; N.Y.: Pinter, 1997. – P. 223–241.

и эвристика) и опыта (сведения о действиях, исторические данные и данные наблюдений, используемые для научного анализа или обоснования мнений). Автор говорит об иерархии знания: опыт можно рассматривать как потенциальное знание, мнение – как знание в стадии реализации, науку – как общепризнанное знание. Это значит, что по мере возрастания каждый следующий уровень отличается более высокой степенью структурирования, определенности и валидности.

Эрл ассоциирует три различных уровня знания с различными категориями обучения. «Опыт требует действия и памяти, мнение – анализа и понимания, тогда как наука требует способности формулировать и консенсуса»¹. Он также полагает, что иерархия знания синонимична различию между данными, информацией и знанием. «Нижний уровень эквивалентен передаче данных (и передаче систем обработки). Средний уровень выступает эквивалентом информации в классическом смысле снижения неопределенности в процессе принятия решений (и, соответственно, систем поддержки процесса принятия решений). Высший уровень – это знание, пользователь которого ограничен только его наличием или своим собственным интеллектом (и, таким образом, этот уровень служит эквивалентом классических экспертных систем или так называемых интеллектуальных систем, основанных на знании)»².

Говоря о концепции информации, необходимо также вспомнить известное определение Норберта Винера: «Информация есть информация, а не материя или энергия»³. Информацию можно отличать от материи и энергии, но обычно она рассматривается наподобие их обоих. Информацию можно измерить, передать, сохранить, продать и купить. Наряду с этим информация способна изменять состояние систем.

Юрген Миттельштрасс, используя метафору транспортировки, следующим образом различает знание и информацию: «Мы говорим об информации, как если бы это было полноценное знание, не замечая того факта, что информация является лишь одной из специальных форм знания, а именно путем и средством транспор-

¹ *Earl M. Op. cit.* – P. 41.

² *Ibid.*

³ *Wiener N. Kybernetik: Regelung und Nachrichtenübertragung im Lebewesen und in der Maschine.* – Düsseldorf; Wien: Econ, 1963. – S. 155.

тировки знания»¹. Он говорит о подмене знания его обработкой и верой в то, что информация «корректна».

Но если трактовать информацию как отбор коммуникационного контента из имеющегося в нашем распоряжении репертуара возможностей, то можно прийти к выводу, что информация – это не стабильная и транспортабельная сущность, но событие, которое утрачивает характер информации в процессе обновления. Поэтому следует отличать информацию от знания, подлежащего передаче. Интерес к информации подпитывается шармом неожиданности, разницей между тем, что могло бы быть, и тем, что недавно имело место.

Информация представляет собой операцию внутри коммуникационного процесса. Она характеризует систему, для которой соответствующая информация является значимой, но также индуцирует изменения внутри этой системы. Давая выигрыш в определенности, информация может быть сопряжена с неожиданностью, благодаря чему самой определенности следует рассматривать как контингентную. Более того, информация может быть неожиданной только в конкретный момент времени. Став известной, она сохраняет свой смысл, но утрачивает характер сюрприза.

Информация глубоко амбивалентна. Одновременно она является событием и чем-то от него отличным. Помогая, она приносит беспокойство. Она содержит в себе собственную противоположность, в один и тот же момент репродуцируя и знание, и незнание. В качестве информации она способствует дальнейшей реализации одних возможностей, но также она подпитывает наше знание о существовании других возможностей. Информация не должна быть корректной, а всего лишь пластичной. Она должна способствовать кристаллизации возможного, обеспечивая необходимые операции и при этом транслируя амбивалентность знания и незнания следующей ситуации. В этом смысле информационное общество является хронически недоинформированным.

Знание о знании

В числе причин дефицита нашего знания о знании можно назвать то, что в развитии соответствующего научного дискурса доминировал натуралистический подход. На протяжении веков науч-

¹ *Mittelstrass J.* Leonardo-Welt: Über Wissenschaft, Forschung und Verantwortung. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992. – S. 24.

ный дискурс генерировал ту репрезентацию научного знания, которая была принята обществом. Ее характерной чертой является не только систематическое преувеличение степени объективности научного знания, но также и переоценка его непосредственной и опосредованной социальной релевантности.

Для более полного понимания социальной (и экономической) роли знания необходимо, прежде всего, обратиться к социологической концепции знания. Это требует различения между тем, что известно, контентом знания и знанием как отношением (*knowing*). Последнее включает в себя не только отношение к вещам, личностям и фактам, но также правила, законы и программы. Здесь, таким образом, речь идет о некотором участии, «приспособлении» фактов, правил, программ и т.п. к жизненным ориентациям и компетенции акторов. Знание как отношение предпочтительно рассматривать в качестве некоторого действия индивида, а не как то, чем люди уже владеют или чем они способны относительно легко овладеть. Таким образом, знание как отношение есть *grosso modo* участие в культурных ресурсах общества.

Знание, идеи и информация являются весьма специфическими сущностями, наделенными атрибутами, отличающими их от предметов потребления, секретов или, например, денег. В рамках обмена знание, идеи или информация переходят во владение других, оставаясь в то же время и во владении их производителя. Знание не разрушается в процессе его потребления, оно общедоступно. В отличие от секретов знание не утрачивает своего влияния, будучи разглашенным. Общедоступность не снижает его значения, но позволяет сопротивляться переводу в частную собственность иногда довольно необычными способами.

Понимание того, что «создание» или производство знания чревато неопределенностью, а предсказание и планирование – далеко не простые задачи, пришло некоторое время назад. Но параллельно сохранялось убеждение, что применение знания не связано с серьезными рисками и что его накопление способствует уменьшению неопределенности. Лишь совсем недавно это убеждение было опровергнуто, и знание стало рассматриваться не как ключ к решению всех загадок и проблем нашего мира, а как то, что имеет прямое отношение к становлению самого этого мира.

Несмотря на свою репутацию, знание лишь в редких случаях не подвергается сомнению. Для науки возможность оспорить знание является одной из важнейших ценностей. В практических об-

стоятельствах возможность оспорить знание часто сдерживается и вступает в конфликт с острой необходимостью социального действия. Наконец, хотя в ряде случаев необходимость побуждает нас говорить о пределах экономического роста и эксплуатации ресурсов, к знанию это не относится. Знание не имеет пределов собственного роста.

Знание можно определить как способность к социальному действию. В этом смысле знание является универсальным феноменом, или антропологической константой. Наш выбор терминов проистекает из знаменитого определения Фрэнсиса Бэкона «*scientia est potentia*», которое часто не вполне правильно переводят как «знание – сила». Бэкон полагает, что полезность знания обусловлена его способностью привести что-либо в действие. Термин «*potentia*», или способность, используется для описания силы знания как отношения (*knowing*). Знание как обобщенная способность к действию «активируется» только в тех обстоятельствах, когда социальное действие не следует стереотипным паттернам или же если оно строго регулируется каким-либо иным образом¹. В обществе знания количество и масштаб ситуаций, требующих такого рода действий, увеличивается многократно.

Каким бы ни было конкретное значение научного знания для современного общества в целом и для экономической системы в частности, его нельзя вывести из того факта, что научное знание конституирует способность к действию. В этом отношении научное знание не отличается от повседневного знания или религиозного «знания». Вместе с тем научное знание не следует рассматривать как ресурс, который испытывает недостаток состоятельности, подобно повседневному знанию. Наука не в состоянии гарантировать когнитивную определенность. Иначе говоря, научный дискурс депрагматизируется. Он не может предложить окончательные или просто истинные утверждения (в смысле подтвержденной причинной цепочки) для практических нужд, но только более или менее пластичные и часто оспариваемые допущения, сценарии и вероятностные предположения. Вместо того чтобы быть источником достоверного знания, наука становится источником неуверенности. Вопреки тому, что говорят рациональные научные теории, эта проблема не может быть решена путем разграничения «хорошей» и «плохой» науки (или псевдонауки и правильной науки). Да и кто

¹ *Mannheim K. Ideologie und Utopie. – Frankfurt a. M.: Klostermann, 1929.*

мог бы это сделать в условиях неопределенности? А если эти наблюдения относительно системных ограничений могущества знания верны, то тогда возникает необходимость преобразовать онтологические и эпистемологические вопросы, относящиеся к знанию, в социологические вопросы.

Экстраординарное значение научного и технического знания в современных обществах связано не столько с его особым культурным имиджем, сколько с его инкрементальной способностью обеспечить социальное и экономическое действие. Благодаря научному и техническому знанию обществу или отдельным акторам может время от времени приходиться понимание того, «как это сделать».

Как представляется, понимание знания в качестве способности к социальному действию имеет преимущество, позволяющее указать на многосторонние последствия знания для действия. Например, термин «способность к действию» указывает на то, что знание может остаться неиспользованным или быть использованным иррациональным образом. Тезис о том, что знание реализуется и внедряется практически без учета его возможных последствий, как будто подтверждает распространенную среди некоторых наблюдателей точку зрения о техническом детерминизме. Однако указание на определенный автоматизм в реализации технического и научного знания, на то, что сами наука и техника вносят вклад в практическое внедрение своих достижений, приводит к недооценке контекстуальных факторов использования знания. Реализация знания в экономическом контексте вплетена в сеть социальных, юридических, политических и иных обстоятельств. Определение знания как способности к действию указывает на то, что материальная реализация и применение знания обусловлены спецификой социального и интеллектуального контекстов. В той мере, в какой реализация знания зависит от активной выработки знания как способности к действию в специфических социальных условиях, становится очевидной непосредственная и важная связь между знанием и властью: власть является необходимым условием контроля релевантных условий использования знания.

Перед лицом неизвестности

Помимо экономических и социальных характеристик общества знания существует еще один дополнительный аспект. Знание не могло бы стать важнейшим ресурсом, если бы не было возмож-

ности трансформировать его в рыночные товары и услуги. Не менее справедливо, однако, и то, что любое приращение знания выявляет еще больший масштаб незнания. Чем больше общество полагается на знание, тем более трудным становится понимать, описывать, предсказывать и контролировать эти социальные изменения – просто в силу недостатка знания.

Именно в этом заключается причина того, почему возникает нужда в экспертах по знанию и символических аналитиках, от которых ожидают создания некоторых островков уверенности для планирования и ориентации в процессе принятия решений. Спрос на экспертное знание может различаться в нескольких отношениях: по своим целям, ранжируемым от понимания до предсказания и конструирования; по формам коммуникации, которые могут быть в большей мере предположительными или же более привязанными к практике; и по сфере применения.

Инвестиции в такого рода экспертизу делаются в расчете на обретение большей уверенности. Но уверенность не сводится только к ее различным степеням – от абсолютной валидности до уверенности, возникающей лишь при наличии необходимых условий. Здесь также обнаруживается второй порядок знания о знании, или экспертиза экспертизы. Любая форма экспертизы зависит от выбора методов, эвристики, баз данных и формулировки задачи. Но там, где есть выбор, есть риск. Если, в свою очередь, риски можно редуцировать при помощи дополнительной экспертизы, то тогда итоговым результатом для общества становится устойчивая потеря уверенности. Даже если бы нам были доступны безграничные объемы информации, а их обработка обеспечена передовыми технологиями знания, то хорошо известная проблема действия в условиях ограниченной рациональности не только не была бы решена, но, напротив, заметно бы осложнилась.

Заключение

Тот факт, что человеческое действие основано на знании, может рассматриваться как антропологическая константа. Социальные группы, социальные ситуации, социальные взаимодействия и социальные роли зависят от знания и опосредуются им. Отношения между индивидами основаны на знании ими друг друга. В самом деле, рассматривая общую идею знания как основание социального взаимодействия и социального порядка, мы должны

осознавать, что подлинная возможность социального взаимодействия требует ситуационно-трансцендентного знания, которое разворачивается индивидами, вовлеченными в социальное действие. Власть также нередко основывается на преимуществах знания, а не только на физической силе. Наконец, социальное воспроизводство не есть только физическое воспроизводство – оно всегда имеет и культурное измерение, то есть включает в себя воспроизводство знания.

Признавая значение знания для общества и социального действия, в особенности для развитых обществ, необходимо понимать, что знание не является, как некогда полагали, универсальным ключом к постижению тайн природы и общества. В связи с этим возникает необходимость в социологической концепции знания, позволяющей дифференцировать объекты знания, содержание знания и знание как отношение.

Основой трансформации современных обществ в общество знания служат, как и ранее, в эпоху индустриального общества, изменения в структуре экономики. Экономический капитал, или, точнее, источник экономического роста и прибавочной стоимости, все в большей степени оказывается зависим от знания. Трансформация структуры современной экономики посредством знания как производительной силы конституирует «материальный» базис и служит основанием для характеристики развитого современного общества как «общества знания». Значение знания возрастает во всех сферах жизни и во всех социальных институтах современного общества.

Нет ничего нового в том факте, что наше общество переживает быструю трансформацию: в прошлом периоды ускоренных социальных изменений не были редкостью. Новыми в данном случае являются природа и движущие силы этих экономических, социальных и культурных изменений. Если знание является не только конституирующей особенностью современной экономики, но также базовым организационным принципом нашей жизни, тогда оправданно говорить о том, что мы живем в обществе знания. Это означает не больше и не меньше, чем организацию нашей социальной реальности на базисе нашего знания.

Развитие общества знания является одновременно эволюционным феноменом и политическим намерением. В принципе общество рассматривается как информационное, когда его основные условия воспроизводства зависят от научного знания. Более того, научное знание становится единственным источником общепри-

знанного знания, не претендуя при этом на монополию в производстве любого знания, значимого для общества. Но наряду с созданием знания наука продуцирует и его недостаток. Дискуссии об обществе риска и алармистский экологический дискурс, характерный для индустриально развитых стран в последние десятилетия, продемонстрировали, что недостаток знания является источником социальных противоречий. Проблематика риска требует ревизии базовых категорий теории общества. Риск предупреждает нас о контингентности социальных процессов, о том, что любое решение может иметь как позитивные, так и негативные последствия. В связи с этим возрастает значение тех направлений научных исследований, которые ориентированы на изучение неопределенности и нестабильных состояний. Их задача состоит не в устранении неопределенности, но в том, чтобы действия в условиях неопределенности трансформировать в процесс социального обучения, адаптации социальных акторов к риску.

Вторая половина XX в. характеризовалась ростом общественных опасений по поводу риска, связанного с новейшими достижениями научно-технического прогресса. Атомные электростанции, химические предприятия, генетическая инженерия и другие результаты развития науки и техники стали сегодня центральными темами общественных дискуссий о риске. Технические и научные риски, имеющие специфическую динамику, нельзя рассчитывать экономическими методами. Они всегда требуют дополнительных мер безопасности, сопряженных с дальнейшими затратами. Разрушительный потенциал научно-технических рисков и их возможные кумулятивные эффекты приводят к тому, что расходы на меры безопасности могут значительно превосходить производственные затраты.

Согласно критикам технического развития основное противоречие современной технологической цивилизации связано с тем, что современная техника, с одной стороны, открывает беспрецедентные возможности удовлетворения человеческих нужд, но, с другой стороны, делает возможным разрушение самих основ человеческого существования. Рыночная экономика, если она не контролируется обществом и государством, способна оказать разрушительное воздействие на окружающую среду, что, в свою очередь, приведет к обнищанию значительной части населения. При таких экономических условиях демократия может деградировать к произволу и анархии. Информационное общество требует

новых форм участия в процессе принятия политических решений и, как полагают разработчики информационных технологий, революционных изменений в сферах занятости и повседневной жизни. Информационное общество не только обеспечивает свободный доступ к информации, но также облегчает распространение фальсифицированной или манипулируемой информации. В современном обществе знания специальная научная и техническая информация сложна для понимания, и далеко не всегда удастся отличить важные данные от малозначительных, корректную информацию – от ложной. И это является еще одним серьезным вызовом, с которым человечеству придется иметь дело сейчас и в будущем.

Пер. с англ. Д.В. Ефременко

Д.В. Ефременко
КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ
И ЕЕ ОБОРОТНАЯ СТОРОНА¹

Современные дискуссии о знании и социальных трансформациях отчетливо демонстрируют уместность и растущую актуальность вопроса о социологическом и философском статусе концепции общества знания, в конечном счете – вопроса о том, насколько свободно мы можем оперировать термином «общество знания». Попытка дать добросовестный ответ на этот вопрос как минимум требует обращения к фактической эволюции представлений об обществе знания. В этом случае сразу появляются хронологические рамки – немногим менее полувека – и выстраивается некоторый идейный ряд, не очень длинный, но достаточно содержательный. Без такого, в известной мере, ограничительного подхода абстрактное оперирование категорией «знание» позволяет распространить представления об обществе знания и на платоновскую модель идеального государства, и на «Новую Атлантиду» Ф. Бэкона, и на *République des lettres*, и на проекты преобразования общества А. Сен-Симона, и на идеи ноосферы и т.д. Ведь, в сущности, концепция общества знания имеет довольно краткую историю, но очень длинную предысторию, почти совпадающую по длительности с историей философской и социальной рефлексии².

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Концепция “общества знания”: Сущность и философско-методологические перспективы», осуществляемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-03-00307 а).

² Подробнее см. статью К.Х. Делокарова в настоящем сборнике.

Ранний этап развития концепции общества знания

Хотя начало дискуссий об информационном обществе и обществе знания относится к 1960-м годам, сам феномен усиливающейся взаимозависимости процессов модернизации и развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), разумеется, не ограничивается этим временным горизонтом. Не будет лишним напомнить, что исследование Ф. Махлупа¹, выводы которого послужили базой для концептуализации информационного общества, начались еще в 1930-х годах. Но в 1960-е годы синергия научно-технического прогресса и социальных изменений породила новые, чрезвычайно значимые эффекты.

К началу 1960-х годов в индустриально развитых странах произошел важнейший социальный сдвиг: количество квалифицированных специалистов и менеджеров («белых воротничков») начало превышать количество индустриальных рабочих². П. Дракер еще в 1959 г. предвидел дальнейшее углубление этой тенденции, введя термин *knowledge worker* – специалист по работе со знанием, или когнитивный работник³. На протяжении 1960-х годов прогресс компьютерной техники и совершенствование средств передачи информации привели к их конвергенции в информационно-коммуникационную технологию, а в 1969 г. были сделаны первые шаги в развитии сетей компьютерной коммуникации, результатом которых впоследствии стало появление Интернета. На широком использовании информационных технологий базировалось и развитие новых гибких систем производства – так называемый «постфордизм». Принципиально нового уровня достигло и политическое влияние средств массовой информации: в президентской избирательной кампании 1960 г. в США впервые решающую роль сыграло телевидение, прежде всего, телетрансляция дебатов между Дж.Ф. Кеннеди и Р. Никсоном.

1960-е годы были ознаменованы подъемом новых социальных движений и протестных выступлений, который повлек за собой серьезные изменения в политике и общественном сознании. Появление новых социальных движений было лишь в ограничен-

¹ *Machlup F.* The production and distribution of knowledge in the United States. – Princeton: Princeton univ. press, 1962.

² *Нейцбум Дж.* Мегатренды. – М.: АСТ, 2003. – С. 23.

³ *Drucker P.F.* Landmarks of tomorrow: A report on the new «post-modern» world. – N.Y.: Harper, 1959.

ной степени связано с традиционными классовыми антагонизмами индустриальной эпохи. Как писал А. Турен, «по мере того, как мы входим в постиндустриальное общество, общественные движения могут развиваться независимо от политических действий, имеющих в виду прямой захват государственной власти... Новые общественные движения формируются... не посредством политического действия и столкновения, а скорее влияя на общественное мнение»¹. Выход этих движений на арену общественной жизни явился свидетельством растущей неудовлетворенности традиционными политическими институтами и субъектами, а также расширения круга проблем, которые прежде оставались вне поля зрения институциональной политики. В США это были движение за гражданские права, приведшее к радикальному сдвигу в преодолении расового неравенства, массовые протесты против войны во Вьетнаме, студенческие и феминистские выступления, экологическое движение. В странах Западной Европы кульминационным пунктом стали студенческие протесты 1968 г. В совокупности эти события привели к изменению мировоззрения и ценностных ориентиров, к формированию сферы неинституциональной политики и выходу на арену нового поколения общественных деятелей, более открытых к обсуждению принципиально новых проблем. Благодаря возможностям СМИ в странах Запада значительно возросло политическое воздействие публичных дискуссий, развертывание которых было неременным спутником движений 1960-х годов.

Знание, как фактор экономического развития и управления общественными процессами, также оказалось в фокусе этих дебатов. В каком-то смысле сам термин «общество знания», введенный в оборот американским политологом Р. Лэйном для характеристики влияния научного знания на сферу публичной политики и управления², оказался побочным продуктом дискуссий о технократии и экспертократии. Но проблема была поставлена еще до Лэйна, и обсуждалась она даже на самом высоком политическом уровне. В частности, широко известно предупреждение президента США Д. Эйзенхауэра об опасности, исходящей от военно-промышленного комплекса. Однако это высказывание, сделанное Эйзенхауэром накануне ухода из Белого дома, не сводилось только к

¹ Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. – С. 164.

² Lane R. The decline of politics and ideology in a knowledgeable society // American sociological rev. – N.Y., 1966. – Vol. 31, N 5. – P. 650.

предупреждению об опасности переплетения интересов Пентагона и крупных промышленных корпораций. На деле Эйзенхауэр видел ничуть не меньшую опасность и в научно-технической составляющей военно-промышленного комплекса: «В правительственных комитетах мы должны остерегаться концентрации неправомочного влияния, гласного или негласного, военно-промышленного комплекса. Потенциал для пагубного роста ненадлежащей власти существует, и будет существовать в будущем. Мы не должны позволить мощи этого комплекса создать угрозу нашим свободам или демократическим процессам... Сегодня отдельный изобретатель, работающий в своей мастерской, оказывается в тени команд ученых из лабораторий и испытательных полигонов. Подобным образом и свободный университет, исторически призванный быть источником свободных идей и научных открытий, переживает революцию в сфере исследований. Отчасти благодаря огромным привлеченным средствам, правительственный контракт становится виртуальным замещением интеллектуальной любознательности. На каждую старую классную доску теперь приходится сотни новых электронных компьютеров. Перспектива доминирования федеральной власти над учеными страны, распределение проектов и власть денег уже налицо – и она должна рассматриваться со всей серьезностью. Однако, отдавая наш долг уважения научным исследованиям и открытиям, мы должны быть в равной степени готовыми иметь дело с противоположной опасностью подчинения публичной политики научно-технической элите. Задачей государственного деятеля должны быть формирование, уравнивание и интеграция этих и других сил, новых и старых, в рамках принципов нашей демократической системы – и даже их использование для достижения высших целей нашего свободного общества»¹.

По сути дела, речь шла о том, как будут организованы политическая власть и управление в условиях возрастания социальной роли научного знания. Сама по себе постановка этой проблемы была не нова: родоначальником ее обсуждения был А. Сен-Симон, а предметная дискуссия развернулась в период между двумя мировыми войнами благодаря усилиям идеологов первой технократической волны. После Второй мировой войны обсуждение этих проблем возобновилось на новой основе. Более не ставился вопрос о

¹ Public papers of the Presidents of the United States. Dwight D. Eisenhower: In 8 vol. – Vol. 8. – Wash.: US GPO, 1961. – P. 1038.

радикальном социальном преобразовании и непосредственной передаче власти ученым, инженерам или менеджерам. Вместо этого внимание было сфокусировано на новых возможностях усовершенствования капитализма на основе технического прогресса. Так, Г. Барнс и Ж. Гурвич обосновывали возрастание роли экспертов и технических специалистов нарастающим несоответствием между ускорением прогресса технологий и низкими темпами модернизации социальных, юридических и политических институтов¹. В сущности, их линия аргументации сводилась к тому, что политическое управление комплексными социальными системами даже в наиболее развитых странах близко к пределу своей эффективности, а политики и администраторы психологически не готовы иметь дело с теми взаимосвязями и кумулятивными эффектами, которые в таких системах начинают играть все большую роль.

Рассуждая в русле этой логики, Дж.К. Гэлбрейт ввел понятие «техноструктура» для описания качественно новой роли иерархии технических специалистов и экспертов в организации управления обществом. По мнению Гэлбрейта, именно технический прогресс и обеспечивающие его инвестиции в образование и науку являются важнейшими предпосылками превращения капитализма в общество изобилия². В этих условиях будут изменяться отношения власти, прежде всего, в производственной сфере, где ведущая роль перейдет от капитала к организованным знаниям, вслед за чем будет происходить и перераспределение власти в обществе, поскольку граница между индустриальной системой и государством становится все более условной³. Взаимодействие квалифицированных специалистов в рамках техноструктуры становится решающим условием планирования и принятия решений, обеспечивающих функционирование и производства, и социума.

Техноструктура по степени своего влияния на процесс принятия решений существенно превосходит как руководителей фирм или организаций, так и политических лидеров. Однако техноструктура не проявляет заинтересованности в том, чтобы формализовать свое влияние, осуществить, как это предлагали идеологи первой

¹ *Barnes H.E.* Historical sociology: Its origin and development. – N.Y.: Philosophical library, 1948. – P. 143–168; *Industrialisation et technocratie / Sous la dir. de G. Gurvitch.* – P.: Armand Colin, 1949.

² *Galbraith J.K.* The affluent society. – Boston: Houghton Mifflin, 1958. – P. 78.

³ *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. – М.: АСТ, 2004. – С. 537.

технократической волны, революционный захват власти. Напротив, техноструктура заинтересована в сохранении социальной и политической стабильности, в условиях которой она может наиболее эффективным образом обеспечивать собственные интересы. Солидаризируясь с задачами соответствующего государственного учреждения и одновременно приспособлявая их к своим нуждам, техноструктура не может инициировать потрясений, способных разрушить существующий порядок. Отказ от властных амбиций является предпосылкой благополучного сосуществования техноструктуры с любым политическим режимом индустриальной эпохи.

В концепции Гэлбрейта особого внимания заслуживает оценка позиции ученых и преподавателей, то есть той части интеллектуальной элиты, которая находится вне техноструктуры либо слабо в нее интегрирована в качестве экспертов. Если у Сен-Симона указание на важнейшую роль ученых в организации нового общества является умозрительным, то, например, у Т. Веблена и других идеологов технократии первой волны противопоставление ученых и инженеров отражало фактическое положение вещей на соответствующем этапе развития промышленного капитализма, а также скепсис в отношении политической активности научного сообщества. Гэлбрейт указывает на дальнейшие изменения, в ходе которых значение научно-педагогического сообщества резко возрастает. С одной стороны, без его вклада становится невозможным ни воспроизводство, ни функционирование техноструктуры. С другой стороны, научно-педагогическое сообщество все еще остается внешней силой, формирующей критический взгляд на техноструктуру и социально-политические институты. По мнению Гэлбрейта, научно-педагогическое сообщество способно взять на себя политическую инициативу¹. Тем самым Гэлбрейт указал на особую позицию ученых и преподавателей, связанную не только с их функциональным взаимодействием с государством и индустриальной системой, но также с тем, что основным адресатом их политической активности является гражданское общество.

Существование техноструктуры, будь то в условиях либеральной демократии, или при однопартийном коммунистическом правлении, способно, по мнению Гэлбрейта, стать решающим фактором конвергенции различных социально-политических систем.

¹ *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. – М.: АСТ, 2004. – С. 540.

Осознание универсальности глобальных проблем, выявление общих структурных и функциональных характеристик, связанных с высокотехнологичной индустрией, и создание соответствующих механизмов управления как при социализме, так и при капитализме способствовали тому, что у теории конвергенции появлялось немало сторонников не только на Западе, но и в странах «реального социализма».

Выдвинутый Х. Шельски «тезис о технократии» в известном смысле означал радикализацию представлений о техноструктуре. Он состоял в том, что в процессе формирования научно-технической цивилизации происходит фундаментальное изменение отношений господства, и на смену политическим нормам и законам приходят закономерности этой цивилизации. Тем самым «идея демократии утрачивает свою классическую субстанцию: вместо политического волеизъявления народа в действие вступают закономерности, которые человек продуцирует в процессе труда и научного познания»¹. Принятие решений в условиях научно-технической цивилизации на основе демократического волеизъявления ведет к подрыву эффективности. Обеспечивая эффективное управление, современная техника не нуждается в легитимности – она сама выступает решающим легитимирующим фактором господства. Политика в «техническом государстве» низводится к обеспечению нескольких вспомогательных функций. Вместе с тем Шельски не считает, что происходит автоматический переход суверенитета от политических инстанций к менеджерам, инженерам или научным экспертам. По его мнению, в «техническом государстве» никакого нового правящего класса не возникает, а политический суверенитет минимизируется: «чем совершеннее техника и наука, тем уже пространство политических решений»². Одновременно сокращается роль идеологий в политическом процессе, поскольку принятие решений в рамках научно-технической цивилизации во всевозрастающей степени подчиняется ее внутренней операциональной логике.

Дискуссия о технократии, активно проходившая в 1960-е годы, показала, что «тезис о технократии» большинством ее участников рассматривается как абсолютизация лишь одной из тенденций

¹ *Schelsky H. Der Mensch in der wissenschaftlichen Zivilisation // Auf der Suche nach Wirklichkeit / Hrsg. von H. Schelsky. – Düsseldorf, Köln: Diederichs, 1965. – S. 453.*

² *Ibid. – S. 458.*

в политическом управлении современного общества. Лишь меньшинство считало возможным установление явной технократической диктатуры. Такой точки зрения придерживался, в частности, З. Бжезинский, допускавший возможность появления технократической диктатуры в связи с установлением контроля над ключевыми информационными потоками, включая информацию об отдельных гражданах¹.

Американский политолог Р. Лапп отстаивал в этой дискуссии позицию, согласно которой нет никаких оснований говорить о нацеленном на захват власти заговоре ученых или экспертов. Но в вопросах их компетенции они уже держат в своих руках «ключ от власти». В жизненно важных вопросах науки и техники конгресс оказывается не в состоянии осуществлять демократический контроль и нахождение баланса интересов, не опираясь на экспертные заключения специалистов. «Неспособность граждан понимать научно-технические проблемы ведет к фактическому исключению значительной части общества из процесса определения технических целей. Ученый как гражданин несет особую ответственность за восстановление диалога [по этим проблемам] в рамках демократии. Если он не предпримет усилий по трансляции и интерпретации научных и технических проблем, значительное число его сограждан могут быть обречены на интеллектуальное рабство и слепую уступчивость. В лучшем случае демократия будет функционировать на крайне неустойчивой основе труднодоступных для понимания информационных потоков и обратной связи»².

Следует отметить, что вопрос о необходимости гражданского контроля деятельности экспертов возникал в ходе дискуссии об институционализации оценки техники, которая развернулась в США во второй половине 1960-х годов³. Американский конгресс стремился, с одной стороны, создать собственную, независимую от исполнительной власти исследовательскую службу, в задачи которой должна была входить комплексная оценка социальных и экологических последствий научно-технических инноваций и крупномасштабных индустриальных проектов. С другой стороны,

¹ *Brzezinski Z.* America in the technetronic age: New questions of our time // Encounter. – Cambridge, 1968. – Vol. 30, N 1. – P. 21.

² *Lapp R.E.* The new priesthood: The scientific elite and the uses of power. – N.Y.: Harper & Row, 1965. – P. 226.

³ См.: *Ефременко Д.В.* Введение в оценку техники. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2002. – С. 36–50.

американские законодатели пришли к выводу о необходимости институционализации этой службы таким образом, чтобы обеспечить парламентский надзор и за деятельностью самих экспертов. В дискуссиях более позднего времени об эффективности различных институциональных моделей оценки техники вопрос об опасности технократической монополии на принятие важных технических решений уже не играл столь значимой роли.

В начале 1970-х годов проблематика новой социально-политической роли научного знания, а также его влияния на процесс социальных трансформаций в целом была интегрирована в новый теоретический контекст в рамках разработанной Д. Беллом концепции постиндустриального общества. Белл сосредоточивает свое внимание на реальных изменениях, связанных с переходом к постиндустриальному обществу, которое:

«1) ...укрепляет роль науки и знания как основной институциональной ценности общества; 2) делая процесс принятия решений более техническим, оно все непосредственнее вовлекает ученых или экономистов в политический процесс; 3) углубляя существующие тенденции в направлении бюрократизации интеллектуального труда, оно вызывает к жизни набор ограничителей традиционных определений интеллектуальных интересов и ценностей; 4) создавая и умножая техническую интеллигенцию, оно поднимает серьезнейший вопрос отношения технического интеллекта к гуманитарному собрату»¹.

Одним из результатов этих процессов оказывается изменение состава экономической и политической элиты, включение в нее представителей научно-технического знания. В то же время Белл не отождествляет возрастание социальной роли ученых и технических специалистов с установлением политического господства технократов. Политическая деятельность не растворяется в принятии решений на основе заключений экспертов, а они сами, если им приходится действовать в сфере политической борьбы, как правило, присоединяются к одной из существующих политических позиций. Ни технократического замещения политики, ни формирования сплоченной группы технократов как политического актора в постиндустриальном обществе не наблюдается. В отличие от Р. Лаппа, Белл считал, что значение самой политики в постиндустриальном

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – С. 57.

обществе должно возрастать, поскольку политический выбор станет более осознанным, а центры принятия решений – более открытыми для общества¹.

По мнению Белла, научным и техническим экспертам в постиндустриальном обществе по-прежнему придется делить влияние с другими элитами, а общий вывод состоит в том, что «политические решения являются в обществе центральными, и отношение знания к власти есть отношение подчиненности»².

Но если Белл придерживался компромиссной позиции в вопросе о балансе власти между экспертами и различного типа бюрократиями и группами влияния, то более радикальный подход, отразивший нарастающие на протяжении 1960–1970-х годов опасения по поводу последствий технократического господства, был направлен против самой возможности исключения гражданского общества из процесса принятия социально значимых решений. Наиболее последовательно эту позицию отстаивали представители Франкфуртской школы. Так, М. Хоркхаймер рассматривал взаимосвязь науки и власти с точки зрения торжества инструментального разума, когда наука может быть поставлена на службу любым политическим целям, по отношению к которым она остается индифферентной³. Ю. Хабермас еще более усилил этот тезис, настаивая на том, что по отношению к политике наука и техника не ограничиваются безразличием к ее целям. «Утверждение о том, что политически значимые решения растворяются в ходе раскрытия имманентных закономерностей имеющейся в распоряжении техники» призвано завуалировать фундаментальные интересы и ввести в заблуждение деполитизированные массы населения⁴. Хабермас подчеркивал, что наука и техника в современном мире обретают функцию легитимации господства. В результате возникает феномен «сциентифицированной политики», нацеленной на минимизацию конфликтного потенциала общества⁵. Отметив опасность этой тенденции, Хабермас указал на

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – С. 358.

² Там же.

³ Horkheimer M. Zur Kritik der instrumentellen Vernunft: Aus den Vortragen und Aufzeichnungen seit Kriegsende. – Frankfurt a. M.: Fischer, 1967.

⁴ Habermas J. Technik und Wissenschaft als «Ideologie». – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1969. – S. 88.

⁵ Ibid. – S. 97.

альтернативу: признание социального статуса не через технократическую легитимацию, а в рамках коммуникативного процесса.

Отправной точкой здесь может служить теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Согласно этой теории, модернизация характеризуется двумя аспектами рациональности. Первый – инструментальная рациональность – состоит в способности находить, выбирать и осуществлять наиболее эффективные способы достижения осознанных и четких целей. Второй аспект – коммуникативная рациональность – предполагает достижение понимания и согласия относительно целей на основе диалога между субъектами социального действия, в рамках социализации. В отличие от действия на основе сотрудничества, стимулом к которому является вознаграждение или угроза, коммуникативная рациональность зависит от степени добровольной вовлеченности в соответствующее действие заинтересованных и компетентных индивидов. Диалог между ними способствует осознанию взаимных прав и моральных обязательств, продуцирует солидарность, имеющую внутреннюю связь со справедливостью¹. С точки зрения Хабермаса, инструментальная рациональность присуща, прежде всего, тем формам социальной жизни, где доминируют деньги и власть, то есть капитализму и бюрократии. Коммуникативная рациональность в первую очередь конституирует модель делиберативной демократии, в которой диалог и взаимопонимание по важности опережают прагматическое решение проблем. В то же время делиберативная демократия обладает потенциалом сопряжения коммуникативной и инструментальной рациональности.

Дискуссии о коммуникативной рациональности и делиберативной демократии продолжают по сей день. В контексте темы настоящей статьи наиболее важно то, что эти идеи практически полностью вытеснили технократическую составляющую, так или иначе присутствовавшую в ранних версиях концепции общества знания.

Общество знания – информационное общество – постиндустриальное общество

На всех этапах развития представлений об обществе знания сохранялась проблема демаркации между этими представлениями

¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – С. 90–92.

и другими теориями социальных трансформаций. Очевидно, что теории информационного общества, постиндустриального общества и общества знания представляют собой родственные теоретические построения, основанные на уверенности в том, что качественные социальные трансформации в современном мире неразрывно связаны с новой ролью информации и знания. Внутри этой большой семьи теоретических конструкций нет непреодолимых преград, позволяющих бесповоротно отделить концепцию общества знания от других теорий. А те перегородки, которые возводятся различными теоретиками, создают впечатление временных и легко преодолимых сооружений. Есть все основания согласиться с А.И. Ракитовым, который еще в начале 1990-х годов рассматривал идею общества, основанного на знании, в качестве усиленной версии информационного общества¹. Значительное внимание этой проблеме уделяет Ф. Уэбстер, а также Г. Бехманн. В частности, Бехманн характеризует отношения информационного общества и общества знания следующим образом: «Информационное общество рассматривается как общество знания, если акцент делается не только на росте значения теоретического знания в социальном познании, но и на социально детерминированные процессы распределения и воспроизводства, причем не только научно созданного, но и общепризнанного знания, поскольку кроме науки в современном обществе существуют и другие источники знания, как, например, религиозное знание, народная мудрость, поэзия и т.д. ...В этой связи становится важным провести различие знания и информации: знание создает, вообще говоря, способность действовать (знание является предпосылкой действия), в то время как информация представляет собой знание, обработанное для целей использования. Поэтому знание отражает статический структурный аспект, а информация – процессуальный аспект коммуникации»².

¹ Ракитов А.И. *Философия компьютерной революции*. – М.: Политиздат, 1991. – С. 31.

Многие из отечественных исследователей склонны придерживаться гибкого подхода, при котором представления об информационном обществе плавно «перетекают» в рассуждения об обществе знания *et vice versa*. Один из последних примеров – книга Л.Г. Ионина «Социология в обществе знаний». См.: *Ионин Л.Г. Социология в обществе знаний: От эпохи модерна к информационному обществу*. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007.

² Бехманн Г. *Концепции информационного общества и социальная роль информации // Политическая наука: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социаль-*

В то же время Бехманн подчеркивает, что концепцию общества знания весьма непросто отделить и от другой родственной теории – постиндустриализма, а также представлений о конце общества массового производства}. Во всяком случае, ранние трактовки представлений об информационном обществе и обществе, основанном на знании, с характерной для них «зацикленностью на технологических проблемах общественного производства»², оказались слишком односторонними для разработки сбалансированной теории социальных изменений. Эта односторонность достаточно успешно преодолевалась в рамках теории постиндустриального общества Д. Белла. Однако успех теории постиндустриализма сыграл с ее собратьями странную шутку. Идеям об обществе, основанном на знании, «не повезло» даже больше, чем представлениям об информационном обществе и информационной экономике. Белл настолько полно охватил в «Грядущем постиндустриальном обществе» проблематику экономики и социального управления, основанных на знании, что почти два десятилетия не было особой необходимости в автономном от постиндустриальной теории оперировании этими терминами. Такая необходимость возникла уже в принципиально новом социально-политическом и технологическом контексте 1990-х годов. Это была уже совсем другая ситуация, в которой теория постиндустриализма без ее серьезных модификаций начинала давать сбои. Одним из камней преткновения стали взаимосвязанные темы риска и роли научной экспертизы в принятии социально значимых политических решений.

Общество знания / риска

Даже сегодня чтение многих работ, посвященных обществу знания, оставляет впечатление, что концепции общества знания и общества риска описывают динамику социумов, расположенных на двух разных планетах. Правда, достойную внимания попытку ис-

ных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки / Гл. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2008. – № 2: Демократия в условиях информационного общества / Ред. Д.В. Ефременко. – С. 14.

¹ Подробнее см. статью Г. Бехманна в настоящем сборнике.

² Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 39.

править эту ситуацию предпринял еще в 1990-х годах Н. Штер¹, а в докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» (2005), который можно рассматривать в качестве промежуточного итога развития концепции общества знания, проблематике рисков посвящена отдельная глава. Но даже и там речь идет о нестабильности и обеспечении безопасности как о вызовах, на которые предстоит ответить обществу знания². Получается, что эти вызовы в большей степени трансцендентны, чем имманентны обществу знания. Аккумуляция рисков отождествляется главным образом с дефицитом знания или неэффективностью его использования. Впрочем, авторы доклада не отрицают, что общества знания способны порождать новые риски.

Несомненно, что понимание данной проблемы связано с соотношением риска и знания в человеческой деятельности. Рассматривая знание как предпосылку социального действия, необходимо осознавать, что и риск является его неотъемлемой характеристикой. Знание и риск – это взаимосвязанные аспекты процесса принятия решений в рамках социума. Специфика сопряженных с риском решений заключается в необходимости делать выбор из числа имеющихся возможностей при неопределенности последствий, т.е. в условиях неполного знания. Однако знание в принципе не может быть полным; в прагматическом плане оно может рассматриваться как полное применительно к конкретным обстоятельствам, в которых принимается то или иное решение.

Принятие решений, их реализация, развертывание последствий в пространстве и во времени затрагивает различное множество социальных акторов. Иначе говоря, риск следует рассматривать как специфическую форму социальной коммуникации, связанную со стремлением рассчитать в настоящем неизвестное будущее. Коммуникация означает расширенное воспроизводство риска (по У. Беку: производство, распространение, потребление и новое производство рисков), формирование среды для новых рисковенных решений. Но если воспроизводство рисков понимать только как накопление ущерба, то тогда мы постоянно жили бы в мире катастроф, поскольку аккумуляция ущерба в массовом порядке приводила бы к преодолению «порога бедствия» (Н. Луман), за которым следовали бы разрушительные последствия для окружающей сре-

¹ *Stehr N., Meja V. Die Zerbrechlichkeit der modernen Gesellschaft // Vorgänge. – В., 1996. – Jg. 135, Н. 3. – S. 114–120.*

² *К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. – Париж: ЮНЕСКО, 2005. – С. 141.*

ды, технических систем, социальной и политической стабильности. Если катастрофы все еще не стали частью повседневности, то объяснить это можно тем, что накопление ущерба чаще всего компенсируется раскрытием позитивного потенциала риска либо нейтрализуется другими рисками.

Как подчеркивает Н. Луман, риск характеризуется множеством «стадий осущестления контингентности», то есть неравномерным пространственно-временным распределением случайных факторов, влияющих на процесс принятия решений, преимуществ и недостатков того или иного действия, вероятности или невероятности наступления ущерба в результате принятого решения¹. При этом расчеты возможного ущерба, вероятности наступления негативных или позитивных последствий оказываются в высшей степени зависимыми от субъекта и способа анализа риска. Таким образом, появляются основания для интерпретации риска как социального конструкта, значение которого варьируется и тесно увязывается со специфическими социальными контекстами и целями². Такая интерпретация риска подчеркивает его коммуникативную природу, позволяет более взвешенно подойти к проблематике восприятия и оценки риска, выявляя их конвенциональный характер и зависимость от социокультурных норм и ценностей³.

Переплетение природного и социального, объективного и субъективного, прошлого, настоящего и будущего в сопряженных с риском коммуникативных процессах отличается всевозрастающей сложностью. В рамках коммуникации рисков имеют место синергетические нелинейные взаимодействия, а локальные события в условиях глобализации и ускоренного развития информационно-коммуникационных технологий все чаще вызывают глобальную коммуникацию рисков. Наконец, восприятие риска социальными акторами как важнейший элемент коммуникации обеспечивает инверсию одних рисков в другие, а также является важнейшей предпосылкой расширенного воспроизводства рисков.

¹ *Luhmann N. Soziologie des Risikos.* – B; N.Y.: de Gruyter, 1991. – S. 49.

² *Rosa E.A. Metatheoretical foundations for post-normal risk // J. of risk research.* – Abingdon, 1998 – Vol. 1, N 1. – P. 15–44.

³ *Douglas M., Wildavsky A. Risk and culture: An essay on the selection of technological and environmental dangers.* – Berkeley: Univ. of California press, 1982; *The social and cultural construction of risk: Essays on risk selection and perception / Ed. by B.B. Johnson, V.T. Covello.* – Dordrecht: Reidel, 1987.

Разумеется, едва ли оправданно говорить о полной симметрии знания и риска в социальном действии. Взаимосвязь знания и риска является более сложной и нюансированной. Но то, что эта взаимосвязь одновременно характеризуется устойчивой зависимостью, сомнений не вызывает. Здесь так и напрашивается знаменитая цитата из Екклесиаста: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания – умножает скорбь». Достаточно заменить ветхозаветную «скорбь» на более современное слово «риск», и мы получим указание на самую суть проблемы. И если на определенном этапе исторического развития знание обретает экстраординарный социальный статус, то вслед за декларациями о наступлении эпохи общества знания следует ожидать lamentаций о трудностях существования в обществе риска. Иначе говоря, предпосылки возникновения общества риска непосредственно связаны с ростом научного знания и расширением возможностей научно-технической деятельности как важнейшего фактора социальных трансформаций. Наука, в сущности, предопределила направление будущего развития человечества и вместе с тем выступила одним из важнейших агентов, способствующих нарастанию неопределенности будущего. И если расширенное воспроизводство риска можно считать нормальным проявлением человеческой деятельности, то специфика ситуации, которую часто характеризуют как становление общества знания, состоит в скачке от аккумуляции к мультипликации риска. Не менее важный специфический аспект заключается в «сверхтекучести» риска, в возможности быстрой инверсии одного вида риска в другой, в конечном счете – в политический риск.

Постнормальная наука в обществе знания / риска

Если 1970–1980-е годы производят впечатление «потерянных десятилетий» для концепции общества знания, то это, разумеется, не так. Представления об обществе риска, получившие в 1980-е годы свое развитие благодаря У. Беку, а затем и Э. Гидденсу, являются ничем иным, как оборотной стороной идеи общества знания. Во всяком случае, сегодня рассуждение об обществе знания вне связи с категорией риска представляется пустопорожным занятием. Но не меньшее значение в данном контексте имеют разработанные в последние десятилетия XX в. новые подходы к анализу взаимоотношений науки и общества.

В 1970-е годы заявила о себе так называемая Штарнбергская группа социологов науки, представители которой – Г. Беме, П. Вайнгарт, В. ван ден Дэле, В. Крон – разработали концепцию «финализации науки»¹. Суть концепции, во многом опиравшейся на идеи Ю. Хабермаса, состояла в том, что цели научного исследования во всё возрастающей степени определяются не внутринаучными, а заданными извне, социальными и политическими целеполаганиями. В нарастании этой тенденции виделось наступление этапа, когда заканчивается «классический фронт» научных исследований и открывается новый, «неклассический фронт». Участники Штарнбергской группы обращали внимание на возникновение «гибридных сообществ». «Гибридные сообщества» являются «организационными структурами, в которых ученые, политики, администраторы и представители промышленности и других групп интересов непосредственно связываются, чтобы определить проблему, исследовательскую стратегию и найти решения. Это включает в себя процесс перевода политических целей в технические цели и исследовательские стратегии, связывающий разные дискурсивные универсумы»². Таким образом, помимо появления новых институциональных структур, штарнбергцы указали на процесс диффузии дискурсов науки, политики и общества, который в более радикальной версии можно интерпретировать как «сциентификацию общества» и «политизацию науки». В целом для этого процесса характерна возрастающая взаимозависимость социальной и, в частности, политической практики и развития науки.

Усилению тенденций междисциплинарности, проблемной ориентации и проектной организации научных исследований способствовал рост интереса общественных и политических кругов к социальным, экономическим и экологическим глобальным проблемам. В то же время вследствие Чернобыльской катастрофы и других крупномасштабных аварий технических систем высокий социальный авторитет научного знания и технической деятельности был поколеблен. Если в предыдущие десятилетия ссылка на научный авторитет способствовала одобрению обществом политических решений, то в послечернобыльский период положение серьезно изменилось. Возродились сомнения в эффективности и объек-

¹ См.: Федотова В.Г. Штарнбергская группа (ФРГ) о закономерностях развития науки // Вопросы философии. – М., 1984. – № 3. – С. 125–133.

² Вайнгарт П. Отношения между наукой и техникой: Социологическое объяснение // Философия техники в ФРГ. – М.: Прогресс, 1989 – С. 138.

тивности научной экспертизы крупных индустриальных и инновационных проектов. Само научное сообщество столкнулось с необходимостью отстаивать свои интересы, в том числе приоритетное финансирование исследований и разработок не только в институциональных рамках взаимоотношений с парламентами, правительствами и финансирующими агентствами, но и в прямом диалоге с общественным мнением. В связи с этим началась разработка инициатив, направленных на систематическое содействие пониманию общественностью важнейших проблем науки и техники. Самое серьезное внимание было сконцентрировано на проблематике социальной акцептации, то есть готовности общества принять результаты научно-технической деятельности или связанных с ней политических решений.

Если в 1970-е годы усилия Штарнбергской группы рассматривались едва ли не как подрывные¹, то на рубеже 90-х годов концептуализация качественных перемен во взаимоотношениях науки и общества получила широкое признание. Вслед за авторами одной из концепций, Дж. Равецем и С. Фунтовичем², результат этих качественных изменений можно назвать «постнормальной» наукой, имея, прежде всего, в виду принципиальные отличия от «нормальной» науки Т. Куна и от описанных им периодов научных революций. Кроме того, о завершении периода «нормальности» можно говорить и в смысле исчерпанности традиционных, «одноканальных» отношений между экспертами и политиками. В современных условиях неотъемлемой частью производства научного знания становятся его социально-политические аспекты, и потому сам этот процесс должен быть транспарентным и открытым для участия социальных акторов.

Постепенно стираются некогда стабильные демаркационные линии между наукой, обществом и политикой, наблюдается реструктурирование взаимоотношений между ними, имеющее далеко идущие последствия. Производство научного знания понимается

¹ По оценке В. Циммерли, подлинной причиной закрытия Института социальных исследований им. М. Планка в Штарнберге явилась разработка несколькими его сотрудниками концепции «финализации науки». См.: *Циммерли В. Техника в изменяющемся обществе // Философия техники в ФРГ.* – М.: Прогресс, 1989. – С. 250.

² *Funtowicz S.O., Ravetz J. The emergence of post-normal science // Science, politics, and morality: Scientific uncertainty and decision making / Ed. by R. von Schomberg.* – Dordrecht: Kluwer, 1993. – P. 85–123.

уже не столько как поиск основополагающих законов природы, сколько как процесс, обусловленный контекстом применения знания, представлениями о социальных потребностях и потенциальных потребителях. Как отмечает В.С. Стёпин, характеризуя специфику постнеклассического типа научной рациональности, происходит расширение поля рефлексии над деятельностью. «При этом эксплицируется связь внутринаучных целей с внеаучными, социальными целями и ценностями»¹. Производство научного знания становится рефлексивным процессом, необходимым элементом которого является учет его социальных импликаций. В свою очередь, в таком взаимодействии науки и политики последняя также не остается неизменной.

Феномен постнормальной науки в первую очередь означает активное участие научного сообщества в коммуникации социально значимых рисков. Результатом такого участия становится появление комбинированных политических дискурсов, в которых научная составляющая играет значительную или решающую роль². Перенос результатов научных исследований в сферу политики «вынуждает политических акторов и политические системы иметь дело с когнитивно конституированными задачами»³, а благодаря современным средствам коммуникации и возрастающей мобильности интеллектуальных ресурсов этот процесс еще более интенсифицируется. В условиях глобализации происходит трансляция комбинированных политико-научных дискурсов в глобальном масштабе через электронные средства массовой информации, международные институты и многосторонние переговорные механизмы.

Не будет лишним вспомнить, что изначально под обществом знания подразумевалась ситуация, когда происходит стремительное возрастание социальной и политической роли научной экспертизы. Однако именно при обращении к оппозиции «знание – риск» обнаруживается, что новая социальная роль научной экспертизы не так уж неоспорима. С одной стороны, осуществляемые научным

¹ Стёпин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 712.

² См.: Ефременко Д.В. Эколого-политические дискурсы: Возникновение и эволюция. – М.: ИНИОН, 2006.

³ *Bechmann G., Beck S. Zur gesellschaftlichen Wahrnehmung des anthropogenen Klimawandels und seiner möglicher Folgen // Risiko Klima: Der Treibhauseffekt als Herausforderung für Wissenschaft und Politik / Hrsg. von J. Kopfmüller, R. Coenen. – Frankfurt a. M; N.Y.: Campus, 1997. – S. 137.*

сообществом идентификация и оценка конкретных рисков становятся важным политическим инструментом¹. Выявляя проблему и информируя об этом тех, кого связанные с ней опасности или риски непосредственно затрагивают, научное сообщество формирует тем самым новую группу интересов, способную оказывать политическое давление². Социальная роль экспертизы в условиях неопределенности становится своеобразной вариацией «эффекта Гейзенберга», когда научные наблюдения и анализ оказываются частью активности самой исследуемой системы, и, соответственно, оказывают воздействие на происходящие в ней процессы.

С другой стороны, сама наука, выступая источником рационализации процесса принятия социально значимых решений, одновременно позволяет осознать масштабы неопределенности и, следовательно, ограниченность экспертного знания. Дефицит достоверного знания эксперты стремятся компенсировать использованием различных методов статистического анализа риска, построением моделей, применением гипотетического подхода и т.д. Уязвимость гипотетических построений выражается в частоте конфликтов между экспертами, что в свою очередь способствует подрыву авторитета науки. Ценность экспертного знания начинает девальвироваться. Любые научно обоснованные политические решения могут быть опровергнуты при помощи научного же анализа. Как показал Э. Гидденс, снижение доверия ведет к дестабилизации социальной системы. В этом плане значение экспертизы выходит за рамки повышения рациональности процесса принятия решений. Подрыв доверия к экспертизе не только ведет к снижению политического спроса на экспертное знание, особенно драматичному в сравнении с масштабами аккумуляции нового знания, но и создает благоприятные условия для возникновения политических конфликтов.

Разумеется, в этих условиях уже нельзя говорить о патерналистской роли экспертов, на чем в свое время настаивали М. Дуглас и А. Вилдавски. Согласно их точке зрения, определение и оценка риска должны оставаться прерогативой экспертов, поскольку допуск к этому делу неспециалистов, нередко отличающихся иррационализмом, невежеством и боязнью риска, может

¹ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 337.

² Markl H. Naturwissenschaftliche Forschung und Umweltpolitikberatung // Wissenschaftliche Politikberatung für die Umwelt: Stationen, Leistungen, Anforderungen und Erfahrungen / Hrsg. von A. Merkel. – B.: Analytica, 1997. – S. 47–61.

лишь затормозить принятие необходимых решений¹. Однако если рассматривать риск как социальную коммуникацию, то именно взаимодействие экспертов и неспециалистов является предпосылкой рационального выбора и социальной акцептации сопряженных с риском решений. Объединение научной и обыденной рациональности является необходимым условием существования в обществе знания / риска.

Представления об обществе знания и экономике знания в свете мирового кризиса: Экскурс в политэкономии когнитивного капитализма

В середине 2009 г., когда прошел первый шок от грандиозного обвала мировых финансовых рынков и кризис стал будничным состоянием, впору задуматься: а где же общество знания? Если многие годы авангард цивилизации двигался в направлении общества знания, или посткапиталистического общества, то возникает вопрос, почему человечество оказалось ввергнуто в новый катаклизм капиталистической экономики, «рейтинг кризисности» которого уступает лишь великой депрессии 1930-х? А может быть, дело обстоит еще хуже, и природа нынешнего кризиса иная, непосредственно связанная с теми процессами, которые в последние десятилетия разворачивались под брендом нового статуса знания? Здесь уместно вспомнить предысторию этого кризиса и сопоставить ее с некоторыми вехами карьеры идеи общества знания. Заодно имеет смысл вспомнить и о тех предупреждениях, на которые в «тучные годы» мало обращали внимания.

Совокупность работ, позволяющая говорить об эмансипации концепции общества знания от теорий постиндустриализма и информационного общества, появилась только в 1990-х годах. Наиболее значительными среди них были «Труд наций» Р. Райха², «Посткапиталистическое общество» П. Дракера³ и «Знание, труд, собственность» Н. Штера⁴. Однако более важно, что не только эти

¹ См.: *Douglas M., Wildavsky A.* Risk and culture: An essay on the selection of technological and environmental dangers. – Berkeley: Univ. of California press, 1982.

² *Reich R.B.* The work of nations: Preparing ourselves for 21st century capitalism. – N.Y.: Random House, 1992.

³ *Drucker P.F.* Post-capitalist society. – Oxford: Butterworth-Heinemann, 1993.

⁴ *Stehr N.* Arbeit, Eigentum und Wissen: Zur Theorie von Wissensgesellschaften. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1994.

труды, но вся совокупность публикаций и рассуждений, посвященных новой, теперь решающей роли знания в экономической и социальной организации, оказалась весьма востребованной. Даже если их авторы расходились друг с другом в существенных вопросах, например, в том, уходят ли в прошлое капитализм и индустриальное общество, или же наступает качественно новый этап их развития, спрос на сам дискурс общества знания устойчиво рос. Можно согласиться с Антонеллой Корсани, которая называет этот дискурс политическим¹.

Конечно, 1990-е годы были временем политического триумфа Запада. Но помимо распада СССР и перехода к постбиполярному миру, трактовавшихся как торжество либеральных ценностей, у стран, победивших в «холодной войне», появились новые возможности экономического роста, и это требовало дополнительного концептуального обоснования. Хотя для индустриально развитых стран характерна тенденция к снижению темпов экономического роста, американская экономика в эпоху администрации Клинтона, напротив, росла значительно быстрее. Это ускорение, несомненно, было связано и с неолиберальным экономическим курсом предшествовавших республиканских администраций, и с возможностью резко уменьшить бремя военных расходов, и с облегчением доступа к ресурсам бывшего «социалистического лагеря». Однако наиболее распространенное и тщательно культивируемое объяснение нетипичного поведения американской экономики состояло в том, что главным мотором роста стал сектор высоких технологий.

Развитие информационно-коммуникационных технологий в индустриально развитых странах породило к 1990-м годам совокупность новых явлений в сфере экономических и социальных отношений. Технические инновации, стандартизация производственных процессов, реорганизация информационного обеспечения, внедрение новых принципов управления дали возможность транснациональным корпорациям и средним компаниям значительно повысить собственную эффективность. Благодаря этому высвободились огромные финансовые средства, которые уже не могла полностью абсорбировать реальная экономика.

¹ Корсани А. Тотальное проникновение: Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм // Политический журнал. – М., 2008. – № 2. – Режим доступа: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=7919&issue=213>

В то же время интеллектуальный труд стал более гибким с точки зрения его организации, рабочего времени, квалификационных требований. В ряде случаев когнитивный работник начал превращаться в самопредпринимателя, или предпринимателя в отношении собственной рабочей силы. Обобщение соответствующих эмпирических данных и экстраполяция выявленных трендов немало способствовали росту популярности представлений об экономике знаний и обществе знания в последнее десятилетие прошлого века. Но, пожалуй, подлинный секрет успеха этих построений состоял в том, что они способствовали теоретическому обоснованию процессов, которые характеризовались как трансформация «формализованного знания в нематериальный капитал»¹. По сути же речь шла о «дематериализации стоимости», о том, что уровень затрат на компоненты знания в высокотехнологичной продукции (исследования и разработки, маркетинг, дизайн и т.д.) все чаще значительно превышает фактические материальные затраты по ее выпуску. Из этого следовал революционный вывод о том, что материальная составляющая перестает быть основой оценки стоимости продукта, а значит, и капитализации выпускающего его предприятия. Именно символические, нематериальные компоненты продукта превращаются в основной источник прибыли. Обобщенно эта позиция сформулирована Б. Польре: «Когнитивный капитализм следует понимать как общество знания, управляемое и организованное по капиталистическим принципам. Кроме того, когнитивный капитализм следует понимать как такой вид капитализма, в котором знание является основным источником стоимости, откуда и вытекает его противопоставление капитализму промышленному»².

Такого рода когнитивный капитализм означает еще более радикальную реорганизацию производства и разделения труда между экономическими акторами, когда материальный капитал и труд предоставляются «так называемым “партнерским предприятиям” материнской фирмы, которая по отношению к ним играет роль сюзерена: она вынуждает их, постоянно изменяя пункты договора, все время усиливать эксплуатацию своей рабочей силы»³. Материнская фирма при этом может оставаться владельцем бренда и некоторых

¹ Горц А. Знание, стоимость и капитал: К критике экономики знаний // Логос. – М., 2007. – № 4. – С. 22.

² Польре. Б. Когнитивный капитализм на марше // Политический журнал. – М., 2008 – № 2. – С. 66.

³ Горц А. Указ. соч. – С. 31.

нематериальных активов, использование которых она монополизирует, то есть, по сути, монополизирует знание.

Но для экономического бума 1990-х годов даже эти перемены не были решающими. Для извлечения прибыли несравненно большие возможности открывало то обстоятельство, что когнитивный капитал не может рассчитываться на основе какого-либо материального эквивалента. Основным мерилom капитализации стала биржа. Те огромные объемы финансового капитала, которые ранее высвободились из сферы производства благодаря его оптимизации и повышению эффективности на основе внедрения информационно-коммуникационных технологий, теперь нашли новую сферу приложения. А. Горц так писал об этом: «Индекс Доу-Джонса, которому понадобилось 30 лет, чтобы подняться от 1000 до 4000, достиг в 1997 г. показателя 8000. В июле 1999 г. он уже равнялся 11 000. После того как капитализм подвиг граждан на трату из будущих доходов, он праздновал теперь на бирже ожидаемую выгоду от ожидаемого будущего прироста. Биржа стала казаться неисчерпаемым источником дохода. Примерно треть граждан занимала у банков все больше денег на покупку акций в уверенности, что сумеет быстро покрыть задолженность частью выигрыша от быстрого роста курса»¹. Еще более впечатляющие показатели демонстрировал индекс Nasdaq, котировки которого имели отношение уже только к нематериальному капиталу. Стоимость материальных активов экономики США в 1999 г. равнялась всего лишь третьей части от биржевой котировки акций; для отдельных фирм этот разрыв начинал составлять десятки и даже сотни раз. Дематериализация стоимости состоялась. По словам Горца, «фикция превзошла реальность и казалась более настоящей, чем настоящее, вплоть до того неподвижного, но неотвратимого дня, когда пузырь лопнул»².

Обвал индекса Nasdaq, происходивший в 2000–2001 гг., вполне мог привести к тем последствиям для американской и мировой экономики, которые в сентябре 2008 г. повлекло за собой банкротство банка Lehman Brothers. Помешало этому одно событие. Случилось оно 11 сентября 2001 г. Именно после террористических атак на Нью-Йорк и Вашингтон А. Гринспен понизил ставку рефинансирования до такого уровня, когда акторам глобальной эконо-

¹ Горц А. Знание, стоимость и капитал: К критике экономики знаний // Логос. – М., 2007. – № 4. – С. 33.

² Там же. – С. 34.

мики стало понятно: вместо тяжелой, но необходимой санации можно получить дешевые деньги на надувание новых пузырей на других рынках – недвижимости, нефти, металлов, совсем уж виртуальных деривативов...

В этом пункте необходимо сделать оговорку. Автор не относится к любителям конспирологических построений и не видит достаточных оснований в обращении к ним для объяснения тех событий, с которых, по сути, и началась история цивилизации в III тысячелетии. Контингентность исторического развития – куда как более интересное объяснение, чем теория заговора, в участники которого при желании можно записать кого угодно – от Бен Ладена до рядового когнитивного работника. Если уж всерьез подходить к философской, социологической и политологической реконструкции событий 11 сентября 2001 г. и их предыстории, то значительно более полезными здесь могут оказаться категории коммуникации и аккумуляции рисков. Но это уже тема для другой публикации.

Так или иначе, но дематериализация стоимости не исчезла, подобно миражу, а распространилась на другие сектора экономики. Стоимость даже такого «неинтеллектуального» товара, как нефть, определяется уже не столько издержками добычи и транспортировки, сколько торговлей фьючерсами, то есть своеобразным добавлением нематериальной компоненты, включающей оценки рисков, прогнозы уровня добычи, спроса и предложения в соответствующий момент времени. Надувание новых пузырей на традиционных товарных рынках привело к тому, что и нефть, и сырьевые товары и даже золото практически утратили функцию «объективной» меры стоимости других товаров.

В 2001 г. мировой экономический кризис был отсрочен, но цена этой отсрочки оказалась очень высокой. Здесь вновь уместно процитировать А. Горца, покончившего с собой за год до того, как разразился прогнозируемый им кризис: «Уже в 2003 г. начал образовываться новый пузырь, который в обозримое время приведет к новому краху. Капитализм ходит по краю пропасти, катя перед собой доселе невиданную гору долгов, держится на плаву за счет умножения не имеющих субстанции денег и с помощью этой ненадежной акробатики пытается уйти от стоящего перед ним вопроса: *Как может продолжаться существовать товарное общество, ко-*

гда производство товаров использует все меньше труда и пускает в обращение все меньше платежных средств?»¹

Политическое измерение общества знания

Парадоксально, но именно вопрос о политическом измерении общества знания, достаточно активно обсуждавшийся на начальном этапе карьеры этой доктрины, сегодня отодвинут на второй план. Как будет организована власть в обществе знания, будет ли оно элитарным или эгалитарным, трансформируются ли тем или иным образом базовые представления о демократии и правах человека, и если да, то во что? Складывается впечатление, что сегодня многие сторонники концепции общества знания вполне осознанно уходят от предметного обсуждения этих вопросов. Общая логика их рассуждений состоит в том, что свободный доступ к знаниям и их совместное использование способствуют укреплению открытых обществ, развитию демократии участия и толерантного диалога². Делиберативная демократия превращается в своеобразную мантру общества знания.

В духе политкорректности сглаживаются и многие другие «острые углы». Так, например, несомненное гомогенизирующее воздействие научного знания теперь начинает маскироваться заявлениями о множественности «обществ знания» или «миров знания». Понятно, почему известный доклад ЮНЕСКО назван «К обществам знания». Очевидно, что состав и задачи этой организации не позволяли указать в ее официальном документе в качестве вероятной и желаемой перспективы переход к глобальному обществу знания, в котором культурное и этническое своеобразие хотя и сохранится, но неизбежно окажется в субординированном положении относительно универсального научного знания. Более того, именно эта ситуация рассматривается в докладе как крайне нежелательная. Правда, аргумент о том, что нет никакой единой, изначально заданной модели общества знания, еще не означает, что результатом трансформаций в этом направлении не станет далеко идущая гомогенизация. Концептуальная стройность явно приносится здесь в жертву политкорректности. Авторы доклада ЮНЕСКО, сознатель-

¹ Горц А. Указ. соч. – С. 35.

² К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. – Париж: ЮНЕСКО, 2005. – С. 191.

но «уравновешивая» научно-техническое знание знанием авторитетным, или «туземным», благодаря чему появляются основания для рассуждений об обществах знания, отчасти нивелируют фундаментальный посыл о грядущей глобальной трансформации. Множественность обществ знаний может означать одно из двух: либо научное знание и информация только оттеняют континуум культурной и лингвистической разнородности, либо радикальная переменна все же происходит, и культурные и языковые различия не смогут скрыть того обстоятельства, что человечество, как бы эта перспектива ни пугала многих его представителей, обретает общую судьбу в глобальном обществе знания.

В докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» значительное внимание уделено так называемой цифровой, или электронной демократии. Электронная демократия – достаточно новый термин, возникший в 1990-е годы и описывающий преимущественно область экспериментирования с использованием новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в политическом процессе. В большей степени он характеризует технические аспекты взаимодействия между гражданами, структурами гражданского общества и институтами власти – применение ИКТ в электоральном процессе вплоть до проведения электронных референдумов, организация петиционных кампаний в Интернете, обеспечение доступа к информации и консультированию населения, запросы через Интернет и электронную почту и т.д. Предполагается, что сущностные характеристики демократии при этом не затрагиваются. Фактически речь идет о некоей форме вынесения институтов представительной демократии в киберпространство. Вместе с тем оптимистический взгляд на электронную демократию состоит в том, что технические новшества все же приведут к некоторым качественным изменениям – таким, как преодоление недоверия, политической апатии, низкого уровня взаимодействия между представителями гражданского общества, расширение возможностей выработки общей политической повестки и консолидации отдельных политических групп.

Одной из серьезных проблем, с которой сталкивается продвижение электронной демократии, является цифровой разрыв – неравенство возможностей доступа и использования новейших ИКТ. Но даже в странах, где и доступ, и степень фактического использования возможностей Интернета и других ИКТ уже очень высоки (например в Великобритании), возникает вопрос о том, поче-

му эти возможности все же используются недостаточно в тех областях, которые относятся к сфере электронной демократии. Может быть, проблема не в технике, а в демократии и в моделях политической активности, которые не детерминируются уровнем использования ИКТ?

Кроме того, как справедливо отмечает И.Ю. Алексеева, «киберпространство, расширяя информационно-технологические возможности человека, вовсе не становится сферой верховенства закона и не является демократическим в этом смысле»¹. Одним из мощных стимулов сетевой активности является стремление освободиться от условностей, норм и ограничений «реальной» жизни. И хотя в числе особенностей общества знания называют подъем ассоциативного активизма², необходимо осознавать, что подлинной основой для консолидации многих виртуальных сообществ служат именно эти устремления.

Однако теперь, в конце первого десятилетия XXI в., мы стоим на пороге нового технологического прорыва, основным содержанием которого должны стать фундаментальная деиерархизация, индивидуализация и конвергенция различных ИКТ³. Эти процессы создают беспрецедентную угрозу традиционным формам информационно-политического мейнстрима. В них заключен фундаментальный вызов всем типам политических систем, включая и современные демократии. Конечно, наиболее уязвимыми являются те формы политического господства, которые основаны на большей степени ограничения и прямого контроля информационных потоков. Но и у либеральной демократии нет никакой «охранной грамоты» хотя бы потому, что информационный мейнстрим, предполагающий и важные самоограничения (например «политическую корректность»), играет очень большую роль в стабилизации демократических систем.

В качестве средства политической мобилизации Интернет и другие ИКТ могут быть использованы самыми разными силами, в том числе и теми, кто отвергает ценности либеральной демократии. Деиерархизация и «размывание» мейнстрима способны облег-

¹ Алексеева И.Ю. Вызовы демократии в информационном обществе // Политическая наука. – М., 2008. – № 2. – С. 70–71.

² К обществам знания. – С. 193.

³ См.: Castells M. Communication, power and counter-power in the network society // International j. of communication. – Los Angeles, 2007. – Vol. 1. – P. 238–266. Реферат этой статьи М. Кастельса публикуется в настоящем сборнике.

чить консолидацию и координацию этих сил. Надо отдавать себе отчет и в том, каков будет уже в ближайшее десятилетие портрет «среднего» пользователя, разрушающего иерархию и мейнстрим: это молодой человек, появившийся на свет уже в эпоху «развитого Интернета», не белый, не христианин, для которого английский язык не является родным. Выравнивание возможностей в «плоском мире», о котором так вдохновенно пишет Т. Фридман¹, на поверку оказывается демонтажем последних преград к глобальной коммуникации риска. Все, что прежде сдерживалось, с одной стороны, традиционной культурой и отставанием в технологическом развитии, а с другой стороны, тотальным информационным доминированием западной цивилизации, теперь с каждым годом (если не с каждым днем) будет наполнять и преобразовывать сетевой контент.

Тезис Г. Бехманна о том, что «Интернет есть общество»², может показаться слишком сильным. Но Интернет, несомненно, является пространством социальной коммуникации, в частности коммуникации риска. А это значит, что социальные трансформации во все большей степени переносятся в киберпространство. И, соответственно, извечная «Гоббсова проблема» достижения социального порядка в условиях взаимодействия множества индивидов, имеющих разнонаправленные интересы, становится проблемой сетевой коммуникации. В любом случае новый скачок в развитии ИКТ станет еще одной – и, может быть, на сей раз решающей – проверкой пророчеств технологических оптимистов, связывающих с очередным расширением технических возможностей человечества окончательный прорыв в царство свободы, демократии и прав человека. Но равным образом проверке подвергнется и противоположная позиция, рассматривающая культуру в качестве мощнейшей детерминанты политических процессов, влияние которой может быть усилено или ослаблено, но не подменено действием технологий и научного знания.

¹ Согласно Фридману, обусловленное прогрессом ИКТ «выравнивание мира означает, что сегодня происходит соединение всех мировых центров знания в единую глобальную сеть, которая – если не вмешаются политика и терроризм – способна стать первым вестником эпохи невиданного процветания и обновления». См.: *Фридман Т.* Плоский мир: Краткая история XXI века. – М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – С. 13.

² *Бехманн Г.* Концепции информационного общества и социальная роль информации // *Политическая наука.* – М., 2008. – № 2. – С. 28.

Некоторые неокончательные выводы

Исчерпаны ли возможности концептуализации общества знания как теории социальных трансформаций? Хотя сам термин «общество знания» превратился в порядке затертый штамп, говорить об исчерпанности теоретического потенциала этой идеи преждевременно. Собственно, этого и нельзя сделать до тех пор, пока знание и информация не перестанут быть важнейшими факторами общественных изменений и экономического развития. В этом смысле идея общества знания подобна Агасферу. По всей видимости, нормативный посыл этой идеи сохранит свою привлекательность и в будущем. Но если «вечная жизнь» концепции общества знания почти что гарантирована, то не приведет ли это к снижению интенсивности интеллектуального поиска? Ведь указав направление социальных трансформаций, протагонисты этой концепции пока еще мало сделали для раскрытия механизмов перехода к обществу знания. Кроме того, прежде чем какой-либо реально существующий социум можно будет квалифицировать как общество знания, необходимо прийти к согласию относительно минимального набора эмпирических индикаторов, на основании которых позволительно сделать такой вывод. В конечном счете операциональность является важнейшей характеристикой любой теоретической конструкции.

Провозглашение множественности обществ знания, по всей видимости, является одним из способов смягчения остроты политических дискуссий относительно образцов и моделей перехода к обществу знания. Между тем анализ процессов в конкретных обществах может предоставить весьма интересную, хотя и неоднозначную «информацию к размышлению». Например, в Сингапуре, имеющем сегодня веские основания претендовать на лидерство в развитии экономики знаний, в период длительного правления Ли Куан Ю и его политических наследников одним из важнейших принципов функционирования социальной и политической системы стала меритократия. Причем меритократия по-сингапурски характеризуется сложной комбинацией эгалитарных и элитарных аспектов. В известном смысле эта модель указывает на один из возможных путей в общество знания. Впрочем, в настоящее время

сингапурская меритократическая модель сталкивается с трудностями, становясь жертвой своего собственного успеха¹.

Как было отмечено выше, особую актуальность идеям об обществе знания придало то обстоятельство, что на определенном этапе они оказались в резонансе с новейшими тенденциями развития глобальной финансово-экономической системы. Однако дискуссии о посткапитализме или о когнитивном капитализме скорее прикрывали, а не раскрывали сущность этих тенденций. Постигать ее нам всем приходится эмпирическим путем, проходя через первый в XXI в. мировой экономический кризис. Кризис ставит вопрос о судьбе глобального капитализма, позволяя тем самым проверить многие прогнозы, сделанные, в частности, и теоретиками общества знания. Нынешний кризис уже показывает цену пророчеств о таком замещении труда и капитала знанием, которое позволит снять противоречия капитализма и преодолеть присущую ему циклическую динамику. Он, вероятно, позволит также оценить точность предсказаний сторонников левых взглядов о революционизирующей роли знания, которое плохо приспособлено к тому, чтобы служить товаром и находиться в частной собственности. А. Горц следующим образом выразил эту точку зрения: «Вследствие своих внутренних противоречий и непоследовательности капитализм знаний представляется крайне неустойчивой, уязвимой, чреватой культурными конфликтами и социальным антагонизмом формой общественного устройства. Но как раз эта неустойчивость и дает ему возможность развития в противоположных направлениях. Капитализм знаний – это не капитализм, подверженный кризисам, он сам и есть кризис капитализма, до глубин потрясающий общество»².

Особенно интересно в этом смысле будет наблюдать за поведением постиндустриального неопролетариата, или новой армии обездоленных эпохи когнитивного капитализма³. Во всяком случае, немало когнитивных работников, или самопредпринимателей, сегодня пополняют ряды этого неопролетариата. Они испытывают сегодня на себе удар кризиса, не имея при этом такой социальной защиты, какую имеют индустриальные рабочие.

¹ *Tan K.P.* Meritocracy and elitism in a global city: Ideological shifts in Singapore // *International political science rev.* – L., 2008. – Vol. 29, N 1. – P. 7–27.

² *Горц А.* Знание, стоимость и капитал. – С. 46.

³ См.: *Glutz P.* Die beschleunigte Gesellschaft: Kulturkämpfe im digitalen Kapitalismus. – München: Kindler, 1999.

Впрочем, если знанию все же суждено стать могильщиком капитализма, то, похоже, не в этот раз. Быть может, капитализм спасает то, что об абсолютном доминировании экономики знаний даже в самых передовых странах пока говорить не приходится. Фактически в каждой стране мы имеем дело с амальгамой укладов, в которой когнитивный капитализм (если мы соглашаемся именно в нем видеть высшую стадию капиталистического развития) сочетается и с индустриальным капитализмом, и даже с патриархальным укладом (например в Индии). В любом случае необходим тщательный анализ отраслевой структуры и особенностей рынка труда в соответствующем регионе. Что же до мирового кризиса, то он, конечно, даст ответы на многие вопросы, но одновременно поставит массу новых вопросов.

Так или иначе, но мир знания – это не мир социальной статики и благодущия. Н. Штер, например, подчеркивает: «Современные общества суть образования, которые отличаются, прежде всего, тем, что “сами производят” свои структуры, сами определяют свое будущее, а стало быть, обладают способностью к саморазрушению». Эти общества «не потому хрупки и непрочны, что они – “либеральные демократии”, а потому, что они “общества, основанные на знании”»¹. Штер, таким образом, признает принципиальную непреддрешенность и социальную проблематичность трансформаций, результатом которых становится появление общества, или, точнее, обществ знания. В этом признании можно усматривать концептуальное противоречие², но оно, несомненно, обнажает глубокий драматизм положения человека, социальных групп и обществ в мире знания. С точки зрения перспектив концепции общества знания именно такого рода заявления, звучащие диссонансом в хоре голосов гипероптимистов, позволяют надеяться на то, что дальнейшая эволюция этой идеи еще будет вызывать заинтересованный отклик у философов и социологов.

¹ Штер Н. Мир из знания // Социологический журнал. – М., 2002. – № 2. – С. 33.

² Малинкин А.Н. Социология знания и современное «общество знания» // Социологический журнал. – М., 2002. – № 2. – С. 30.

И.Е. Москалёв

КАЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ¹

Понятие «общества знания», впервые использованное в 1966 г. американским политологом Р. Лэйном², уже в 1969 г. было вписано в более широкий социальный контекст П. Дракером³ и получило дальнейшее развитие в 1990-х годах XX в., в частности, в работах Р. Манселла⁴, Н. Штера⁵, Р. Райха⁶, П. Вайнгарта⁷ и др. Исследователи справедливо отмечают сопряженность теории общества знания с концепциями «обучающихся обществ» и «образования для всех на протяжении всей жизни», возникших также на рубеже 1960–1970-х годов. Кроме того, понятие общества знания до сих пор иногда представляется как синонимичное информационному и сетевому обществу, характерные черты которых сформировались под влиянием современных информационных технологий, проникающих во все

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Концепция “общества знания”: Сущность и философско-методологические перспективы», осуществляемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-03-00307 а).

² *Lane R.* The decline of politics and ideology in a knowledgeable society // *American sociological rev.* – N.Y., 1966. – Vol. 31, N 5. – P. 650.

³ *Drucker P.F.* The age of discontinuity. – N.Y.: Harper & Row, 1969.

⁴ *Mansell R.* Knowledge societies: Information technology for sustainable development. – Oxford: Oxford univ. press, 1998.

⁵ *Stehr N.* Arbeit, Eigentum und Wissen: Zur Theorie von Wissensgesellschaften. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1994.

⁶ *Reich R.* The work of nations: Preparing ourselves for 21st century capitalism. – N.Y.: Vintage books, 1991.

⁷ *Weingart P.* Die Stunde der Wahrheit? Zum Verhältnis der Wissenschaft zu Politik, Wirtschaft und Medien in der Wissensgesellschaft. – Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2001.

сферы жизнедеятельности и трансформирующих при этом традиционные социальные структуры, экономические институты и жизненный уклад в целом.

Является ли общество знания логическим продолжением проекта модерна, или мы говорим о качественных изменениях и принципиально новом способе развития общества, ключевым элементом которого является теоретическое знание? В каком-то смысле идея «общества знания» может показаться очередным теоретико-методологическим концептом современности, отчасти обусловленным постмодернистской потребностью в обновлении самого языка, его смыслопорождающей среды. Тем не менее научная дискуссия, разворачивающаяся вокруг данного понятия, оказалась, на наш взгляд, достаточно плодотворной и стала аттрактором междисциплинарных подходов и новых идей, открывающих новую сферу для философской рефлексии инновационных процессов в обществе.

Одной из ключевых задач, обсуждаемых в контексте данной проблематики, является поиск наиболее точных дефиниций самой категории «общество знания» с целью выделения его специфических характеристик и операциональных индикаторов¹, позволяющих провести четкую грань между этой концепцией и другими, уже существующими теоретическими конструктами. Обсуждаемые в научной литературе образы современного общества зачастую представляют собой некие метафорические макромодели, которые отражают его основные целевые установки и символы веры. Среди наиболее известных концепций, обладающих этим статусом, можно выделить:

- *Общество знания* (П. Дракер, Н. Штер)
- *Общество риска* (Н. Луман, У. Бек)
- *Постиндустриальное общество* (Д. Белл, Э. Тоффлер)
- *Информационное общество* (Д. Белл)
- *Сетевое общество* (М. Кастельс)
- *Общество как система коммуникации* (Н. Луман)
- *Культура постмодерна* (П. Козловски)
- *Век бифуркаций* (Э. Ласло)²

¹ *Ефременко Д.В.* Дилеммы общества знания // Знание, информация, риски в концепциях современного общества / Под. ред. А.Я. Быстрякова, И.Е. Москалёва. – М.: РАГС, 2009. – С. 34.

² *Drucker P.F.* The age of discontinuity. – N.Y.: Harper & Row, 1969; *Stehr N.* Arbeit, Eigentum und Wissen: Zur Theorie von Wissensgesellschaften. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1994; *Luhmann N.* Soziologie des Risikos. – B.: de Gruyter, 1991; *Beck U.* Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne. – Frankfurt a. M.:

Концепция общества знания во многом продолжает основные установки постиндустриальной и информационной парадигмы в теоретических описаниях современного общества¹. Возможно, в этом и состоит одна из трудностей концептуализации данного понятия и выявления его философско-методологической ценности. Однако стоит отметить, что теоретико-методологический анализ информационного общества как теории социальных изменений также сопряжен с определенными трудностями и противоречиями.

Схватывая ситуацию современности, характеризующуюся становлением нового способа развития и функционирования общества, М. Кастельс² использовал понятия, представленные в русском переводе как «информационный» и «сложность», пытаясь уйти от традиционно употребляемых терминов «сложность» и «информация», которые зачастую ассоциируются с установками кибернетических и линейно-механистических парадигм.

По аналогии с попытками социально-философского анализа социальной реальности в контексте информационной парадигмы мы попытаемся выделить характерные черты общества знания как современного этапа общественного развития и качественно нового состояния общества относительно других социальных подсистем в настоящем времени.

Такие характеристики, как рост технологических инноваций, рост экономической ценности информационной деятельности, увеличение занятости в информационной сфере, пространственное распространение информационных сетей, развитие медийной сферы не дают нам удовлетворительного, по мнению Ф. Уэбстера, понимания сути информационного общества. Они, скорее, позволяют оперировать количественными показателями, чем качественными

Suhrkamp, 1986; *Bell D.* The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting. – N.Y.: Basic books, 1973; *Toffler A.* The third wave. – N.Y.: Bantam books, 1980; *Bell D.* The cultural contradictions of capitalism. – N.Y.: Basic books, 1976; *Castells M.* The rise of the network society. – Oxford: Blackwell, 1996. – Vol. 1; *Luhmann N.* Gesellschaftsstruktur und Semantik: Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1980. – Bd. 1; *Козловски П.* Культура постмодерна. – М.: Республика, 1997; *Laszlo E.* The age of bifurcation: Understanding the changing world. – Philadelphia: Gordon & Breach, 1991.

¹ См. статью К.Х. Делокарова в настоящем издании.

² См.: *Кастельс М.* Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

оценками¹. Тем не менее можно утверждать, что за ростом числа занятых в сфере услуг, количеством переданных битов информации и долей информационно-коммуникативных технологий в ВВП скрываются качественные изменения, позволяющие сделать вывод о существенных социальных трансформациях и появлении новых характеристик общества как сложной системы.

Активное оперирование такого рода количественными индикаторами социальных изменений во многом обусловлено количественным подходом к определению самой информации, благодаря которому информация стала мерой вероятности появления того или иного события или мерой неопределенности в сообщении. В соответствии с кибернетическими представлениями о коммуникации как о процессе передачи сигналов от источника к получателю, информационную составляющую приобрело все, «что может быть закодировано для передачи по каналам связи от источника к получателю, вне зависимости от его семантического содержания»².

Однако согласно положениям теории самоорганизации (синергетики) нелинейная динамика сложных систем предполагает спонтанное изменение внутренних характеристик системы и рождение новых структур при критических значениях управляющих параметров, определяющих границы ее области существования. Таким образом, при относительно плавном и неспецифическом воздействии на систему происходят спонтанные специфические трансформации. При этом выход системы на качественно новый устойчивый режим функционирования не определен однозначно ее состоянием в прошлом. В момент предельной неустойчивости происходит формирование различных возможных сценариев, один из которых может быть реализован.

Поскольку общество есть система коммуникативно-смысловая (Н. Луман), ее системообразующими элементами являются, прежде всего, смыслы и ценности, разделяемые социальными акторами и играющие роль параметров порядка для субъектов социального действия. Рефлексия этих смыслов является внутренней операцией системы. Следовательно, она создает новую основу или точку отсчета для наблюдения тех изменений, которые происходят в современном обществе или современных обществах.

¹ См.: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004.

² Уэбстер Ф. Указ. соч. – С. 35.

В своем комплексном анализе постиндустриализма американский социолог и публицист Д. Белл показал важность теоретического знания для общественного развития и тем самым существенно расширил концептуальные рамки теории информационного общества. Д. Белл утверждает, что «осевым принципом постиндустриального общества является громадное социальное значение теоретического знания и его новая роль в качестве направляющей силы социального изменения. Каждое общество функционировало на основе знания, но только во второй половине XX века произошло слияние науки и инженерии, изменившее самую сущность технологии»¹.

Уэбстер, критически анализируя различные теории информационного общества, также отмечает особую значимость теоретического знания и поддерживает позицию ученых, для которых «информационное общество – это общество, в котором доминирующую роль играет теоретическое знание, чем прежде не было. Эти отличающиеся по взглядам исследователи сходятся на том, что информационное общество (хотя предпочтительнее было бы употреблять термин “общество знания” по той вполне очевидной причине, что он говорит о много большем, чем сваленные в одну кучу биты информации) устроено таким образом, что приоритет отдается теории. Хотя приоритет теоретического знания мало рассматривается в теориях информационного общества, имеется достаточно оснований для того, чтобы считать его отличительной чертой современности»².

Информационные технологии, бесспорно, являются существенным аспектом современного общества. Однако общество знания подразумевает не только достижения в сфере науки и техники, но и социальные, культурологические, этические и политические характеристики. Информация является лишь ресурсом, необходимым условием для формирования знания. Кроме того, информационный аспект развития общества нельзя сводить лишь к развитию системы информационных технологий. Рост информации не приводит автоматически к появлению общества знания. Хотя можно согласиться с М. Макклюзеном в том, что сама среда во многом влияет на

¹ См.: Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – Режим доступа: <http://www.nethistory.ru/biblio/1043172230.html>

² Уэбстер Ф. Указ. соч. – С. 38.

содержание сообщения¹, но это влияние обретает смысл в процессе понимания, то есть личностного переживания субъектов коммуникативного процесса. Как подчеркивают авторы Доклада ЮНЕСКО «К обществам знания» (2005), «становление мирового информационного общества, являющегося плодом новых революционных технологий, не должно привести к утрате понимания того, что последние являются лишь средством создания настоящих обществ знания»².

Н. Штер, внесший значительный вклад в развитие идеи «общества знания» как самостоятельной научно-философской концепции, указывает на деятельностный аспект знания. «Научное или техническое знание – это, прежде всего, деятельностная способность»³. Знание – это не просто информация или некоторая информированность, а основной мотив к действиям по реализации и проверке самых невероятных идей и гипотез. В эпоху глобализации запускаются механизмы самоорганизации и спонтанных процессов, которые, с одной стороны, резко расширяют возможности общества, а с другой – делают его все более уязвимым и хрупким. Сегодня знание становится не только достоянием больших институтов, но попадает в руки малых групп и отдельных специалистов, тем самым наращивая их потенциал действия.

По мнению Н. Штера, за знанием, расширяющим общественную способность действия, стоит потенциальная угроза: «Современные общества суть образования, которые отличаются, прежде всего, тем, что “сами производят” свои структуры, сами определяют свое будущее, – а стало быть, обладают способностью к саморазрушению»⁴. В связи с этим Штер развивает представления о «хрупкости» общества знания, в котором риски оказываются неизбежными спутниками новых возможностей общественного развития.

Действительно, потенциал саморазрушения наращивается с каждым шагом, сделанным на пути к вершине абсолютного знания и свободы. Мы не можем до бесконечности наращивать производительность, энергетические ресурсы, число университетов и т.п.

¹ *McLuhan M.* Understanding media: The extensions of man. – N.Y.: McGraw-Hill, 1964. – P. 9.

² К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. – Париж: ЮНЕСКО, 2005. – С. 21.

³ *Штер Н.* Мир из знания // Социологический журнал. – М., 2002. – № 2. – С. 29.

⁴ Там же. – С. 33.

Общество знания – общество нового уровня сложности коммуникативных процессов, что с необходимостью требует повышения сложности управленческих систем, учитывающих неоднозначность и неопределенность будущего, новые риски и возможности. Расширение сферы знания увеличивает площадь соприкосновения с бесконечностью неведомого.

Различие между знанием и информацией анализируют также Э. Штейнмюллер, К. Фореро-Пинеда, Р. Лэм и др. Знание предполагает возможность производить действия (интеллектуальные или физические). Информация – это пассивный запас структурированных и формализованных данных. В связи с этим П.А. Дэвид и Д. Форэ приводят хороший пример того, как это различие проявляется в стоимости процесса воспроизводства знания и информации: если стоимость воспроизводства информации зачастую не превышает стоимость ее носителя, то репродуцирование знания оказывается гораздо более сложным и дорогим процессом¹.

Рыночный подход, в соответствии с которым знание является продуктом, предполагает его рассмотрение через призму различных функциональных подсистем общества, участвующих в индустрии знания и создающих его добавленную стоимость. Эта цепочка от производства до потребления, охватывающая все аспекты общественных институтов, создает эффект тотальности и автопоэтической замкнутости, в которой производитель оказывается потребителем. Причем на современном этапе развития существенно снижаются издержки формирования структур и процессов, участвующих в воспроизводстве знания. Данные структуры и процессы можно систематизировать следующим образом.

- *Структуры и процессы производства знания:* научно-исследовательские институты; университеты; аналитические центры.

- *Структуры и процессы трансляции знания:* образовательные учреждения; обучающие программы и проекты.

- *Структуры и процессы применения знания для его дальнейшего использования в производстве товаров и услуг:* профессиональные сообщества; сфера производства.

¹ Дэвид П.А., Форэ Д. Экономические основы общества знания // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2003. – Т. 1, № 1. – С. 32.

● *Социальные структуры и процессы потребления знания как продукта*: общественные институты; конечные потребители *знаниеёмких* товаров и услуг.

В современном обществе происходит накопление и усиление роли символического капитала. В индустриально развитых странах с конца 1960-х годов текущая ценность запасов нематериальных активов стала превышать ценность материальных. Конкурентоспособность и экономическая эффективность определяются в большей степени нематериальными активами (технологиями, человеческим капиталом, брендами), чем материальными (материальные запасы, оборудование, природные ресурсы и т.п.). Важной характеристикой является также скорость происходящих изменений (производство, накопление знания, а также его обесценивание)¹.

В связи с этим для нашего анализа представляет интерес и такое сопряженное с концепцией общества знания понятие, как «экономика, основанная на знаниях», которое было впервые использовано П. Дракером в 1966 г.²

Очевидным преимуществом современного предприятия и отдельного сотрудника является умение создавать новое знание или воплощать его в практической деятельности. Повышается ценность самой способности к обучению. Расширяется практика овладения новыми знаниями, связанная с обучением и переобучением работников. Огромные возможности для саморазвития предоставляют современные информационные технологии. И этот процесс целенаправленно поддерживается и привлекает новые инвестиции.

Гибкость в подходах к профессионализации, обучению и переобучению сделала возможным вовлечение как специалистов, так и непрофессионалов в производство научного знания и решение широкого круга актуальных для современного общества задач. Экономисты П.А. Дэвид и Д. Форэ считают, что трансформация экономики знания в общество знания обусловлена быстрым ростом «знаниеобусловленных сообществ», которые связаны с различными научно-исследовательскими и профессиональными проектами.

В рамках данных сообществ происходит активный процесс производства, обмена и практического применения знаний. П.А. Дэвид и Д. Форэ считают возможным становление общества знания при условии распространения такого рода сообществ и их

¹ Дэвид П.А., Форэ Д. Указ. соч.

² Drucker P.F. The effective executive. – N.Y.: HarperCollins, 1966. – P. 2ff.

проникновения во все сферы деятельности¹. Позитивную динамику этого процесса мы можем наблюдать в настоящее время. Общество знания в данном контексте является сильным фактором формирования социального капитала, характеризующегося включенностью социальных субъектов в различные социальные сети (сетевые сообщества) и высоким уровнем доверия к сформировавшимся в этой среде нормам и правилам.

Характеристика современного общества как обучающегося общества получила развитие в работах П. Сенге. Начиная с работ Р. Хатчинса (1968)² и Т. Хусена (1974)³ выражение «обучающееся общество» (*learning society*) применяется к новому типу общества, в котором приобретение знаний не ограничивается ни стенами образовательных учреждений, ни завершением начального образования. В постоянно усложняющемся мире, где почти каждый индивид сталкивается с необходимостью решения самых разных задач, становится необходимым продолжать обучение в течение всей жизни. Почти одновременно с введением в научный оборот понятия обучающегося общества П. Дракер отметил появление общества знания, императив которого состоит в том, чтобы «научиться учиться». Близкая к этому подходу новая образовательная концепция была также сформулирована в Докладе «Учиться быть: Мир образования сегодня и завтра», подготовленном в 1972 г. Международной комиссией ЮНЕСКО по образованию под председательством Э. Фора⁴. В этом докладе отмечается, что образование более не является ни привилегией какой-либо элиты, ни фактом принадлежности к какой-либо возрастной категории: оно скорее всего относится ко всему сообществу в целом и к продолжительности существования индивидуума.

Концепция обучающегося общества является результатом более широкого, глобального видения идей П. Сенге и Г. Бейтсона. В данном случае обучение рассматривается как процесс коллективной рефлексии второго порядка, позволяющий наблюдать и управлять коллективными ментальными моделями – основными

¹ *Drucker P.F.* The effective executive. – N.Y.: HarperCollins, 1966. – P. 2ff.

² *Hutchins R.M.* The learning society. – Santa Barbara (CA): Praeger, 1968.

³ *Husen T.* The learning society. – L.: Methuen, 1974.

⁴ Learning to be: The world of education today and tomorrow / Faure E., Herrera F., Kaddoura A.-R., Lopes H., Petrovsky A.V., Rahnama M., Champion Ward F. – P.: UNESCO, 1972. – Mode of access: <http://unesdoc.unesco.org/images/0000/000018/001801e.Pdf>

детерминантами или парадигмами развития общества. Идея обучения обучению в обществе знания приобретает глобальный характер и становится одним из основных его принципов. Общество знания – это установка на устойчивое саморазвитие социума через овладение технологиями самонаблюдения, самоуправления, коммуникации.

Значение знания как основной цели и средства развития современного общества нашло отражение еще в известном тезисе Ф. Бэкона «Знание – сила», ставшем девизом новой эпохи. Необходимо, однако, отметить существенные парадигмальные отличия в трактовках знания мыслителями эпохи Просвещения, давшей мощный импульс развитию науки и техники на основе понимания знания как условия долгосрочного социально-экономического прогресса, и современного постмодернистского отношения к знанию как к коммуникативному элементу с его неотчуждаемыми субъективно-личностными аспектами.

Согласно современным философско-методологическим установкам, знание не является абстрактным конструктом, независимым от субъекта, участвующего в процессе его производства. Знание всегда лично-субъективно, а значит, общество знания включает в себя в качестве системообразующего элемента самого субъекта-наблюдателя. В этом существенном для понимания современного общества моменте состоит «антропный поворот» постнеклассической парадигмы. Суть его в том, что не только интеллектуальный инструментарий в виде научных теорий и гипотез становится коммуникативным посредником между человеком и миром, но и сам человек как носитель ценностей и универсалий культуры рекурсивно замыкает на себе все взаимодействия между человеком и миром, а также межличностные взаимодействия, создавая интересубъективную социально-коммуникативную реальность.

Личностное, или имплицитное, знание (М. Полани)¹ – это знание не только субъективное, но и интересубъективное, поскольку каждый его носитель является продуктом и результатом сложных коммуникативных взаимодействий. Такие взаимодействия происходят, например, в процессе подготовки специалиста в университете и в его дальнейшей практической работе по избранной специальности. Знание не существует само по себе вне контекста

¹ *Polanyi M. Personal knowledge: Towards a post-critical philosophy.* – Chicago: Univ. of Chicago press, 1958.

инструментов его воспроизводства и трансляции, которыми обладают профессиональные сообщества, это знание порождающие. Знание рождается в социальных сетях, и структура социально-коммуникативных процессов этих сетей специфицирует структуру самого знания, которое лишь до известных пределов может быть тем отчуждаемым продуктом, которому придается статус атрибута самого современного общества. Знание не может быть эффективно само по себе, оно обретает ценность в контексте определенной ситуации. При этом знание предполагает определенный уровень доверия внутри причастной к его появлению социальной группы, поскольку то, что приобретает статус знания, является продуктом многочисленных интеракций, институционализированных социумом.

Общество знания отражает потребность в новом уровне эффективности междисциплинарных коммуникаций, поскольку именно междисциплинарные сети порождают современные технологии, определяющие образ его будущего. Трансформации, происходящие в различных подсистемах общества, связаны со структурной реорганизацией в производственных отношениях, отношениях власти и отношениях в сфере обыденного сознания. В этом культурно-историческом контексте пересматриваются основные мировоззренческие установки, создается новый образ будущего. Открывающаяся сегодня возможность инновационного изменения социальной реальности может представлять как потенциальную угрозу, так и шанс позитивных изменений. Знание начинает выполнять для современного общества конституирующую роль, определяя приоритеты развития, его цели и ценности. При этом, однако, нет оснований утверждать, что происходит становление общества, которое по своим основным параметрам заведомо более совершенно, чем социальные парадигмы прошлых эпох. Скорее речь идет лишь о новом спектре возможностей и угроз и о некотором шансе для субъектов социального действия, приобретающих в обществе знания новый статус.

При всей своей еще недостаточной теоретико-методологической проработанности и даже некоторой противоречивости концепция общества знания выводит нас на новый уровень рефлексии и понимания основных системообразующих процессов в социуме. В ее развитии видится перспектива управления самим знанием, задающая новые целевые ориентиры для будущей истории, формирующая новые линии развития и возможности.

В.Г. Горохов

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

К настоящему времени в философии науки и техники достаточно подробно исследованы общие проблемы соотношения науки и техники, а также науки, техники и общества, в том числе изменения их соотношения в истории культуры и современные тенденции в изменении роли науки и ее институциональных форм. В последнее время проводятся также интенсивные исследования перехода информационного и постиндустриального общества, анализ которого был характерен для работ 1960–1970-х годов, к так называемому обществу знания, прежде всего в аспекте социологии и экономики знаний, которые начинают играть все большую роль наряду с материальными ценностями¹. Речь идет об информационно-технологической революции на основе развития новых компьютерных и коммуникационных технологий, которые в свою очередь принесли серьезные изменения как в современную культуру, так и в саму научно-техническую сферу.

Доминирующую роль в этих исследованиях играют экономические и иные социальные аспекты информационного общества,

¹ Б.Г. Юдин совершенно справедливо отмечает: «Термин “общество знаний” представляется более общим, чем часто используемый термин “экономика знаний”. Но дело не просто в степени общности. Намного важнее, что экономика знаний может существовать и развиваться лишь в обществе знаний, то есть в обществе, в котором получение и применение знаний, прежде всего научных, определяется не только соображениями экономической эффективности, но и тем, что они в самых разнообразных формах входят в повседневную жизнь рядовых людей». См.: Юдин Б.Г. Знание как социальный ресурс // Вестник РАН. – М., 2006. – Т. 46, № 7. – С. 587.

поскольку использование новых знаний для разработки технических инноваций становится решающим фактором международной конкуренции, а само научно-техническое и экономическое развитие общества оказывается все более зависимым от производства новых знаний. Однако при этом возникает целый ряд социально-философских и методологических проблем, связанных с новой социальной ролью знаний, которые больше не являются прерогативой лишь научного производства, а их использование рассматривается как усиление способности общества к практическому действию. Причем выявляется, что использование знаний может иметь не только возможные положительные, но и отрицательные последствия, что увеличивает степень возникающего при их применении риска. Во всех этих исследованиях слабым местом является то, что недостаточно учитывается влияние таких процессов на само научно-техническое развитие, а в качестве предпосылки молчаливо принимается дальнейшее стабильное функционирование науки и техники. Такой подход не учитывает произошедших изменений в самой сфере производства знания. Поэтому в последнее время ряд авторов акцентируют необходимость исследования этих изменений, главным образом, с точки зрения социологии науки. При этом особо подчеркивается появление нового модуса производства знаний наряду с классическим.

Такого рода исследования исходят, однако, из внешних по отношению к научно-техническому развитию предпосылок, из признания приоритетности социальных ожиданий по отношению к науке, которая рассматривается в качестве источника полезных для общества результатов. От науки ждут открытия без особого риска новых экономических возможностей и предоставления обществу не только общих знаний о природе вещей, но и знаний, помогающих решению конкретных социальных, экономических, экологических и иных проблем. При этом предполагается, что наука должна ориентировать производство знаний именно в направлении хозяйственного использования. Такое упрощенное и одностороннее представление не учитывает внутренних тенденций развития науки и техники. В то же время философские рассуждения об этом развитии, имеющие место в современной литературе, являются слишком абстрактными, хотя и подчеркивают, что формируется новый этап «постнормальной» или «постнеклассической» науки и традиционное разграничение контекстов открытия и подтверждения является уже недостаточным. Эмпирические же науковедче-

ские работы, напротив, концентрируют свое внимание лишь на частных проблемах исследовательской практики ограниченного научного сообщества.

Сегодня много пишут и дискутируют о переходе от информационного общества к обществу знания, необходимости каталогизации имеющихся знаний, осуществления интерфейса между наукой и общественностью («трансдисциплинарность» в отличие от междисциплинарности), а главное – о выявлении лакун незнания, чтобы определить социальный заказ науке и технике. Исследованием этих процессов в современном обществе, как на уровне управления знаниями в рамках отдельного предприятия, так и в национальном и глобальном масштабе, занимается социология и экономика знаний, а философия науки и техники обязана рефлексировать как новые социальные феномены, так и вызванные ими методологические проблемы. Этой рефлексии и посвящена данная статья.

Если в информационном обществе возникла надежда с помощью всех благ компьютерной революции стать более информированным, чем раньше, узнавать быстрее и полнее все, что происходит в мире, в культуре, в науке и технике, то сегодня эта надежда рухнула под напором избыточной и часто фальсифицированной информации. И, действительно, все, а не только отдельные философы, поняли, что знают определенно только то, что на самом деле ничего не знают. Мы не знаем, какие природные катаклизмы и техногенные катастрофы могут ожидать человечество в будущем и как с ними бороться, какие принимать лекарства, а какие нет, какие продукты питания и упражнения действительно вредны или полезны для нашего организма, что принесет с собой внедрение тех или иных конкретных наукоемких технологий в смысле их негативных и даже позитивных последствий, куда лучше вложить свои, пускай даже скудные средства, чтобы, например, избежать дефолта или уменьшить воздействие инфляции и т.д. и т.п. Средства массовой информации подогревают в нас чувство неустойчивости настоящего, неуверенности в будущем и постоянного тревожного ожидания возможной катастрофы. Мы переживаем «здесь и сейчас» события, почти в тот же самый момент происходящие на другом конце мира или даже на других планетах. Мы вольно или невольно становимся их участниками благодаря телевидению и включенному в мировую паутину компьютеру, а предсказываемое наукой или псевдонаукой будущее становится для нас настоящим, независимо от того, по какому сценарию пойдет действительное общественное развитие.

Но самое главное, что не только мы, но и те, кто управляет нами и обществом в целом, в частности научно-технической политикой, также не имеют ясного представления о том, что нужно делать и что нужно знать, чтобы делать. Главная проблема современной бюрократии во всем мире (и в особенности в России) – проблема, куда и как вложить имеющиеся ограниченные средства, чтобы обеспечить более или менее стабильное развитие общества, для чего нужно иметь какое-то представление о будущем как основе для принятия решений. Это относится также и к сфере научно-технической политики.

Бюрократы, стремящиеся управлять наукой, естественно, хотят иметь ясное представление о том, что, как и с какими результатами делают ученые и инженеры, когда и какую конкретно прибыль ожидать от научных исследований и технических разработок. Они мечтают иметь объективные показатели для измерения продуктивности и креативности как отдельных ученых, так и научных коллективов, чтобы знать, на кого делать ставки и кому и сколько платить зарплату. Надежды получить такие якобы объективные критерии научности и оценки предполагаемых результатов и последствий научно-технического развития раньше возлагались на социологию науки и техники и науковедение, а в последнее время – на социологию и экономику знаний¹.

Действительно, было бы очень удобно с помощью анкетирования ученых, рассмотрения их формальных научных отчетов об участиях в конференциях и публикациях, а также на основе анализа сетей цитирования определять, какие ученые, лаборатории и институты заслуживают поддержки и поощрения, а какие, возможно, следовало бы закрыть из-за их нерентабельности. Но на этом пути нас подстерегают самые различные подводные камни и трудности. Проблемы измерения продуктивности ученых и основанной на этих измерениях и расчетах научно-технической политики активно

¹ См.: Наука – техника – управление: Интеграция науки, техники и технологии, организации и управления в Соединенных Штатах Америки / Под ред. Ф. Каста, Д. Розенцвейга. – М.: Советское радио, 1966; *Пельц Д., Эндриус Ф.* Ученые в организациях: Об оптимальных условиях для исследований и разработок. – М.: Прогресс, 1973; *Коммуникации в современной науке.* – М.: Прогресс, 1976; *Уирт Дж., Либерман А., Левьен Р.* Управление исследованиями и разработками. – М.: Прогресс, 1978; *Научная деятельность: Структура и институты:* Сб. перев. / Под. ред. Э.М. Мирского, В.Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1980.

обсуждают как у нас, так и за рубежом¹. На Западе в последнее время провозглашается необходимость перехода от научно-технической и хозяйственной (социально-экономической) политики общества и государства, а также отдельных социальных институтов (предприятий), к политике в области знаний (Wissenspolitik / knowledge policy)².

Роль науки в современном обществе знания

Современные дискуссии об общественной роли науки несут на себе печать различных, часто противоречивых ожиданий практических результатов от науки. Наука обязана не только поставлять обществу надежное знание, но и одновременно помочь решению социальных проблем с помощью производства новых знаний. Все более тесное встраивание науки в социальный контекст и требование ее практической релевантности являются выражением изменения общественной функции науки и одновременно исходным пунктом научной рефлексии ее отношений с обществом. Дебаты о становлении общества знания, которое должно прийти на смену постиндустриальному обществу, и дискуссия о новых формах научного производства, которые должны ознаменовать переход от академически выстроенной науки (модус 1) к более социально интегрированной науке (модус 2), уже сами по себе выражают изменения, происходящие в науке сегодня. Эти изменения проявляются в становлении новой организации исследований в новом способе применения знаний и, прежде всего, в новой форме интеграции науки в общественные структуры.³

Социально релевантное знание создается сегодня во многих сферах общественной жизни, которые необязательно находятся в непосредственной связи с наукой. Примеры этому можно найти в

¹ См.: *Свердлов Е.Д.* Миражи цитируемости: Библиометрическая оценка значимости научных публикаций отдельных исследователей // Вестник РАН. – М., 2006. – Т. 46, № 12. – С. 1073–75. В этой статье дается хороший обзор, в основном англоязычной, литературы по проблемам оценки результатов научной деятельности. Мы дополним этот обзор литературой на немецком языке, менее известной российскому читателю (см. Приложение 1).

² *Bechmann G., Stehr N.* Wissenspolitik – ein neues Forschungs- und Handlungsfeld? // Technikfolgenabschätzung – Theorie & Praxis. – Karlsruhe, 2004. – Jg. 13, H. 3. – S. 5–14.

³ *Weingart P.* Die Stunde der Wahrheit? Zum Verhältnis der Wissenschaft zu Politik, Wirtschaft und Medien in der Wissenschaft. – Weilerwist: Velbrück Wissenschaft, 2005. – S. 24.

промышленных лабораториях и ориентированных на приложения институтах, а также в негосударственных исследовательских организациях. Система дисциплинарно организованной науки потеряла монополию на производство знаний, а главными производителями научного знания не являются больше одни лишь ученые, поскольку и так называемые пользователи, дилетанты или заказчики тем или иным образом включаются в процесс производства научных знаний. При этом контекст применения становится конституирующим по отношению к процессу производства. Таким образом, система науки более не в состоянии контролировать с помощью своих внутренних стандартов и критериев качество получаемого знания и способы его применения, а также механизмы их экспертной оценки. Решающим становится не столько «объективность знания», но и практическая польза его для тех, кто использует научные результаты в самых различных сферах применения. Такого рода изменения распространяются не только на участие так называемой дилетантской публики в решениях по поводу бюджета научных исследований или в определении исследовательских приоритетов и направлений исследования, но затрагивают даже эпистемологическое ядро науки.

В конце XIX – начале XX в. происходит качественное изменение в развитии науки, которая начинает осознаваться как производительная сила общества и действительно оказывать огромное влияние на практически все стороны его жизни. Формируется так называемая «большая наука», которая характеризуется увеличением финансовых затрат на исследования, количества научных работников, результативности науки и соответственно доли прикладных исследований в ней, необходимостью управления, планирования, организации и прогнозирования развития науки. Происходит формирование новой социальной организации науки, а именно дисциплинарно организованной науки, что в более полной мере соответствует ее новой роли в обществе. Наука в XX столетии приобрела решающее значение в жизни человеческого общества. Ее развитостью определяется сегодня в значительной степени место той или иной страны в мировой цивилизации. Количество научных организаций и работающих в них ученых, объемы финансирования являются сегодня не только общегосударственным делом тех или иных стран, но и заботой всего мирового сообщества. На науку возлагаются надежды простых людей и правительств в разрешении многих насущных для человечества проблем, таких как обеспечение энергией, разви-

тие новых транспортных средств и коммуникаций, излечение до сих пор неизлечимых болезней и т.д. Популярность науки ведет к «сциентификации» различных сфер современного общества, в том числе политики. Становится все труднее отделить науку от псевдонауки, по крайней мере, обывателю. Это может привести к стиранию институциональных границ науки.

Вопрос о том, что такое наука, задают себе и сами ученые, которые пытаются понять сущность своей собственной деятельности, ее границы и возможности, а также опасности для человечества, таящиеся зачастую в ее неконтролируемом развитии и применении. Пытаясь ответить на эти вопросы, ученые должны выйти за пределы их узкопрофессиональных интересов в сферу философской рефлексии, которая неотделима сегодня от развития науки. Но и развитие науки также невозможно без философской рефлексии.

Итак, наука – это сложная система, поскольку она имеет иерархическую организацию, охватывает большие коллективы людей, распадается на множество составляющих наук и т.п. Это, однако, еще не раскрывает специфики науки. Наука обычно отождествляется с системой научных знаний, но одновременно представляет собой особую организационную, социальную систему, ориентированную на получение новых научных результатов. В этом смысле можно говорить о различной организации фундаментальных и прикладных исследований, в пределах которых действуют разные ценностные ориентиры, формы протекания научной деятельности и способы взаимоотношения ученых. Необходимо при этом различать управляемые параметры, подлежащие изменению и контролю, такие, как численность научных работников, финансирование и т.п., и неуправляемые параметры, которые регистрируются только статистически в большом массиве, например продуктивность отдельного ученого. При этом, как подчеркивает немецкий философ и социолог науки П. Вайнгарт, выбранные индикаторы качества научных исследований, во-первых, не являются общепринятыми, во-вторых, имеют различные характеристики в разных направлениях науки, в-третьих, могут оказывать сильное обратное влияние на развитие науки, зачастую негативное. Американское правительство, например, несмотря на свое постоянное стремление рационализировать принятие решений по финансированию науки, не применяет их. Статьи из области фундаментальных биомедицинских исследований цитируются в шесть раз чаще, чем в сфере математи-

ки¹. Кроме того, проведение дисциплинарных границ часто бывает достаточно условным, а междисциплинарные области вообще могут выпасть из такого рода измерительной процедуры. Различное или ошибочное написание имени отдельных ученых или названия научных организаций (особенно при переводе на иностранные языки) часто ведет к ошибкам в вычислениях. Научное сообщество довольно быстро приспосабливается к применяемым вышестоящими органами критериям. Ученые будут дробить тексты, если сегодня в почете не число изданных монографий, а количество статей. Если же гонорар за учебную литературу больше, чем за научные книги, они будут публиковать главным образом учебники. Надо также учитывать, что отдельные персоны или организации в принципе могут манипулировать библиометрическими индикаторами или намеренно управлять ожидаемыми от такого рода измерений эффектами. «Это в конечном счете может означать, что академическая культура производства знаний, которая покоится на традициях уникальной комбинации конкуренции, взаимного доверия и коллегиальной критики, будет безвозвратно утрачена. А будет ли то, что появится вместо этого, более легким и не таким дорогим для использования, остается еще открытым вопросом»². Результаты такого рода научно-технической политики, основанной на «объективных» измерениях, могут привести к самым неожиданным и прямо противоположным ожидаемым результатам, как, например, это произошло с австралийской наукой, финансирование которой было поставлено в зависимость от количественных показателей, что привело к резкому сокращению качества проводимых в Австралии научных исследований. «Именно потому, что библиометрические показатели стали таким мощным инструментом в контексте научной политики, их потенциально неверная и ведущая к деструктивным последствиям оценка, – заключает П. Вайнгарт, – должна обязательно приниматься во внимание и основываться на кодексе

¹ Следует иметь в виду, что библиометрические исследования традиционно имеют объектом своего анализа, как правило, естественные науки (прежде всего физику и биологию) и математику, а в последнее время такие современные области научно-технического знания, как, например, биотехнология или нанотехнология. Социально-гуманитарные науки с их спецификой вообще выпадают из сферы такого рода исследований.

² Weingart P. Die Wissenschaft und der Öffentlichkeit: Essays zum Verhältnis von Wissenschaft, Medien und Öffentlichkeit. – Weilerwist: Velbrück Wissenschaft, 2005. – S. 109.

профессиональной этики при их использовании»¹. Таким образом, экспертные оценки, на которых основываются принятия решений о финансировании тех или иных направлений научных исследований, могут зависеть от личных интересов экспертов и представляемого ими научного или ненаучного лобби. А критерии, способы и методики определения приоритетов в этом вопросе способны привести к непредвиденной деформации научного ландшафта и исследовательского сообщества. Чрезмерная зависимость научно-технической политики от общественных ожиданий может нанести серьезный ущерб науке как социальному институту, привести к инструментализации научного исследования и технического действия, поставить их на службу узкокорпоративным интересам отдельных социальных групп. Можно представить себе следующую гипотетическую ситуацию.

«Проект века» (Отступление 1)

Великий ученый совет Временно Объединенного Разъединенного Агломерата выдал, наконец, научно обоснованный прогноз весьма вероятного развития на десятилетний период. Прогноз произвел на членов Высшего координационного совета и лично на Президента ошеломляющее действие. Всем стало очевидно, что если не предпринять чрезвычайных мер, не инвестировать в научные исследования огромные средства уже сегодня, то завтра наступит катастрофический дефицит всех природных ресурсов. Рационализация газа и электричества, тепла в морозные зимние ночи и спасительного охлаждения в жаркие летние дни было и так уже давно обычным, но теперь на очередь встали жизненно необходимые всем живым существам вода и воздух. Их подача в квартиры индивидуальных потребителей, распределение и управление ими неизбежно станет в недалеком будущем централизованным, а сами они – наиболее дорогим рыночным продуктом. Великий ученый совет указал возможный выход: использование огромного запаса льда вблизи Северного полюса, находящегося на территории Агломерата. Этот запас может стать стратегическим, если ученые решат ряд научно-технических проблем, стоящих пока на пути

¹ Weingart P. Die Wissenschaft und der Öffentlichkeit: Essays zum Verhältnis von Wissenschaft, Medien und Öffentlichkeit. – Weilerwist: Velbrück Wissenschaft, 2005. – S. 117.

промышленного получения воды и воздуха, пригодных для использования, изо льда. Как рассчитали эксперты, инвестиции в научно-техническое развитие на ближайшее десятилетие составят огромную сумму, но затем принесут небывалую прибыль. Президент был вынужден принять единственно правильное в сложившейся ситуации решение – выделить Великому ученому совету требуемую для исследований сумму и снарядить экспедицию на Северный полюс во главе со Всемирно известным ученым. Одновременно, несмотря на финансовые трудности, были выделены средства на строительство замкнутого бункера-города со всеми возможностями рационированного жизнеобеспечения. Мудрость принятого решения особенно веселила душу тем, что только в районе Северного полюса в силу магнитных особенностей нашей планеты можно было вообще осуществить намеченный план. В регионе Южного полюса, доступного всему мировому сообществу, это было невозможно без риска потери ожидаемых неслыханных прибылей. Помощник Главного научного руководителя снаряжаемой экспедиции беседовал с Начальником спецотряда охраны, которая должна была сопровождать эту тайную операцию. Начальник спецотряда знал цену людям и умел их использовать в соответствии с этой ценой. Он сказал доверительно помощнику, что надо бы посоветовать Главному научному руководителю подписать у Президента указ о выделении для экспедиции всех средств, предназначенных на десятилетний период сразу, и большую их долю пустить на закупку необходимого оборудования, под которым негласно понималось и секретное оружие для его спецотряда. Президент принял эту идею с одобрением, вставив расходы на новейшее оборудование для строительства нового президентского бункера. Собственно это строительство уже давно продолжалось день и ночь, но до сих пор не было придумано легальной статьи и причины для таких огромных расходов, чтобы успокоить общественность. Огромные серые блоки по ночам складывались в растущую день за днем пирамиду, которая будет скоро видна всем жителям страны. Теперь эта причина была найдена. Оба остались довольны принятым решением. Но более всех остался им доволен Начальник охраны. Он не удержался и сказал помощнику выдавшую его тайные намерения фразу: «Это была крупная ошибка Главного ученого болвана». Помощнику вдруг со всей очевидностью сделалось ясно, что имел в виду Начальник охраны. Он и раньше замечал странные передвижения по городу военных гарнизона охраны, но не придавал этому

значения. Чувство опасности заставляло незамедлительно начать действовать.

Прежде всего, Помощник со своими верными друзьями решил направиться на правительственную военную базу недалеко от города. По пути он наблюдал, как спецотряд охраны экспедиции проводил учения в торговом центре на окраине города по пути следования Президента в загородную резиденцию, которые больше походили на военные действия. Мимо медленно проезжала машина Главы научной экспедиции, который велел шоферу притормозить лимузин и окликнул Помощника. Сев в машину, тот приказал срочно следовать на военную базу, где от имени Главы экспедиции потребовал выдать оружие с амуницией. Борьба с хорошо подготовленным и оснащенным спецотрядом могла, однако, быть вполне проиграна. Но служба безопасности Президента оказалась проворнее и разоружила путчистов. На внеочередном заседании Высшего координационного совета, состоявшемся вскоре после этих событий, противники Главы экспедиции обнародовали альтернативные данные, согласно которым происходящая каждые пятьсот тысяч лет и давно ожидавшаяся учеными смена магнитных полюсов планеты произошла два дня назад и полностью обесценила запланированный проект.

Итак, конечная цель производства знаний заключается в том, чтобы сделать их полезными обществу и доступными его членам, а не только узкому кругу носителей власти. «В сфере экономического порядка знания проводится различие между познанием и собственностью (на знания), чтобы наполнить рынок или плановое хозяйство идеями, которые представляют собой товар, как и любой другой товар, но только информационный. Побудителем этому является коммерциализация “знаниевого товара” с определенными и приспособленными к его экономическому использованию правами собственности»¹. Этот вопрос в России в настоящее время вообще не прояснен. Старая система государственного владения «знаниевым товаром» перестала функционировать, а новая еще не создана.

¹ Spinner H.F. Die Wissensordnung: Ein Leitkonzept für die dritte Grundordnung des Informationszeitalters. – Opladen: Leske + Budrich, 1994. – S. 128.

«Знаниевый товар» и свободный доступ к знаниям

В тоталитарном обществе информация (или знания) распределяется сверху вниз и строго дозировано. В демократической системе рыночного хозяйства знания рассматриваются как товар. Поэтому большое значение приобретает организация рекламы, сбыта инноваций, анализ рынка и т.п. Недостаточно только продуцировать новые знания и применять их лишь в технике, становится необходимым коммерциализировать распространение изобретений, открытий, инноваций, сделать их доступными населению. Именно в этом – конечная цель производства знаний в условиях демократического порядка знания. Тоталитарно-технократическое общество действует в условиях бесконтрольности и безнаказанности: любая критика государственно поддерживаемых технических и хозяйственных проектов со стороны общественности и прессы рассматривается как нарушение государственной тайны и выступление против общегосударственных интересов. «Технократия предполагает ... административно-авторитарно сформированную и понимаемую структуру политической системы, в которой почти мистически, “принудительно” приравниваются управление и узаконение. ... Тоталитарное технократическое государство воспринимает ценность права только функционально, в плане оптимизационных социально-экономических моделей»¹. Любое централизованное авторитарное государство исходит из того, что большинство граждан неспособно само нести ответственность за свои мысли и действия. Поэтому из числа привилегированного меньшинства создается слой менеджеров, призванных принимать решения за остальное общество, в том числе и в выборе направлений научно-технического развития. Однако создание атмосферы секретности или псевдосекретности, имеющее следствием ограничение доступа к информации, делает невозможными повсеместную компьютеризацию общества и организацию эффективного оперирования информацией.

Что такое информационный век? Что принесет нам информационное общество, в чем его плюсы и минусы? Ведет ли этот путь к демократизации общества или к появлению новых форм тоталитарного господства? Эти и другие им подобные вопросы находятся в центре дискуссии об информационном обществе. «Нам пророчат

¹ Bekkermann J. Technokratie und verfassungsrechtliche Prinzipien. – В.: Colloquim, 1986. – S. 198, 211.

информационное и компьютерное общество, которое в результате микроэлектронной революции принуждается к драматическим социальным изменениям и даже к преобразованию ценностей»¹.

Порядок знания в современном демократическом обществе означает реально существующий плюрализм мнений на основе политических свобод, которые должны быть закреплены в правовом виде, свободный доступ к информации и действительную независимость и свободу средств массовой информации, часто называемых «четвертой властью» и выражающих общественное мнение, «демократически нормированную организацию человеческого общежития. Демократия понимается не только как голосование большинства, но, прежде всего, как теория разрешения общественных конфликтов с помощью нахождения решения, контролируемого общественностью»². К. Поппер следующим образом характеризует плюрализм: «Я знаю многих людей, которые рассматривают в качестве слабости Запада то, что мы на Западе не имеем несущей, единой идеи, не имеем единой веры, которую мы могли бы с гордостью противопоставить коммунистической религии Востока. ...Но я считаю это фундаментальным заблуждением. Нашей гордостью является то, что у нас нет *одной* идеи, а существует *множество* идей, хороших и плохих; что у нас нет *одной* веры, *одной* религии, а много разных хороших и плохих. То, что мы можем это себе позволить – признак выдающейся силы Запада. Объединение Запада *одной* идеей, *одной* верой, *одной* религией было бы концом Запада, нашей капитуляцией, нашим безусловным подчинением тоталитарной идее»³.

Демократический порядок знания должен быть законодательно защищен. Например, патентное право призвано защитить собственность изобретателей на их изобретения. В демократическом обществе изобретатель является собственником своего изобретения, а в тоталитарном – таким собственником будет государство. В качестве другого примера можно назвать закон о защите информации. «К государственным правовым принципам принадлежит также защита данных, которая с некоторых пор находится в центре

¹ Lenk H. Geschäftliche Probleme und Chancen der neuen Informationstechniken. // Deutsche Ztschr. für Philosophie. – B., 1992. – H. 3. – S. 273.

² Bekkermann J. Op. cit. – S. 193.

³ Popper K. Woran glaubt der Westen? // Popper K. Auf der Suche nach einer besseren Welt: Vorträge und Aufsätze aus dreißig Jahren. – München; Zürich: Piper, 1984. – S. 238.

многих дискуссий. На основе прогрессирующего развития компьютерной техники информация о гражданах может собираться и запоминаться. Уполномоченные по защите информации на федеральном и земельном уровнях следят за соблюдением установленных законом правил. В конституционном суде в связи с обсуждением переписи населения говорилось даже о праве на «информационное самоопределение». Между интересами государства и интересами граждан по защите своей частной жизни существуют противоречия. Это требует соответствующего взвешивания данных интересов»¹.

Именно свободный доступ к информации приводит к разрушению тоталитарной системы и технократического доминирования, поскольку в их основе лежит исключительное право правящей элиты на владение недоступной другим информацией, которая проходит по так называемым закрытым каналам. По открытым же каналам циркулирует или неполная, или заведомо фальсифицированная информация. Такая ситуация приводит в конечном счете к утрате даже высшими эшелонами власти представления о реальном положении дел в обществе. Свободное движение информации в обществе и ее постоянная критическая оценка самим обществом являются необходимыми предпосылками появления нового информационного общества в результате компьютерной революции. Таким образом, свободный доступ к информации и участие населения в обсуждении крупных технических проектов, с одной стороны, создает условия для преодоления господства технократии и экспертократии. Но с другой стороны, появляются новые возможности возрождения технократического мышления в электронном обществе: манипулирование общественным мнением через электронные СМИ и Интернет, тенденциозное представление и искажение информации, спекуляция на «чувствах» среднестатистического гражданина и на доверии к науке, подтасовка «фактов» и создание иллюзии их «научного» обоснования и т.п. Поэтому в информационном обществе формируется необходимость и возможность борьбы с этими технократическими тенденциями с помощью тех же мультимедийных средств, просвещения населения и гуманитарного образования, организации институтов относительно независимой оценки науки и техники и проведения системной оценки научных и технических разработок и хозяйственных проектов, а

¹ Jesse E. Die Demokratie der Bundesrepublik Deutschland. – B.: Colloquim, 1986. – S. 41.

также осуществления междисциплинарного прогнозирования их развития.

Важной особенностью информационного общества является производство и использование информации с помощью интеллектуальных технологий, базирующихся на компьютерной обработке информации, что приводит к росту значения в этом обществе теоретического знания и науки. Однако следует учитывать, что информатизированное индустриальное общество детерминировано рыночной экономикой. Поэтому акцент должен быть сделан, как подчеркивает Г. Бехманн¹, не только на росте значения теоретического знания в социальном познании, но и на социально обусловленных процессах его распределения и воспроизведения. Причем это должно относиться не только к научно созданному, но и к общепризнанному (обыденному) знанию, поскольку кроме науки в современном обществе существуют и другие источники знания, как, например, религиозное откровение, народная мудрость, поэзия и т.д. *Особое значение в таком обществе получает не само знание, а его недостаток*, поскольку именно недостаток знания часто становится социальным аргументом, особенно в обществе риска², когда сциентификация общества комбинируется с усилением его рефлексивности, необходимостью постоянной обратной связи знания с деятельностью.

Научное знание, с одной стороны, рационализирует отношение общества к природе, если речь идет о естественно-научном знании, и культуру общества, если речь идет о социальном знании, обеспечивает их воплощение в действиях и решениях. С другой стороны, оно порождает потребность во все новом и новом знании, чтобы преодолеть опасные последствия человеческой деятельности. Важнейшей характеристикой новой формы производства знания является подключение ненаучных знаний. При этом не обязательно речь идет об участии дилетантов. Скорее, необходимым становится привлечение экспертов из сферы политики и экономики, в особенности, если главным вопросом оказывается проблема реализуемости и связанные с ней издержки. Потенциальными участниками такого рода кооперации могут быть представители различных заинтересованных групп и общественных организаций, ко-

¹ Бехманн Г. Концепции информационного общества и социальная роль информации // Политическая наука. – М., 2008. – № 2. – С. 10–28.

² Бехманн Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. – М., 2007. – № 1. – С. 26–46.

которые зачастую вносят свой вклад в формулировку исследовательских программ, в их оценку и дальнейшее развитие. Здесь можно обнаружить значительные изменения, которые относятся в первую очередь к процессам придания научной формы социальным постановкам проблем, а также формам внедрения в исследование практических и социальных знаний.

Итак, формирующееся сегодня общество знания принципиально амбивалентно. С одной стороны, общество знания рассматривается как производное от информационного общества, когда в центр внимания попадают вновь возникающие возможности производства и доступности информации, которые обеспечивают новые информационные и коммуникационные технологии. С другой стороны, общество знания должно быть рассмотрено с точки зрения возникающих при этом рисков, что требует сделать больший упор на обсуждении последствий возрастающей зависимости социальной практики от научного знания. Нельзя игнорировать и того обстоятельства, что в обществе знания значительно возрастает роль виртуальных феноменов.

Виртуальный институт (Отступление 2)

На х-м году жизни Научный сотрудник с ужасом обнаружил, что на самом деле его нет. Это не значит, что его вообще не было. Он числился на двух или трех работах, имел счет в банке, исправно платил налоги и даже имел долги и друзей. Но все, что им было создано, существовало лишь на бумаге и в его собственном воображении. Ну еще, может быть, в воображении нескольких его коллег. Остальные просто верили, что все это существует на самом деле. Впрочем, время от времени собирались конференции. Приезжали какие-то люди, выступали с докладами. Потом все это публиковалось и записывалось в библиотеки. Так что и для историков оставались следы его деятельности, по которым можно было реконструировать то, чего на самом деле, возможно, и не было. Одним словом, были пирамиды и трупы, которые в них лежали. И оставалось только догадываться, что все это значило. Было что-то или не было ничего, не играло уже абсолютно никакой роли. Разница заключалась лишь в том, что развалины пирамид можно было посмотреть и пощупать, а виртуальные институты можно представить, прочитав их описания, например, в Интернете. Самого виртуального института уже нет, а описа-

ние его все еще «висит» в Сети. Это как какой-нибудь полумифический создатель Госплана в послереволюционной России. Самого его расстреляли или отравили, а возможно, он и сам умер, но его совсем забыли, да и Госплана давно уже нет. Однако в нем трудились люди, которые об этом с ностальгией вспоминают, работая теперь в других виртуальных институтах. Научный сотрудник вдруг отчетливо осознал, что все это дым и туман, вместе со смешными интригами в таких институтах, принимаемыми, однако, населяющими их жителями всерьез. Рано или поздно они рассеиваются и остаются одни воспоминания. Их можно будет уложить в мемуары и предоставить домысливать потомкам. Разница с окружающими заключалась лишь в том, что они воспринимали этот туман как первую реальность, жили и боролись в нем за лучшее существование, награды и признание, верили, страдали, испытывали радость и горе, любили, приносили себя и других в жертву. Все это делал и испытывал и он сам. Но одновременно наблюдал себя и других, как в старом забытом кино, прокрученном через много лет непосвященному зрителю, которому все проигранное в нем представляется немного глупым, наивным и комичным, хотя актеры страдают и радуются тому, что уже не имеет никакого значения, вроде бы по-настоящему. С созданием сети Интернет стало возможным строить такие виртуальные институты, не меняя своего местоположения в реальном пространстве. Стоило разослать электронную почту участникам, устроить интернет-конференцию, и больше не нужно заботиться о билете на самолет, спешить к поезду или утомительно долго ехать в автомобиле. Усилием воли он переносил себя в нужное место и в нужное время, выступал, дискутировал, участвовал в заседаниях, то есть жил в незримой, но, вероятно, сегодня самой реальной виртуальной сети, а потом усталый, но преисполненный чувства выполненного долга, вновь возвращался домой. Хотя что такое «дом»? Это то же виртуальное пространство, которое мы создаем и стремимся поддерживать вокруг себя в неизменном виде, причем независимо от того, что происходит вокруг, за дверями и окнами во враждебном для нас мире. Иногда приходится менять квартиру или переставлять в ней мебель. Однако «дом» всегда остается тем, что позволяет нам сохранять собственную идентичность. Но вот пришли потомки, выбросили старую мебель, а может быть, сломали и саму постройку. И от вашей виртуальной реальности не осталось абсолютно ничего, кроме старых фото-

графий. Именно так происходит при смене твердой схемы в компьютере. Пришло новое поколение компьютеров, и старые экземпляры просто выставили за дверь или отнесли на свалку. Содержание вашей истории переписали и сохранили где-то в уголках компьютерной памяти, и только случайный посетитель натолкнется на некогда до боли реальный, но в принципе такой же виртуальный, как и нынешний, и всеми почти забытый мир.

Однако если знания становятся руководством к действию, то и «виртуальное предприятие» становится заметным и значимым для общества, как «КБ Королева» после «выхода в космос» – запуска первых спутников и космонавтов. Таким образом, хотим мы этого или нет, а приложения научных результатов оказывают самое непосредственное влияние на развитие научных теоретических знаний. Одновременно они и являются индикатором «материализации» такого рода «виртуальных институтов». В последнее время связи между теорией и практикой, наукой и техникой становятся все теснее. Да и финансирование прикладной науки и техники часто более весомо, чем теоретической. В конечном счете общество ждет прикладных результатов и от теоретической науки. Если мы посмотрим на исследовательский ландшафт развитой европейской страны, например Федеративной Республики Германии, то увидим, что прикладные исследования и разработки занимают большую долю в совокупном объеме исследований. Но это не значит, что значимость и объем финансирования фундаментальных исследований снижаются. Напротив, возрастает осознание их важности для получения существенных прикладных результатов в сфере техники, технологии и промышленности. С этой целью увеличивается их финансовая поддержка со стороны предпринимательских структур, ожидающих в перспективе возвращения вложенных инвестиций и получения реальной прибыли. Как показывает эмпирический анализ, проведенный У. Шмохом, взаимодействие академических и промышленных исследований в Германии за последние два десятилетия значительно возросло, и, соответственно, увеличилась доля академических исследований в предпринимательских структурах и частных университетах¹.

¹ Schmoch U. Hochschulforschung und Industrieforschung. – Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus, 2003. – S. 335, 378.

В Германии фундаментальные исследования осуществляются в основном высшими учебными заведениями и институтами Общества Макса Планка. Однако значительную часть их научной работы составляют перспективные прикладные исследования. Краткосрочные прикладные исследования, разработки и работы по созданию опытного образца проводятся в сфере экономики, то есть в частных фирмах. Наряду с этим в Германии существуют так называемые крупные исследовательские организации, которые финансируются из общественного сектора (то есть по правительственным программам) и имеют смешанную организационную структуру (одна часть – институты и другие структурные подразделения, другая – временные рабочие коллективы с гибкой проектной организацией). Эти исследовательские организации выполняют весь спектр научных работ – от фундаментальных исследований до выпуска опытного образца. На решение прикладных задач в большей степени нацелены институты Общества Фраунхофера. 15 крупных исследовательских центров, объединенных в сообщество Гельмгольца, финансируются из федерального бюджета и занимаются в основном дорогостоящими научными исследованиями, рассчитанными на долгосрочную перспективу. Эти центры ведут исследования, прежде всего, в области физики высоких энергий, космических и экологических технологий, медицины и биотехнологии, прикладной математики и разработки софтвера. Сообщество германских исследовательских центров Г. Гельмгольца, которое на 90% финансируется федеральным и на 10% – земельными правительствами, получило в 2003 г. 1562,5 млн. евро. Один из ведущих центров этого общества – Исследовательский центр г. Карлсруэ (2,5 тысячи сотрудников) получил от правительства в 2003 г. 217 млн. евро, не считая привлеченных средств от различных фондов и фирм. Для сравнения: Общество Макса Планка получило в 2003 г. 935,2 млн. евро (по 50% от федерального и земельного правительств), Общество Фраунхофера – 320,4 млн. евро, а Общество Лейбница – 701,2 млн. евро. Всего федеральными и земельными властями на научные исследования в 2003 г. было выделено 4896,2 млн. евро и из них 2/3 (3285,4 млн. евро) – из федерального бюджета. Вузы Германии получили в 2002 г. на научные исследования из государственного бюджета 7,7 млрд. евро при общем финансировании в 9 млрд. евро (с учетом средств, дополнительно полученных от фондов и фирм). Из них финансирование научных исследований в социально-гуманитарных науках состави-

до 25,1%, то есть 1,8 млрд. евро. Это составляет 44% общего объема финансирования вузов. Доля финансирования вузовской науки по договорам с фирмами возросла с 7,6% в 1992 г. до 12,2% в 2002 г.¹ Таким образом, примерно треть научных исследований в Германии финансируется государством и две трети – фирмами.

Анализ этих тенденций позволяет сделать вывод о конвергенции академического и технологического порядка знания. Академический порядок знания связан с переработкой, теоретизацией и производством знаний в отличие от технологического порядка знания, направленного на поиск, упорядочение и использование уже имеющегося знания в прикладных целях. В современном информационном обществе отбор и систематизация наличного, необходимого для организации конкретных действий знания, приобретает все большее значение². Сегодня важны не только сами открытие и изобретение, не только закрепление приоритета и патентирование, но в первую очередь их практическое применение, обеспечиваемое формированием соответствующих хозяйственных структур, которые способны действовать в условиях превращения ноу-хау и знания в рыночный продукт.

Таким образом, возникает новая, включенная в процессы принятия решений наука, которая имеет ряд специфических особенностей. С интеграцией науки в процессы политического регулирования и экономической оценки она утрачивает этическую нейтральность, которая обусловлена требованием объективности научного знания: то, что познано с помощью науки, признается достоверным знанием, по крайней мере, до тех пор, пока оно научно не опровергнуто. Иначе говоря, консенсус научного сообщества становится здесь важнейшим критерием истинности. Однако именно это невозможно сохранить в новых, ориентированных на практическую результативность областях науки и техники. Такого рода научные знания хотя и произведены учеными с помощью научных методов, оказываются зависимыми от изменяющегося социального контекста. Они отличаются несистематичностью, часто становятся объектом ревизии и селекции, а значит, воспринимаются как спорные знания. Кроме того, наука все более тесно встраивается в прикладные области, в которых отдельные взаимосвязи еще требуют

¹ Bundesbericht Forschung, 2004. – В.; Bonn: BMBF, 2004.

² Ibid. – S. 119–122.

своего определения и технического воспроизведения или даже вообще не освоены. В отличие от «нормальной науки», где ставятся лишь те вопросы, на которые она в состоянии ответить с помощью привычного исследовательского инструментария, сегодня необходимо исследовать то, что находится на грани аналитических и прогностических возможностей научного познания.

В этой ситуации возрастает роль построения различного рода моделей, призванных, с одной стороны, объединять разрозненные специализированные знания, а с другой – служить своего рода «проектом» будущего, создавая (по крайней мере, по форме) видимость разработок, ориентированных на применение. Эти модели, наглядные представления и схемы выполняют еще одну важную функцию связи науки и общества. Мы наблюдаем ежедневно такого рода модели в телевизионных выпусках прогноза погоды. И хотя все знают об их ненадежности, социальные ожидания от этого не уменьшаются и даже со временем увеличиваются. Эстетическое воздействие этих передач на зрителя значительно усиливается с помощью средств компьютерной симуляции, усиливающей нашу веру в точность прогноза, хотя мы не можем и даже часто не хотим знать, как строятся и функционируют соответствующие модели. Нам демонстрируют на экране в виде картинки движения циклонов и антициклонов – в сущности, один из возможных сценариев будущего, в соответствии с которым мы можем корректировать свои действия, основываясь на вере в истинность этого сценария. Впрочем, достаточно переключить телевизионные каналы, чтобы убедиться в относительности такого рода предсказаний и множественности представляемых нам сценариев будущего. Причем ответственность за их соответствие или несоответствие действительности мы склонны приписывать Господу Богу. Ситуация, правда, заметно обостряется, если речь идет о несвоевременном или запоздалом предсказании учеными природных катаклизмов или техногенных катастроф. Тогда проблема ответственности (юридической или моральной, коллективной или персональной и т.д.) может ставиться в достаточно резкой форме как правительствами, так и общественностью, а научные модели развития событий могут стать предметом анализа экспертов, средств массовой информации и даже судебных разбирательств.

Относительный характер обоснованности подобных моделей будущего или прошлого хода событий хорошо демонстрируют многочисленные сценарии климатических изменений, авторы ко-

торых настаивают на истинности их собственных построений и призывают деловые круги и общественность срочно принимать или, наоборот, не принимать те или иные решения. Наиболее ярким примером служат модели ждущего нас глобального потепления или, по другим прогнозам, похолодания¹. Эти модели могут быть использованы, например, определенными промышленными кругами в интересах борьбы с конкурентами. В частности, не так давно на уровне институтов ЕС было выдвинуто требование запретить выпуск эксклюзивных больших автомобилей, что могло бы нанести ущерб немецким автомобильным концернам, лидирующим в этом секторе рынка. Правительство Германии, которое всегда ратует за уменьшение выбросов CO² в атмосферу, незамедлительно отреагировало на эти заявления протестом. Вполне вероятно, что для большей весомости своих аргументов оно закажет немецким ученым разработку научно обоснованной модели, доказывающей необоснованность этих требований. Такое уже было однажды, когда в правительственном докладе (еще до прихода к власти коалиции зеленых и социал-демократов, принявшей закон о закрытии атомных электростанций) на основе скрупулезного анализа статистических данных доказывалось, что частота раковых заболеваний у жителей санитарной зоны АЭС даже ниже, чем в других районах Германии.

Компьютерные модели становятся, таким образом, средством трансдисциплинарной коммуникации между научным сообществом и широкой общественностью. Однако если ученые в своих научных работах достаточно осторожно делают конкретные выводы, то на основе моделей (в том числе и компьютерных), демонстрируемых неспециалистам в средствах массовой информации, может формироваться общественное мнение в пользу принятия (или непринятия) идеологически мотивированных решений. Такие модели сегодня широко используются и в археологических исследованиях². Они создают уникальные возможности для комплексного ар-

¹ См.: *Сидоренков Н.С.* Нестабильность вращения Земли // Вестник РАН. – М., 2004. – Т. 74, № 8. – С. 701–715; *Сорохтин О.Г.* Эволюция климата Земли и происхождение ледниковых эпох // Вестник РАН. – М., 2006. – Т. 76, № 8. – С. 699–706.

² «Компьютерное моделирование в археологии позволяет реконструировать процесс формирования памятников в целом и проводить функциональную интерпретацию археологических объектов и их комплексов. Основой для разработки формальных методов реконструкции и интерпретации по археологическим

хеологического исследования: «С началом работ по Телль Хазне реконструкции перешли на новый этап в своем развитии: от простого графического представления результатов работ к информационной модели, с возможностью анализа подключенных внешних данных. В дальнейшем планируется подключение других источников информации, таких, как аэрофотоснимки, картографический материал и т.д. В результате мы получим многоуровневую геоинформационную модель. Подобный подход в реконструкции памятника археологии обладает следующими преимуществами: многоуровневая структура (возможность подключения различных источников информации), открытая архитектура (возможность в любой момент дополнения, изменения и удаления информации), геоинформационная составляющая (взаимосвязанные графические и текстовые данные). По информативной насыщенности, наглядности, скорости и удобству обработки подобные комплексные реконструкции не имеют себе равных среди других источников информации»¹. К любым реконструкциям, однако, следует относиться осторожно, поскольку важно установить, на какого рода источниках информации они базируются. Ведь в научных исследованиях, как и в обыденной жизни, возможны ошибки или неверная интерпретация имеющихся данных, о чем свидетельствуют сами ученые: «...начиная с развитого периода раннего бронзового века медеплавильные мастерские получают определенное распространение в Палестине. ...Но все мастерские оставались небольшими, попытки видеть в некоторых массивных сооружениях ...остатки масштабных металлургических предприятий, выплавлявших руду на экспорт, не подтвердились, а сооружения эти оказались зернохранилищами или караван-сараями на торговых путях»². Обладая известной наглядностью, компьютерная симуляция может создавать у специалистов иллюзию научной обоснованности, а в руках политиков или в учебном процессе она даже может стать средством созна-

данным является пространственная модель культурного слоя памятника». См.: Журбин И.В., Груздев Д.В. Технология пространственного моделирования культурного слоя археологических памятников // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». – М., 2002. – № 30. – С. 149. – Режим доступа: <http://kleio.asu.ru/aik/bullet/30/87.html>

¹ Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Телль Хазна I: Раскопки 2001 года // Российская археология. – М., 2002. – № 4. – С. 20–39.

² Мерперт Н.Я. Очерки археологии библейских стран. – М.: ББИ, 2000. – С. 264–265.

тельной манипуляции общественным мнением с целью, например, доказать автохтонность той или иной группы населения на данной территории для обоснования ее захвата или присвоения. Это относится как к моделированию прошлого, так и будущего – например, в случае демонстрации визуальной модели эффективности действия на человеческий организм того или иного медицинского препарата. Особенно часто приемы визуализации используются в сфере нанотехнологий, благодаря которым возникает впечатление зрительного восприятия того, что невозможно видеть – например, так называемой электронной литографии. Полученные методом «молекулярно-лучевой эпитаксии» «нанообъекты» позволяют создавать такие «макрообъекты» с заданными свойствами, как, например, транзистор на основе структуры «кремний на изоляторе», выполняющие функции данного функционального элемента электронных устройств, но на иной конструктивной основе (кремниевой и гетероструктурной электроники)¹. Более того, на основе достижений нанотехнологии нас грозят снабдить новыми органами чувств, например инфракрасным зрением. Но хотел бы кто-нибудь иметь дело с «женщиной с рентгеновскими глазами», как описывал один из фантастических романов, или самому лицезреть скелеты своих друзей? Впрочем, не уподобляемся ли мы в пылу такого рода критики противникам Галилея, не желавшим смотреть в сконструированный им телескоп на том основании, что если бы Господь пожелал, то снабдил бы человека телескопическим зрением?

Мы, конечно, ни в коей мере не умаляем эвристической ценности компьютерных имитационных моделей как для самого научного исследования, так и для демонстрации его результатов заказчику, инвесторам и общественности, в том числе и в средствах массовой информации. Однако именно в обществе знания особенно важно представлять не только положительные, но и возможные отрицательные последствия применения современной науки, техники и технологии.

¹ «Технология молекулярно-лучевой эпитаксии используется для получения полупроводниковых нанотрубок сложной формы с предельно высокой точностью ... Развитие предложенной технологии будет сопровождаться расширением области применения полупроводниковых нанотрубок в электронике, биологии, медицине и других практически важных областях... Транзисторы на структурах “кремний на изоляторе” отличаются повышенной температурной и радиационной точностью». См.: *Асеев А.Л.* Нанотехнологии в полупроводниковой электронике // Вестник РАН. – М., 2006. – Т. 76, № 7. – С. 603–611.

Приложение
Литература на немецком языке по проблемам
оценки результатов научной деятельности

1. *Felt U., Nowotny H., Taschwer K.* Wissenschaftsforschung: Eine Einführung. – Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus, 1995. – 322 S.
2. *Grupp H.* Messung und Erklärungen des Technischen Wandels: Grundzüge einer empirischen Innovationsökonomik. – B.: Springer, 1997. – 497 S.
3. *Grupp H.* Innovationskultur in Deutschland: Wie es zur heutigen technologischen Wettbewerbsposition gekommen ist // Marktdynamik und Innovation / Hrsg. von M. Fritsch. – B.: Duncker & Humblot, 2004. – S. 21–43.
4. *Grupp H.* Deutsche Innovationsgeschichte seit der Reichsgründung: Eine kliometrische Perspektive // Evolutorische Wirtschaftspolitik: Grundlagen und Anwendungsmodelle / Hrsg. von K. Dopfer. – B.: Duncker & Humblot, 2004. – S. 149–182.
5. *Heinze T.* Die Kopplung von Wissenschaft und Wirtschaft: Das Beispiel der Nanotechnologie. – Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus, 2006. – 302 S.
6. *Kuhlmann S., Bühner S.* Erfolgskontrolle und Lemmedium: Evaluation von Forschungs- und Innovationspolitik // Vierteljahrshefte zur Wirtschaftsforschung. – B., 2000. – Jg. 69, H. 3. – S. 379–394.
7. *Rammert W.* Technik aus soziologischer Perspektive 2: Kultur – Innovation – Virtualität. – Opladen: Westdeutscher Verl., 2000. – 252 S.
8. *Schmoch U.* Hochschulforschung und Industrieforschung: Perspektiven der Interaktion. – Frankfurt a. M.; N.Y. Campus, 2003. – 449 S.
9. *Weingart P.* Die Wissenschaft und der Öffentlichkeit: Essays zum Verhältnis von Wissenschaft, Medien und Öffentlichkeit. – Weilerwist: Velbrück Wissenschaft, 2005. – 206 S.

М.Е. Соколова

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ КАК ИНТЕГРИРОВАННАЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СРЕДА:
ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ**

Перспективы развития современного общества неразрывно связаны с ростом знания и информации, механизмами и особенностями их производства и распределения. Для изучения различных характеристик и особенностей этих социальных процессов и их концептуализации широко используются такие категории, как общество знания, информационное общество, *e*-общество, сетевое общество и т.д. Хотя эти понятия, или концептуальные ярлыки¹, не дают исчерпывающих ответов на многие вопросы и зачастую дублируют друг друга, все они предназначены для того, чтобы выявить и зафиксировать специфику социальных макропроцессов в связи с развернувшейся в XX в. информационной революцией.

Введение в научный обиход этих категорий явилось отражением того, что информация стала важнейшей социальной ценностью и основным товаром, а знание все больше превращается в решающий фактор развития общества. Формирование общества знания и развитие информационной экономики требуют обеспечения широкого доступа к информационным ресурсам и – шире – к процессу производства и распределения знания. При этом решающую роль начинает играть интеллектуальный кадровый капитал, рынок квалифицированных человеческих ресурсов, профессионалов, чей потенциал и система профессиональных и личностных ценно-

¹ *Zacher L.W.* Social sciences and humanities in the integrating Europe: Building potential for knowledge-based society // *Dialogue & universalism*. – Warsaw, 2006. – Vol. 16, N 3–4. – P. 154.

стей соответствуют новой информационно-коммуникационной среде. Функционирование общества, чья жизнедеятельность основана на постоянном создании и поглощении экзабайтов информации, нуждается в сформированном по определенному образцу человеческом капитале и, следовательно, в создании соответствующих механизмов образования и профессиональной подготовки кадров. Одним из определяющих показателей качества этих человеческих ресурсов является их способность к эффективному использованию информации на базе современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

В каком отношении к новым социальным реалиям, порожденным интенсификацией информационной среды и ростом интеллектуального потенциала общества, оказалась в настоящий момент фундаментальная академическая российская наука с ее особыми традициями и представлениями о собственных целях и нормах? Какова социальная ценность того интеллектуального продукта, который она производит? Немаловажной при ответе на эти вопросы является оценка состояния информационной базы российской науки и ее соответствия новой информационно-коммуникационной среде. Ведь именно включенность в процессы глобальной информатизации отражает ее потенциал и возможности занять достойное место в условиях новых социальных реалий. В этой перспективе концепция общества знания и разработанные в ее рамках подходы к научно-технической и информационной политике предоставляют актуальный теоретический инструментарий для прикладного анализа информационных проблем и перспектив российской фундаментальной науки.

Современное отношение представителей российского академического сообщества ко многим положениям теорий общества знания и информационного общества можно охарактеризовать как этап осмысления применимости этих постулатов к реалиям фундаментальной науки. Стимулом для такого рода раздумий служит активное оперирование соответствующими понятиями в официальных документах тех органов государственного управления, которые определяют финансовую и организационную ситуацию РАН, что, в свою очередь, стимулирует оживленное обсуждение ряда актуальных вопросов научной политики¹. Общим контекстом дис-

¹ Полемика на темы финансирования и реформирования науки, роли и места фундаментальной науки, исследовательских университетов и т.д. довольно ши-

куссий становятся противоречивость государственной политики в области фундаментальной науки, отставание (по всем известным и многократно обсуждавшимся причинам) от мировых стандартов и приоритетов, наличие «цифрового разрыва» между социокультурными детерминантами и приоритетами глобального информационного общества. Теперь же к этому перечню можно прибавить и многостороннее влияние мирового экономического кризиса, полный спектр последствий которого еще далеко не выявился.

Современный экономический кризис, одной из основных причин которого стала совокупность взаимосвязанных процессов в информационной экономике США, безусловно, очень важен для осмысления хода мировых информационных процессов. Сейчас на первый план выходит изучение негативных последствий информатизации общества и превращения информации в экономический ресурс. В связи с этим появляются стимулы и для выявления неоднозначных последствий информационных процессов в сфере научной деятельности.

Разумеется, сегодня не следует торопиться с однозначными, не учитывающими конкретных обстоятельств рекомендациями и выводами относительно состояния информационной среды, культуры и ресурсов отечественной фундаментальной науки. На нынешней стадии формирования академической информационной среды очень трудно прогнозировать возможные кумулятивные эффекты процессов информатизации. Более перспективной является попытка комплексного рассмотрения тенденций и противоречий современного этапа поисков академической наукой информационных приоритетов в дезинтеграционной и одновременно креативной атмосфере первичных Интернет-джунглей.

Такой подход отражает принципиальную проблематичность социальных трансформаций, анализируемых в рамках концепции общества знания. Противоречивость информационной жизни науки выступает отражением общей динамики сферы знания и информации, ее принципиальных, сущностных противоречий. Нарастающая зависимость производства научного знания от социальной практики, описываемая в рамках представлений о постнормальной науке, еще более усиливает эти тенденции.

роко представлена в прессе и в Интернете. Характерными примерами могут служить дискуссии на сайтах: <http://www.polit.ru>, <http://www.za-nauku.ru>, <http://www.scientific.ru/>, <http://www.rusrand.ru/>, <http://www.strf.ru/>

Сегодня состояние информационной среды науки определяется, прежде всего, соотношением традиционных форм информационного существования, обусловленных ее институциональной структурой, и новых информационных возможностей, возникших в связи с развитием электронных интернет-технологий, а также первичными проявлениями сетевого способа производства знания. Профессиональное использование Интернета в научных целях перестает сводиться только к размещению информации, что было характерно для раннего этапа эволюции информационного пространства научных коммуникаций. Научный Интернет постепенно превращается в пространство профессиональных социальных сетей, социальных взаимоотношений, социализации, активности ученого, его самопрезентации с использованием ряда виртуальных средств. В целом это соответствует и общей тенденции развития коммуникационных веб-технологий от статичных сайтов 1990-х годов к динамичным, мультимедийным формам web 2.0¹.

Виртуальные коммуникации воздействуют на повседневное и профессиональное общение ученых (электронная почта и телеконференции), информационное обеспечение науки, сферу научных публикаций, развитие наукометрических исследований и т.д. Два информационных пространства и научных сообщества – *традиционное, встроенное в организационно-институциональную реальность науки и новое сетевое* – в настоящее время находятся во все более тесном соприкосновении и сосуществовании.

На фоне существующего многообразия форм информационного существования вопрос об особенностях российской научной информационной среды должен ставиться так: каковы особенности академической информационной культуры и насколько они совместимы с новым, уже сложившимся пространством информационно-коммуникационных технологий. Важно также проанализировать интеграционные тенденции в этом пространстве.

Академическая информационно-коммуникационная среда может рассматриваться как комплексная интегральная категория, охватывающая всю совокупность научных коммуникаций, информационных потоков и информационных обменов в сфере науки (формальных и неформальных, личностных и официальных, элек-

¹ О'Рейли Т. Что такое Веб 2.0 // Компьютерра-Online. – М., 2005. – № 37. – Режим доступа: <http://www.computerra.ru/think/234100/>; О'Рейли Т. Что такое Веб 2.0: Использование коллективного разума // Компьютерра-Online. – М., 2005. – № 38. – Режим доступа: // <http://www.computerra.ru/think/234344/>

тронных и существующих в бумажной форме). Информационный взрыв, связанный с широким распространением интернет-коммуникаций, качественно изменяет содержание информационных ресурсов и коммуникаций в науке, их динамику, структуру, соотношение с внешней средой. Появляются новые акторы и формы коммуникаций (прежде всего сетевые).

В настоящий момент информационная среда российской академической науки превратилась в многоуровневую, интенсивно развивающуюся совокупность информационных ресурсов, основанную на разнообразии форм коммуникаций и информационного обеспечения. Самой динамично развивающейся и современной частью этих ресурсов являются интернет-ресурсы: официальные сайты исследовательских организаций и самой РАН¹, неофициальные интернет-страницы и сайты исследователей, библиографические и полнотекстовые информационные базы данных и электронные библиотеки, обеспечивающие выход к материалам научных издательств и функционирование Российского индекса цитирования (РИНЦ)², интегративная метаструктура Единое научное информационное пространство (ЕНИП)³, информационная система ВАК, научно-образовательные сети, к которым можно отнести Соционет – сетевое профессиональное пространство, в котором исследователь имеет возможность работать самостоятельно⁴, а также корпоративную сеть Российской академии наук (RASNET)⁵, электронные журналы (например, электронный журнал Института США и Канады *Россия и Америка в 21 веке*⁶). Наряду с этими, наиболее крупными, интернет-проектами существует ряд других сайтов и порталов по различной тематике, тем или иным образом связанных с РАН (примером может служить портал *Россия и современный мир: Тенденции развития и перспективы сотрудничества*⁷). В этой новой информационной среде разворачиваются процессы, связанные с интернет-социализацией ученых как участников виртуального сообщества, формированием нового жанра

¹ Режим доступа: <http://www.ras.ru>; <http://www.ras.ru/sciencestructure/informationssystem.aspx>

² Режим доступа: <http://www.elibrary.ru>

³ Режим доступа: <http://enip.ras.ru/>

⁴ Режим доступа: <http://www.socionet.ru>

⁵ Режим доступа: <http://www.jscc.ru/rasnet.shtml>

⁶ Режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=show&id=1>

⁷ Режим доступа: <http://www.rim.inion.ru>

электронных публикаций, развитием механизмов учета и статистики цитирования, возрастанием роли визуальной составляющей в научных информационных ресурсах и т.д.

Формирование понятийного аппарата, используемого при рассмотрении информационных процессов в науке, должно опираться на такую сущностную характеристику информационного общества, как наличие высокоразвитой информационной сферы (инфосферы), которая включает деятельность человека по созданию, передаче, хранению, переработке и обмену информацией. Но если такие категории, как инфосфера и инфополе, соотносятся, скорее, с философской рефлексией процессов инфосферы, то категория информационного пространства более пригодна для рассмотрения социальных аспектов этих процессов. Именно поэтому категория информационно-коммуникационного пространства науки будет наиболее активно использоваться в дальнейшем анализе актуальных проблем российской информационно-научной жизни. Охватывая материальную сторону информационных процессов, эта категория позволяет перейти на конкретный уровень анализа и рассматривать все информационные взаимодействия в их совокупности. Данную особенность категории информационного пространства отмечает, например, Т.Ф. Берестова, подчеркивая ее материально-духовный характер¹.

Рассмотрение категории **информационного пространства** в рамках изучения социальных процессов и отношений должно опираться на сложившееся представление о нем в информатике, где оно понимается как **пространство, которое обеспечивает создание и циркуляцию информационных потоков, размер и топологические свойства которого задаются информационной инфраструктурой**². При этом **информационный поток** определяется как **информация, перемещаемая в пространстве и времени, а информационной инфраструктурой** называют **часть структуры информационного пространства**. К основным элементам последней относят **телекоммуникации; информационные ресурсы;**

¹ Берестова Т.Ф. Государственная информационная политика – инструмент обеспечения единства информационного пространства // Научные и технические библиотеки. – М., 2006. – № 8. – С. 15–28. – Режим доступа: <http://ellib.gpntb.ru/subscribe/index.php?journal=ntb&year=2006&num=8&art=2>

² См.: Инфокоммуникационные технологии в Глобальной информационной инфраструктуре / Барабаш П.А., Воробьев С.П., Курносков В.И., Советов Б.Я. – СПб.: Наука, 2008. – С. 14.

системы информационного обслуживания; системы обеспечения, развития и функционирования информационной инфраструктуры¹. Все эти элементы составляют информационное пространство в его сугубо технологическом смысле.

Помимо рассмотрения содержательной (информационные ресурсы) и вспомогательно-технической (информационная инфраструктура, телекоммуникации) составляющих информационного пространства, необходимо анализировать социальные и организационно-институциональные аспекты его становления и функционирования². Должны также рассматриваться его включенность в общее национальное информационное пространство, соотношение в нем интеграционных и дезинтеграционных тенденций.

Актуальность наполнения категории информационного пространства социально-теоретическим содержанием возрастает по мере дальнейшей разработки государственных документов, содержащих основные положения информационной политики РФ. Согласно разработанной в РФ в 1995 г. «Концепции формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов», структуру национального **информационного пространства** составляет совокупность таких элементов, как информационные ресурсы – базы и банки данных, все виды архивов, система депозитариев государственных информационных ресурсов, библиотеки, музеи и пр.; информационно-телекоммуникационная инфраструктура (системы и сети); система массовой информации; рынок информационных технологий, средств связи, информатизации и телекоммуникаций, информационных продуктов и услуг; система обеспечения информационной защиты; система взаимодействия информационного пространства России с мировыми открытыми сетями; система

¹«**Информационным ресурсом** называется информация, предназначенная для удовлетворения информационных потребностей какого-либо лица и доступная этому лицу, а **информационным продуктом** – информация, представляющая собой результат деятельности какого-либо лица. К последним относятся информация (данные, знания); носители информации; информационные средства и техника; продукты, обеспечивающие информационную деятельность». См.: Информационно-телекоммуникационные технологии в Глобальной информационной инфраструктуре. – С. 15.

² *Игнатов В.С., Пименов Д.В.* Информационное пространство: Структура и функции // Известия высших учебных заведений: Поволжский регион. – Пенза, 2007. – № 3. – С. 3–9.

информационного законодательства. Единое информационное пространство определяется в этой Концепции как совокупность баз и банков данных, технологий их ведения и использования, телекоммуникационных систем и сетей, предназначенная для комплексного обеспечения информационного взаимодействия организаций и граждан, удовлетворения их информационных потребностей¹. Таким образом, информационное пространство предстает как сложное системное явление, эффективным методом изучения которого является системный подход².

Применительно к современному научному информационному пространству речь должна идти о совокупности всех связанных с наукой информационных потоков, движение которых определяется информационной инфраструктурой, включающей информационные ресурсы, а также системы информационного обслуживания, обеспечения, развития и функционирования этой инфраструктуры.

Происходящее сейчас формирование и структурирование научно-информационного пространства РАН представляет собой сложный стохастический процесс, включающий взаимодействие множества факторов, влияний, личных и институциональных интересов и целеполаганий. Этот процесс отличается стихийно-органическим характером; возможности управления им пока очень ограничены. Его содержание, наличие определенных компонентов, их связь между собой определяются рядом предпосылок, к которым можно отнести общие особенности структурирования, обусловленные универсальными закономерностями информационного общества и фактором цифрового разрыва, а также влиянием ряда внутренних факторов. Среди последних можно выделить следующие:

- организационно-управленческие факторы, институциональная структура и механизмы финансирования науки на уровне РАН;
- исторически сформировавшаяся система скоординированного функционирования территориально близких и удаленных организаций РАН (отделений и институтов, системы научных академических

¹ Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов. (Одобрена решением Президента Российской Федерации от 23 ноября 1995 г. № ПР-1694). – Режим доступа: <http://infopravo.by.ru/fed1995/ch01/akt11043.shtm>

² Берестова Т.Ф. Библиотека как элемент информационного пространства (к разработке концепции) // Библиотековедение. – М., 2004. – № 6. – С. 43–51. – Режим доступа: http://www.library.ru/1/kb/articles/article.php?a_uid=140

библиотек) и их информационных ресурсов, выступающая предпосылкой интеграционных тенденций в информационном пространстве российской науки;

- роль информационных работников как профессиональной группы, разнородной по своим интересам и позициям, а также уровень их профессионального самосознания и культуры;

- уровень информационной культуры и интернет-активности самих исследователей.

Таким образом, речь в данном случае идет о единстве организационного и творческо-исследовательского измерений научной деятельности. В свете положений теории общества знания о роли интеллектуального потенциала в современном общественном производстве особое значение приобретает творческо-личностный фактор формирования новой структуры информационного пространства науки. Личностная профессиональная мотивация исследователя как актора интернет-пространства очень важна и для его деятельности по поиску и распространению (публикации и популяризации) информации, и для его участия в сетевом научном сообществе.

Новые возможности сетевой коммуникации создают ситуацию, в которой исследователь, создающий интеллектуальную продукцию, оказывается на пересечении коммерческих, юридических и иных интересов различных структур, представляющих эту продукцию и имеющих на нее определенные права (НИИ, академических и неакадемических научных журналов, разнообразных сайтов и порталов, институциональных репозиториев и т.д.). Но поскольку исходной точкой создания любой научной продукции является научное творчество, целый ряд потребностей и мотиваций подталкивают исследователя к самостоятельному и независимому от его институциональной принадлежности онлайн-присутствию в Интернете. Эти потребности определяются тем, что ученый выступает в качестве создателя научной продукции, презентатора и популяризатора собственных идей и работ, участника научных коммуникаций, публичного эксперта и преподавателя, нередко читающего лекционный курс на основе собственных трудов и идей.

Привлекательность размещения в Интернете препринтов, текстов уже опубликованных или еще нигде не публиковавшихся работ как нового жанра обнародования научных результатов обусловлена гораздо большей доступностью таких публикаций, возможностью для автора непрерывно их развивать, дополнять и со-

вершенствовать (так называемые живые, или «жидкие публикации»¹), быстротой и оперативностью реакции читателей (на электронных форумах, научных блогах, через переписку по электронной почте), оперативностью поступления новой информации по интересующей проблематике с помощью электронной подписки на соответствующих сайтах, расширением круга профессионального общения². Большее значение для исследователей также имеют новые возможности визуализации, которая оказывает на информационно-коммуникационное пространство науки воздействие, далеко не ограничивающееся рамками научно-популяризаторской деятельности³.

Успех профессиональной деятельности ученого в специализированном информационном пространстве зависит от гармоничного сочетания личностных мотиваций с внешними, организационными стимулами. Поэтому столь важны систематические организационные усилия со стороны РАН для формирования и у самих исследователей, и у информационных работников новых стандартов и стереотипов информационного поведения.

Но может быть, такой подход к соотношению информационной деятельности и личностной мотивации ученого является ограничительным, недооценивающим роль институциональных факторов? Прежде всего, значение личностного фактора связано с раскрытием потенциала сетевых форм коммуникации, которые в известной мере снижают зависимость индивида от социальных институтов. Будучи социальным институтом, наука не может оставаться в стороне от этих процессов. Ослабление институциональной основы научного познания, эрозия академической культуры могут привести к инструментализации научного исследования и технического действия, преобладанию узкогрупповых интересов⁴. Та ситуация, которую можно наблюдать в современном академиче-

¹ *Паринов С.И.* Новый подход к оценке результатов научно-технической деятельности. – Режим доступа: <http://sparinov.socionet.ru/files/rsch-einfstrct-mtd.doc>

² *Горбунов-Посадов М.М.* Интернет-активность как обязанность ученого // Информационные технологии и вычислительные системы. – М., 2007. – № 3. – С. 88–93. – Режим доступа: <http://www.keldysh.ru/gorbunov/duty.htm>

³ *Корнеева А.Е.* Производство визуализированного научного знания – шаг к коммуникации науки и общества // Потребление как коммуникация: Российский и американский контексты / Под ред. В.И. Ильина. – СПб.: Интерсоцис, 2007. – С. 153–159.

⁴ См. статью В.Г. Горохова в этом сборнике.

ском информационном пространстве, во многом подтверждает эти опасения. Однако основной причиной такого положения является не развитие ИКТ, а отсутствие четкой позиции по информационному развитию самой институциональной науки в лице Академии.

Информационное присутствие российской науки в Интернете сейчас представляет собой некий слабо взаимосвязанный конгломерат, отличающийся многообразием форм. Постановка вопроса об интеграции, о достижении большей степени связности этих форм побуждает обратиться к общим основаниям организации академического информационного пространства. В конечном счете речь идет о необходимости и возможности выработки «правил движения» – специализированной многоуровневой программы управления информационным пространством, структурирование которого пока отличается стихийностью и спонтанностью. Такая программа должна строиться на определенных принципах, включать цели и организационные мероприятия как на ближайший период, так и на более длительный срок. Она должна учитывать общие интеграционные тенденции и обновление этого информационного пространства, элементы которого находятся во взаимодействии друг с другом и постоянно реагируют на изменения внешнего интернет-пространства.

Несомненно, это пространство уже существует на уровне принципиальных организационных и технологических решений. Но именно теперь наступает момент, когда надо задуматься и о соответствующем своде правил информационной деятельности – формальных (организационных) и неформальных (профессионально-этических). В конечном счете производимый научно-информационный контент следует рассматривать и как ценное научное имущество, права на которые принадлежат также и Академии в целом. Возможность его продуктивного использования (и в коммерческом, и в представительско-статусном аспектах) делает необходимыми формирование эффективного организационно-управленческого механизма на уровне РАН, а также разработку целевых многоуровневых управленческих программ.

Потребность в принятии общей стратегии информационной политики РАН, определения приоритетов управления ее информационным пространством осознается сейчас на различных уровнях. Об этом, в частности, говорит председатель Совета профсоюза работников РАН В. Вдовин: «Нельзя не отметить заметный прогресс РАН в сфере информационной политики и информационных тех-

нологий. Активны сайты РАН и большинства институтов, расширяется материально-техническое обеспечение этой сферы. Но нужно признать, что цельной концепции развития информационной политики в РАН нет. Поэтому возникают такие проблемы, как отсутствие корпоративных подходов к закупке лицензионного софта, обеспечению информационной безопасности, снабжению сотрудников РАН научно-технической информацией»¹. Перечень информационных проблем, требующих управленческо-правового регулирования на уровне РАН, может быть продолжен. В частности, большую актуальность имеет проблема финансовой поддержки продолжения наиболее значительных в научном отношении информационных проектов, выполненных ранее по грантам и использующих научный контент, представляющий собой интеллектуальную собственность РАН.

Однако столь ли уж необходимо и целесообразно проектирование упорядоченного и в какой-то мере обособленного от внешней среды профессионального исследовательского пространства в условиях, когда Интернет предлагает фактически безграничные поисковые возможности, а одной из основных характеристик академической информационной жизни в настоящий момент является раздробленность? Необходимо осознавать, что Академия наук – это организация, создающая интеллектуальный продукт, и любой портал корпоративного типа, любая уже существующая форма присутствия в Интернете не исчерпывают ее потребностей в адекватном представлении собственной профессиональной деятельности. Другое дело, что сейчас неуместно ставить вопрос о наиболее адекватной и единообразной форме присутствия Академии в Интернете. Децентрализованное присутствие в виде конгломерата различных информационных форм было бы в настоящее время оптимальным, но управление и регулирование отношений между его частями представляется нетривиальной задачей, так как оно должно основываться одновременно на принципах их автономности, взаимной координации и управляемости. Информационная политика в таких условиях должна ориентироваться на создание единого, хотя и достаточно дифференцированного профессионального сообщества информационных работников и выработку им определенных принципов и норм своей деятельности. Консолидация этой профессио-

¹ *Вдовин В.Ф.* Некоторые вопросы прогноза развития РАН // Научное общество. – М., 2008. – № 12. – С. 8.

нальной группы особенно важна в контексте становления общества знания, в котором решающую роль будет играть человеческий интеллектуальный капитал.

В настоящее время вопрос о введении каких-то регулирующих механизмов ставится на уровне «административных рычагов приобщения к Интернету». К наиболее действенным из такого рода административных рычагов можно отнести предписания ВАК об обязательном размещении в Интернете автореферата диссертации, представляемой к защите, и о наличии аннотаций статей и приставочных библиографических списков в рецензируемых журналах, претендующих на включение в список ВАК. Существенными в этом отношении также стоит признать предложения об учете размещения научных материалов сотрудников на официальных сайтах институтов. Такого рода данные могут рассматриваться в качестве одного из показателей результативности научной деятельности, а также учитываться в ходе переаттестации научных сотрудников¹. Тем не менее эти усилия и инициативы пока не могут восполнить отсутствия комплексного подхода к информационной политике на уровне руководящих органов РАН.

Очевидно, что любые проекты информационной политики РАН должны быть увязаны с такими целями государственной информационной политики, как создание условий и механизмов формирования, развития и эффективного использования информационных ресурсов страны во всех областях деятельности, их защита и создание новых ресурсов, сосредоточение усилий на приоритетных направлениях и отношение к информации как к стратегическому государственному имуществу.

Интегрированность как тенденция развития национальных научных информационных ресурсов непосредственно связана с позицией институтов государства. Т.Ф. Берестова следующим образом характеризует государственную информационную политику: «Информационная политика фокусирует действия государства на обеспечении и сохранении взаимосвязей объектов и субъектов информационного пространства. Она строится на усилении интеграционных процессов, которые объективно и неизбежно возникают при создании, сохранении, передаче и потреблении информационных ресурсов. Далее интеграционные процессы воспроизводятся в

¹ Горбунов-Посадов М.М. Интернет-активность как обязанность ученого. – Режим доступа: <http://www.keldysh.ru/gorbunov/duty.htm>

науках информационно-коммуникационного цикла, их учитывают и при подготовке кадров, работающих в документально-коммуникационном секторе информационного пространства»¹.

В развитие «Концепции формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов», принятой в 2000 г., были разработаны такие документы, как «Концепция государственной информационной политики» и «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации»². В соответствии с ними создание единого информационного пространства рассматривается в качестве обязательного условия обеспечения государственной целостности России, а долгосрочной стратегической целью информационной политики провозглашается переход к построению демократического информационного общества и вхождению страны в мировое информационное сообщество. При этом информационные ресурсы страны являются капиталом общества и государства, накопление, распространение и коммерческое использование которого должно относиться к задачам общегосударственного значения. Само государство должно располагать инструментами, позволяющими достоверно оценивать информационный капитал общества и на этой основе осуществлять в отношении него регулирующие и контролирующие функции³. Все это требует принятия еще более энергичных мер по дальнейшему совершенствованию информационной политики России – прежде всего, по обновлению нормативно-правовой базы и стратегическому планированию развития и использования ИКТ⁴.

Такая постановка задач государственной информационной политики не может не учитываться при разработке информационной стратегии РАН, которая должна ориентироваться, в том числе,

¹ Берестова Т.Ф. Государственная информационная политика – инструмент обеспечения единства информационного пространства. – Режим доступа: <http://elilib.gpntb.ru/subscribe/index.php?journal=ntb&year=2006&num=8&art=2>

² Концепция государственной информационной политики Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.nbu.gov.ua/law/98ru-gip.html>; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.shtm

³ Концепция государственной информационной политики Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.nbu.gov.ua/law/98ru-gip.html>

⁴ Готовность России к информационному обществу: Оценка ключевых направлений и факторов электронного развития: Аналитический доклад / Под ред. С.Б. Шапошника. – М.: Институт развития информационного общества, 2004.

и на приоритеты инновационной экономики, и в конечном счете общества знания. Информационная оболочка фундаментальной науки – это информационная оболочка фундаментального знания, служащего опорой прикладных знаний и являющегося важной составляющей интеллектуального потенциала общества. И если сегодня рассуждения о единстве академического информационного пространства выглядят несколько химеричными, то причиной тому является нынешнее состояние научной и информационной политики и информационной культуры. Но не менее химеричны надежды вовсе уйти от решения вопроса о модернизации академической инфосреды, о ее соответствии уровню информационного сознания того поколения, которое в ближайшем будущем волеется (как хотелось бы надеяться!) в ряды Академии. Ведь информационная составляющая удовлетворенности этого поколения своим профессиональным статусом будет для его представителей не менее значимой, чем финансовая.

Фактическое положение в области формирования целостной стратегии информационной деятельности РАН отстоит довольно далеко от этого идеала. В настоящее время информационная деятельность РАН характеризуется недостаточным пониманием необходимости единых целей, опорой на устаревшие стандарты и представления об информационном обеспечении, слабым интересом к сетевым реалиям, несоординированностью действий различных организаций, отсутствием программы повышения информационной культуры сотрудников и контроля ее выполнения. По сути дела, сегодня можно говорить лишь о выявлении основных тенденций и противоречий, а также круга действующих субъектов, то есть лишь о первых подступах к формированию информационной политики РАН.

Безусловно, информационная политика РАН не может основываться на прежних методах и принципах централизованного бюрократического планирования. Соответствие приоритетам государственной политики, о которых говорилось выше, обязывает РАН строить свою информационную политику, прежде всего, с учетом реалий сетевого пространства. В этом же ряду стоят такие понятия, как сетевой способ производства знаний, сетевое электронное сообщество, сетевая наука. Правда, пока все эти понятия отличаются некоторой декларативностью, но за каждым из них стоит целый комплекс явлений, проекция которых в область науки еще только должна быть исследована и на теоретическом, и на эмпирическом уровне.

Тем большего внимания в этом контексте заслуживают новые формы активности в академическом информационном пространстве, основанные не только на организационно-институциональной принадлежности, но и на интеллектуальной идентификации и мотивации исследователей. Так, например, Соционет, один из проектов отделения общественных наук РАН¹, можно рассматривать как новый тип научно-информационных ресурсов, представляющий собой социальную сеть участников профессиональной деятельности в различных областях науки и образования. Его участники имеют возможность репрезентировать себя в этой информационной системе с помощью ряда онлайн-овых тексто-графических сервисов и визуальных средств, представляющих информацию о самом исследователе и результатах его научной деятельности (фотография, биографические сведения, перечень публикаций, проектов, полнотекстовые файлы, персональные профили, профили организаций и личные коллекции научных публикаций и др.).

Данное направление информационной работы отделения общественных наук РАН может способствовать качественному изменению информационно-исследовательской культуры представителей академической науки, стимулированию их самостоятельного онлайн-ового присутствия и представления результатов научной деятельности. Следует отметить, что во многих западных странах подобные формы информационной деятельности получают все большее распространение и правительственную поддержку². В России же формирование такого рода сетевых пространств, по всей вероятности, будет в ближайшее время связано с деятельностью относительно небольших, но достаточно продуктивных интеллектуальных сообществ, состоящих из исследователей, наиболее склонных к активному информационному поведению в Интернете.

Одним из самых распространенных сомнений в научной ценности материалов таких ресурсов, доступных для любого исследователя, является вопрос о критериях научного качества размещаемых материалов и механизмах их экспертной оценки. Соционет предлагает идти по пути создания институциональных репозитори-

¹ Соционет как социальная сеть для науки и образования. – Режим доступа: <http://socionet.ru/socio-net.htm>

² См., например: Repository software survey, March 2009. – Mode of access: <http://www.rsp.ac.uk/software/surveyresults>; Repositories support project. – Mode of access: <http://www.rsp.ac.uk/>; <http://www.socionet.ru/>; <http://elementy.ru/blogs/users/sparinov>

ев, когда электронные коллекции научных работ располагаются непосредственно на сайте научного института, что уже обеспечивает прохождение ими ряда оценочных фильтров. Располагает этот ресурс и сервисами для ведения онлайн-научно-метрической статистики¹.

Можно привести ряд других примеров того, как подспудное стремление к информационной интеграции находит свое отражение в информационной деятельности различных групп академических работников. Интеграционный пафос звучит в высказываниях многих разработчиков интернет-ресурсов, так или иначе связанных с академической наукой. О естественной тенденции информационного пространства к интеграции свидетельствует выдержка из интервью одного из разработчиков Российского индекса цитируемости (РИНЦ) Г. Еременко, который, говоря о задачах этого проекта, переходит к теме создания максимально полной базы библиографической информации на российском научном информационном пространстве:

«Г. Е.: По поводу того, нужен ли вообще такой проект, я бы сказал так: показатели цитируемости – та функциональность проекта, которая широко обсуждается как основное предназначение проекта, на самом деле является, конечно, важной, но, на мой взгляд, далеко не самой главной.

В.: Что же вы считаете основными достижениями проекта?

Г. Е.: Во-первых, создается максимально полная библиографическая база данных журнальных публикаций российских ученых. Такой глобальной базы никогда, на самом деле, не было. Еще несколько лет назад было очень сложно найти информацию, где, когда и какой автор опубликовал статью в российском журнале. В единой базе, в единой системе поиска этого не было. Да, есть системы глобального поиска по электронным каталогам российских и западных библиотек, но там отражаются книги, а не статьи из журналов. Да, есть в стране такие организации, как ВИНТИ или ИНИОН, которые создают базы по статьям из журналов. Есть Российская книжная палата, где ведется летопись статей. Но все это либо выборочное описание, описание не всех статей из выпусков, либо полное, но по ограниченному кругу научных журналов.

¹ *Паринов С.И.* Новый подход к оценке результатов научно-технической деятельности. – Режим доступа: <http://sparinov.socionet.ru/files/rfsh-einfstrct-rntd.doc>

Теперь, с помощью РИНЦ, провести такой поиск и найти полную информацию – это уже не проблема.

Включение в эту библиографическую базу данных списков приставленной литературы дает новое очень полезное средство навигации по научным публикациям – возможность перехода по ссылкам из этих списков на другие статьи. Можно перейти по ссылке на цитируемую статью, или наоборот, перейти на статью, цитирующую данную, и почитать как минимум ее описание, а может быть, и полный текст, если он есть и доступен. Ну и, наконец, еще одним из побочных результатов проекта является то, что в рамках создания РИНЦ быстро растет и полнотекстовая база данных российской научной периодики. Уже сейчас из 1500 обрабатываемых в РИНЦ журналов более половины доступно в полнотекстовом виде в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU¹. Еще пару лет назад было проще найти перевод статьи в англоязычной версии журналов академического издательства “Наука”, чем российский оригинал этой статьи в электронном виде. Теперь эти журналы на русском языке тоже стали доступны для российских ученых»².

Сотрудники Вычислительного центра РАН им. А.А. Дородницына, участвовавшие в разработке другого проекта по интеграции ресурсов академической науки в рамках Единого научного информационного пространства (ЕНИП), аргументируют его интегративную нацеленность, обращаясь к потребностям управления наукой: «Огромную роль в ускорении оборота научного знания сыграл Интернет. Начавшись с (как уже теперь кажется простого) доступа к текстам по ссылкам, Интернет превратился во всеобъемлющую интегрированную среду, где уже основную роль играет информация, извлекаемая из разного рода информационных источников (баз данных). В связи с этим возникает целый ряд серьезных проблем, связанных с интегрированностью этой информации (под интегрированностью мы здесь имеем в виду обеспечение связанности информации, предоставляемой пользователю). В этом отношении характерно использование различного рода поисковых средств: они индексируют невероятно большое количество информации и на запрос пользователя также выдают тысячи страниц информации. Но обеспечить выдачу связанной информации они не

¹ Режим доступа: <http://elibrary.ru/defaultx.asp>

² Режим доступа: <http://www.polit.ru/science/2009/01/26/rints.html>

в состоянии, поскольку основываются на анализе несвязанных текстов.

С этой точки зрения сужение всего пространства рассматриваемой информации, а еще лучше, и сужение круга пользователей предоставляет возможность более точной спецификации информации и, следовательно, более качественного обслуживания. Именно на основе этих общих рассуждений сформировалось предложение о создании Единого научного информационного пространства РАН, т.е. информационного пространства, с одной стороны, ориентированного прежде всего на научного сотрудника РАН как потребителя, а с другой – ограниченного информацией, порождаемой и циркулирующей прежде всего в РАН. Это ограничение позволяет более точно специфицировать информацию, обеспечить ее интегрированность.

Для этого в РАН уже имеются существенные предпосылки:

- накопившийся огромный объем научной информации в электронном виде в различных отраслях науки;

- осознанная потребность научных сотрудников в необходимости как поиска качественной информации, так и в выставлении собственной информации в Сеть;

- осознанная потребность научных сотрудников в необходимости приведения имеющихся у них накопившихся массивов унаследованной информации к каким-либо стандартам (желательно международным);

- осознание административным уровнем управления наукой в РАН критической необходимости наведения информационного порядка в РАН как организации для сохранения возможности управления.

Все это привело к тому, что на протяжении ряда последних лет в РАН ведутся работы по формированию, то есть разработке концепции и ее реализации, Единого научного информационного пространства РАН (ЕНИП РАН), призванного обеспечить перечисленные выше требования к информационному обеспечению науки.

Информационные системы научных учреждений отличаются огромные объемы и низкая структурированность данных, распределенный характер, неоднородность, независимость и разные условия сопровождения, управления и политики доступа к информационным источникам и сервисам. При этом возникают вопросы информационной совместимости, которые принято делить на уровни, а

именно техническая интероперабельность, синтаксическая интероперабельность, семантическая интероперабельность»¹.

Тот же интеграционный пафос, по сути, характерен и для осуществляемой в рамках проекта Соционет концепции онлайн-вой научной инфраструктуры для открытой науки (e-science): «Глядя на бурное развитие (пока не в России, а на Западе) научных открытых архивов и институтских репозиториях, возникает законный вопрос: какую дополнительную выгоду может получить научное сообщество, если все эти локальные источники данных и онлайн-овых сервисов будут интегрированы в общую систему, сохраняя свою независимость и определенную автономность? Очевидно, что такая интегрирующая система должна иметь вид инфраструктуры и называться, например, “онлайн-овая научная инфраструктура”»².

Важной частью информационной среды и информационного пространства науки является информационное библиотечное и аналитическое обеспечение. Специалисты, работающие в этих областях, в большинстве своем осознают, что использование ресурсов и коммуникационных возможностей Интернета открывает путь к формированию единого информационно-библиотечного пространства и является стратегическим направлением развития для академических централизованных библиотечных систем, входящих сейчас в Информационно-библиотечную систему РАН³.

К числу первоочередных задач в данной сфере могут быть отнесены: формирование единого электронного информационно-библиотечного поля академических библиотек, а также других библиотек, образующих вместе единые библиотечно-территориальные комплексы; развитие электронного взаимодействия традиционных библиотек и библиотек с разнородными информационными ресурсами (традиционными и электронными); создание распределенных библиотек в электронной среде⁴; формирование информа-

¹ Информационная Web-система «Научный институт» на платформе ЕНИП / Бездушный А.А., Бездушный А.Н., Нестеренко А.К., Серебряков В.А., Сысоев Т.М., Теймуразов К.Б., Филиппов В.И. – М.: Вычислительный центр им. А.А. Дородницына РАН, 2007. – С. 8. – Режим доступа: <http://enip.ras.ru/public/platform.doc>

² Режим доступа: <http://elementy.ru/blogs/users/sparinov/>

³ Лаврик О.П. Академическая библиотека в современной информационной среде. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2003. – С. 116.

⁴ Там же.

ционно-интеллектуального пространства для кооперации научных библиотек и их превращение в единый национальный научно-информационный центр с объединенным ресурсом¹.

При этом многие представители российских академических библиотек рассматривают национальное информационно-библиотечное пространство как часть более широкой информационной общности (например Библиотечной ассамблеи Евразии / БАЕ) и подчеркивают связь этого интеграционного процесса с приоритетами вхождения в постиндустриальный, информационный этап развития общества².

Сложность интеграции такого комплексного системного явления, как академические библиотеки, связана с рядом исторически обусловленных территориальных и организационных факторов, которые существенно повлияли и на систему информационного и научно-библиотечного обеспечения академических научно-исследовательских учреждений. Становление системы информационного обеспечения РАН отражено в ряде изданий, в которых прослеживается историческая линия ее развития, в том числе основные вехи, определившие сегодняшние диспозиции в информационном пространстве отечественной науки³. К числу последних, в частности, относятся процессы автоматизации (1960–1980-е годы), создание единой общегосударственной системы научно-технической информации (ГСНТИ), осуществление ряда других информационных инициатив и проектов.

¹ *Горовой В.Н.* Социальные информационные базы в процессе формирования общества, основанного на знаниях // Библиотеки национальных академий наук: Проблемы функционирования, тенденции развития: Науч.-практ. и теорет. сб. / Под ред. А.С. Онищенко и др. – Вып. 4. – Киев: НБУВ, 2006. – С. 23.

² *Никанорова Е.В.* Формирование единого информационно-интеллектуального пространства: Проблемы и перспективы // Там же. – С. 5.

³ См., например: 90 лет служения науке: К 90-летию Фундаментальной библиотеки общественных наук и 40-летию Института научной информации по общественным наукам РАН: Сб. ст. – М.: ИНИОН, 2009; *Бачалдин Б.Н.* Фрагменты памяти. – М.: Пашков дом, 2006; *Виноградов В.А.* Мой XX век: Воспоминания. – М.: Калан, 2003; *Виноградов В.А.* Проблемы информационной деятельности в области социального и гуманитарного знания: 30 лет в ИНИОН РАН (1972–2001): Статьи и доклады. – М.: ИНИОН, 2001. – 320 с.; *Лаврик О.П.* Академическая библиотека в современной информационной среде. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2003; *Чёрный А.И.* Всероссийский институт научной и технической информации: 50 лет служения науке. – М.: ВИНТИ, 2005.

Наряду с интеграционными тенденциями в информационном пространстве отечественной науки действуют факторы, направленные, скорее, на его дезинтеграцию. Как уже отмечалось, современное информационное пространство отечественной науки состоит из отдельных проектов, в нем преобладают групповые, зачастую корпоративно-коммерческие интересы. Ситуация усугубляется несовершенством правовой базы (проблемы авторского права, устарелость и фрагментарность многих нормативных актов информационного законодательства и т.д.). Все это наводит на мысль о том, что создание интегрированной системы научных баз данных разного типа отнюдь не предопределено, и вполне вероятно, что научный Интернет и в дальнейшем будет развиваться благодаря деятельности ограниченного круга исследователей.

Научное информационное пространство не может представлять собой обособленное целое с четкой организационной маркировкой проектов еще и по той причине, что оно граничит с дисперсной средой, состоящей из различных сайтов, порталов, блогов, электронных медиа, где задействованы академические научные кадры и контент. Таким образом, происходит постоянный перелив интеллектуального капитала в более коммуникационно открытую среду.

Среди факторов, препятствующих интеграции, можно также назвать неоднородность научных информационных ресурсов, их связи с внешним экспертным сообществом, комплекс проблем правового регулирования информационной деятельности, социокультурные факторы, влияющие на информационную культуру и традиции общества¹. Следует учитывать и многообразие научных дискурсов, отражающее различия между научными школами и их институциональной закрепленностью. Существенную роль играют элементы конкуренции между осуществляемыми на основе грантового финансирования проектами, использующими однотипный на-

¹«Конечно, к 90-м годам в развитии сетей связи общего пользования СССР очень сильно отставал от передовых зарубежных стран. Да, закрыв “железный занавес”, государство не смогло воспроизвести в стране “кремниевую долину” и не хотело распространять новые информационные технологии для широких кругов населения. А вот услуги Интернета были реализованы для КГБ уже в 1984 г. Неплохие сети ПД строились и для Министерства обороны СССР...» См.: Информационные технологии в Глобальной информационной инфраструктуре / Барабаш П.А., Воробьев С.П., Курносков В.И., Советов Б.Я. – СПб.: Наука, 2008. – С. 90.

учный контент, являющийся юридической собственностью Академии в целом. Соприкосновение российской науки и рынка, проникновение коммерческих интересов и отношений в сферу производства знания неизбежно отражается и на процессах, происходящих в информационной оболочке науки.

В целом, состояние информационного пространства науки сейчас таково, что его быстрый технологический рост и разнонаправленность происходящих в нем процессов неизбежно приведут к провалу любой программы централизованного регулирования. Но есть трудности и совсем другого, более глубинного уровня, связанные с закономерностями развития информационной среды и ростом экономики знаний. Прогнозирование негативных социальных последствий развития информационного общества должно опираться в первую очередь на изучение процессов в информационной экономике. На основе анализа этих данных могут быть построены комплексные модели негативных социальных воздействий процессов информатизации. Их использование как части теоретического инструментария при проектировании интегрированного научно-информационного пространства даст возможность спрогнозировать проявление в этом пространстве тех противоречий, которые уже обнаружили себя в сфере информационной экономики.

Насыщение жизни постиндустриального общества информационными технологиями, с одной стороны, одновременно дает экономике новые рыночные возможности и сверхвысокие скорости, невиданную прежде мобильность, но с другой стороны, делает ее все в возрастающей степени «информационно уязвимой». Степень этой уязвимости столь высока, что характерной особенностью современной экономики становится «информационная асимметрия», то есть фактическое неравенство конкурентных возможностей и информационных потенциалов участников рынка. В конечном итоге в рамках информационной экономики ускорение движения и оборота финансового капитала порождает серьезные социально-экономические противоречия, приводя, в частности, к более высоким темпам роста инфляции¹.

Представления об «информационной асимметрии» в условиях информационно перенасыщенной среды могут быть спроецированы и на сферу интегрированного информационного пространства

¹ *Роговский Е.А.* США: Информационное общество (экономика и политика). – М.: Международные отношения, 2008. – С. 356.

науки. Хотя такое проецирование должно стать результатом длительной аналитической работы, уже сейчас можно отметить ряд интересных аналогий. Таковы, в частности, «контрактный оппортунизм» (термин, применяемый для оценки сделки, в которой дополнительная выгода достанется тому, кто, опираясь на свое информационное преобладание, опередил партнера в использовании информации о предмете сделки)¹ и проблема «безбилетника» (free-rider). В последнем случае речь идет о ситуации, когда сотрудничество и успешный обмен информацией и опытом могли бы дать возможность координировать какой-либо вид экономической деятельности на национальном и международном уровнях. Но в реальности некоторые фирмы боятся потерять конкурентные преимущества, предоставляя полную информацию о себе. В результате они предоставляют неполную или недостоверную информацию, хотя при этом пользуются в собственных интересах информацией, предоставленной другими фирмами². Говорить о проявлениях подобных негативных эффектов по отношению к интегрированному информационному пространству науки можно, например, в ситуации, когда академический работник, участвуя в коммерческих проектах, использует интеллектуальные навыки и интеллектуальный капитал, которым он обязан своей основной научной деятельности. Занимаясь этой деятельностью, он не фиксирует в общей информационной базе результаты своей работы в рамках коммерческих проектов, но в то же время использует данные, представленные другими членами научного сообщества.

На фоне потрясений, во многом обусловленных негативными последствиями и серьезными противоречиями развития насыщенной и сверхмобильной информационной среды, Россия оказалась в парадоксальном положении. С одной стороны, наша страна не прошла значительной части того экономического и технологического пути, которой прошли США и другие индустриально развитые страны мира. С другой стороны, она оказалась в роли наблюдателя чужого опыта – позиция, которая имеет свои преимущества, в том числе и для представителей российской науки. По крайней мере, наблюдатель имеет шанс в будущем избежать ошибок тех, за кем он наблюдает.

¹ *Роговский Е.А.* США: Информационное общество (экономика и политика). – М.: Международные отношения, 2008. – С. 356–358.

² *Gordon L.A., Loeb M.P.* Managing cybersecurity resources: A cost-benefit analysis. – N.Y.: McGraw-Hill, 2006.

Для отечественной академической науки (конечно, далеко не только для нее одной) появляется возможность пересмотреть собственную стратегию поведения в новых условиях формирования глобальной информационной инфраструктуры. Безусловно, этот пересмотр стратегии должен происходить на фоне и в тесной связи с ожидающими саму науку фундаментальными институционально-организационными и эпистемологическими изменениями, обусловленными общими процессами становления общества знания.

РЕФЕРАТЫ

КРАТКИЙ ОБЗОР ВСЕМИРНОГО ДОКЛАДА ЮНЕСКО «К ОБЩЕСТВАМ ЗНАНИЯ» (2005)

К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. – Париж: ЮНЕСКО, 2005. – С. 26–28: Краткий обзор. – Режим доступа: <http://www.ifap.ru/library/book042.pdf>

На каких основах может быть построено всемирное общество знания, которое стало бы источником развития для всех, в особенности для наименее развитых стран? Поиску ответа на этот вопрос посвящена **глава 1**, носящая название **«От информационного общества к обществам знания»**. В ней подчеркивается необходимость укрепления двух главных опор мирового информационного общества – доступа к информации и свободы выражения, пока еще гарантированных весьма неравномерно. Принципы построения информационного общества и общества знания не могут сводиться только к технологическим инновациям. В самом деле, разве неравенство в доступе к источникам информации, контенту и информационной инфраструктуре не ставит под вопрос подлинно всемирный характер информационного общества и, как следствие, становление обществ знания? Наше время становится ареной преобразований и столь мощных и кардинальных перемен, что кое-кто даже утверждает, что мы переживаем третью промышленную революцию – революцию новых информационных и коммуникационных технологий, сопровождающуюся изменением самой организации и функционирования знаний. Размах, который приобрели эти технологические преобразования за последние десятилетия, коснулся средств создания, передачи и обработки знаний, что позволяет думать, что мы стоим на пороге новой эры – эры цифрового знания.

Глава 2 под названием **«Сетевые общества, знания и новые технологии»** посвящена рассмотрению этих изменений и их последствий. В центре происходящих изменений стоит экономика,

основанная на знаниях и создании нематериальных ценностей, а также влияние новейших технологий на «сетевые» сообщества. Кроме того, возможно, что новый подход к сохранению знаний свидетельствует о том, что мы совершаем переход от обществ памяти к обществам знания.

В главе 3 «Обучающиеся общества» показано, насколько в области образования и воспитания эти перемены способствовали перемещению интереса от «хранителей» к «соискателям» знания – и не только в рамках официальных образовательных структур, но и в сфере профессиональной деятельности и неформального образования, где важная роль принадлежит прессе и средствам аудиовизуальной информации. Сегодня, когда новые «скоростные» модели все больше теснят и обесценивают старые, а «обучение в процессе деятельности» («learning by doing») и способность к новаторству приобретают все более важное значение, динамика познания становится приоритетной для наших обществ. Институт «ученичества» вышел далеко за рамки мира собственно образования, распространившись на все уровни экономической и общественной жизни. Становится все более очевидным, что любая организация – коммерческого или некоммерческого характера – должна укреплять именно свое «обучающее измерение». Поэтому должно становиться все больше мест для получения знаний как в странах Севера, так и в странах Юга.

Глава 4 «К образованию для всех на протяжении всей жизни» посвящена рассмотрению роли этой новой динамики развития в реализации всемирно провозглашенного права на образование. Всеобщее базовое образование остается абсолютным приоритетом. Однако образование для взрослых, которое может показаться не столь актуальным для стран, где потребности в базовом образовании далеко еще не удовлетворены, приобрело просто-таки решающее значение и стало важнейшим условием развития. Так, ответом на растущую нестабильность рынка труда, прогнозируемую большинством экспертов, может стать концепция образования в течение всей жизни. В то же время необходимо иметь в виду все более ощутимые последствия приватизации образовательных услуг, особенно заметной в сфере высшего образования и начинающей распространяться и на другие образовательные уровни. Всеобщее школьное образование и соответствующее предложение образовательных услуг сами по себе не способны обеспечить эффективность и успех такого образования, которые в не меньшей

мере зависят от уровня его качества. Некоторые факторы качества образования выявлены уже давно. Это соотношение между числом учеников и учителей, подготовка преподавателей, качество инфраструктуры, технических средств обучения и учебных материалов, которыми пользуются учащиеся и преподаватели. Эти факторы напрямую зависят от размеров финансирования образования, в частности со стороны государства.

В главе 5 «**Будущее высшего образования**», в которой основное внимание уделяется вопросам образования и профессиональной подготовки, рассматривается, в частности, та фундаментальная роль, которую призваны сыграть в становлении общества знания высшие учебные заведения, столкнувшиеся с беспрецедентным по глубине и размаху процессом смены классических схем создания, распространения и применения знаний. Если по мере дальнейшего прогресса знаний возрастает и многообразие предоставляемых образовательных услуг, то массовый характер, который приобретает высшее образование, влечет за собой дополнительную нагрузку на бюджет государств. Все большее число учебных заведений начинают использовать другие источники финансирования, в том числе частные. Таким образом, в сложном переплетении государственных и частных учебных заведений больше не существует единой модели университета. И если не предпринять целенаправленных усилий, то страны, не имеющие давних университетских традиций, рискуют почувствовать на себе все негативные последствия этого явления, сопровождающегося появлением настоящего рынка высшего образования. Для обеспечения качества и современного уровня вновь возникающих высших учебных заведений требуется укреплять международное сотрудничество в этой области.

В главе 6 «**Революция в науке?**» особо подчеркивается важное значение науки и технологий. Действительно, сама идея общества знания во многом обязана своим возникновением новейшим достижениям науки. В настоящее время наблюдаются глубокие перемены как в отношении субъектов, действующих в этой сфере, так и в отношении научных учреждений и организаций. С учетом возрастания роли рынка в области научных исследований необходимо совместными усилиями ученых, экономистов и политиков создать новые системы исследований и инноваций, которые способствовали бы устойчивому развитию и плодами которых могли бы воспользоваться все жители планеты, как в странах Севера, так и в странах Юга. Перспективным путем решения этой пробле-

мы могла бы стать модель совместного использования знания, например на основе совместных лабораторий. Только при этих условиях наука и технология смогут внести свой вклад в построение общества знания, основанных на вовлечении и участии самых широких масс.

В главе 7 под названием **«Наука, общественность и общества знания»** подчеркивается роль общественности в современной дискуссии о тех благах и рисках, которые несет с собой применение новейших технологий и других достижений науки, в частности в области биотехнологий и нанотехнологий. Действительно, в определении направлений развития науки и технологий огромная роль принадлежит экономическим и социальным факторам. Кроме того, растущее присутствие в нашей жизни науки и технологий вызывает все более бурные этические и политические споры, особенно если дело касается таких проблем, как обеспечение продуктами питания, демография и состояние окружающей среды. Научно-техническое развитие теперь во многом зависит от чувства ответственности вовлеченных в него лиц, в первую очередь ученых, но также и тех, кто наделен правом принятия решений, как в государственной, так и в частной сферах деятельности. Новые условия требуют пересмотра существующих норм и предполагают развитие нравственного сознания ученых, а также более широкое информирование общественности по научным вопросам. Вот почему такое значение приобретает создание комитетов по этике, преподавательская и просветительская деятельность, осуществляющаяся путем умелого освещения достижений науки и технологий в средствах массовой информации.

Глава 8 «Риски и гуманитарная безопасность в обществах знания» посвящена проблеме возникновения так называемого «общества риска». Широкий доступ большого числа лиц к познавательным ресурсам сулит немало выгод. Но в то же время он чреват риском появления непредвиденных опасностей и непоправимых вредных последствий. Но ведь само успешное становление общества знания и является одним из наиболее эффективных инструментов, способных справиться с этим неведомым прежде осложнением. Есть ли основания надеяться, что при возрастании рисков именно адекватное управление знанием позволит освободиться от страха и неблагоприятия и уменьшить фактор непредсказуемости, сопровождающий становление любого сложно устроенного общества?

Но может быть, развитие обществ знания будет сопровождаться усилением нынешней тенденции к нивелированию культур? В главе 9, озаглавленной «**Местные и автохтонные знания, лингвистическое разнообразие и общества знания**», рассматривается этот парадокс. Казалось бы, о каком расцвете обществ знания можно говорить, если во всех регионах мира идет процесс исчезновения языков, забвения традиций, маргинализации, а затем и утраты наследия уязвимых культур? Но рассуждая об обществах знания, необходимо уточнить, о каком именно знании идет речь. Создается впечатление, что часто под этим выражением понимают исключительно научно-техническое знание, главным образом сконцентрированное в промышленно развитых странах мира. Но ведь существуют еще и «местные» знания, накопленные населением отдельных стран – так сказать, автохтонные или «туземные» знания. Еще один вызов культурного разнообразия заключается в многоязычии, которое существенно облегчает доступ к знаниям, особенно в школьной среде. Анализируя перспективы становления обществ знания, ни в коем случае нельзя отказываться от размышлений о дальнейшей судьбе языкового многообразия и создании средств для его сохранения. В противном случае нам грозит стандартизация и поголовное «форматирование» под единый шаблон как следствие информационной революции. Общества знания должны быть готовы к диалогу, всемерному распространению знания и переводу информации с языка на язык, что позволит создать общее пространство, в котором сохранится и взаимно обогатится все многообразие культур.

Наконец, глава 10 «**От доступа к участию – к обществам знания для всех**» указывает на важность новой концепции знания, которое должно перестать быть фактором исключительности, как это нередко наблюдалось в прошлом, и, напротив, способствовать полноправному участию в нем всех членов общества. Между тем в современном мире продолжает существовать асимметрия в области знания (информационно-цифровой разрыв, научный разрыв, массовая неграмотность в странах Юга, «утечка мозгов» и т.д.). Одновременное действие всех этих факторов ведет к возникновению настоящего когнитивного разрыва. Этот разрыв, одним из ярчайших проявлений которого служит гендерное неравенство, свидетельствует о том, что внутри обществ знания сохраняется потенциальная опасность дискриминации. Она проявится, если становление обществ знания будет сведено к всемерному развитию экономики,

основанной на узкой специализации, или чисто информационного общества. Без широкого распространения новой этики, основанной на идее совместного владения знаниями и сотрудничества, тенденция наиболее развитых стран к превращению своего прогресса в капитал грозит лишить беднейшие страны первостепенных благ, связанных, например, с новейшими познаниями в области медицины и агротехники, следствием чего станет создание среды, отнюдь не благоприятствующей расцвету познания. Следовательно, необходимо найти определенное равновесие между защитой интеллектуальной собственности и широким продвижением знаний. Всеобщий доступ к знанию должен стать основой перехода к обществам знания.

Б. Крингс

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ОБЩЕСТВА,
ОСНОВАННОГО НА ЗНАНИИ: ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ,
ФАКТЫ И ТОЧКИ ЗРЕНИЯ¹**

Krings B.

The sociological perspective on the knowledge-based society: Assumptions, facts and visions // Enterprise & work innovation studies. – Monte de Caparica, 2006. – N 2. – P. 9–20.

Научный сотрудник Института оценки техники и системного анализа Исследовательского центра «Техника и окружающая среда» (г. Карлсруэ, Германия) Беттина Крингс в своей статье анализирует социологические аспекты концепции общества, основанного на знании (knowledge-based society). В 1960-х годах в дискуссиях об индустриальном обществе наметилось парадигмальное изменение, результатом которого стало формирование представлений об обществе, основанном на знании. Некоторые известные авторы уже в то время указывали на «знание» как на основной фактор, способный прийти на смену таким движущим силам капиталистического развития, как «труд» и «капитал». Сегодня на политическом уровне, а нередко – и в научных дискуссиях высказываются суждения о

¹ Реферат подготовлен в рамках исследовательского проекта «Концепция “общества знания”: Сущность и философско-методологические перспективы», осуществляемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-03-00307 а).

том, что мы уже живем в обществе, основанном на знании. При этом происходит явная девальвация термина «знание», который теперь может означать едва ли не все, что угодно. В то же время, подчеркивает Крингс, мы до сих пор не имеем разработанной теории общества, основанного на знании. Существует также серьезный методологический пробел в том, что касается эмпирических индикаторов, на основании которых можно было бы определить, по крайней мере, западные общества как общества, основанные на знании.

Автор статьи считает необходимым придерживаться более аккуратной трактовки понятия «знание» и анализировать дискуссии о «знании» на трех уровнях – макросоциальном, уровне организаций и индивидуальном уровне. На каждом из этих уровней интерпретации «знания» претерпевают существенные изменения. Впервые термин «общество знания» был использован в 1966 г. американским политологом Р. Лэйном в качестве аргумента в пользу экспертной поддержки процесса принятия социально значимых политических решений. В духе технократического оптимизма того времени Лэйн требовал систематического взаимодействия научного знания и политической практики. Д. Белл в «Конце идеологии», а затем и в «Грядущем постиндустриальном обществе» предложил иной уровень концептуализации, указав на конституирующую роль информации / знания в становлении качественно новой социальной системы.

Н. Штер уже в начале 1990-х годов предложил новую версию концепции «общества знания». В отличие от Белла, он акцентирует роль знания как предпосылки социального действия. Штера интересуют уже не столько технологические аспекты, сколько содержание знания, влияние новых медиа на положение индивида, возникающие в связи с этим проблемы солидарности и власти. Штер показывает, что усиливающееся проникновение знания на все уровни социальной организации приводит к растущему спросу на квалифицированных специалистов. При этом развитие знания может быть основой как для новых форм неравенства и социальных конфликтов, так и для социальной солидарности. Однако, по мнению Крингс, слабостью концепции Штера является то, что и он применительно к обществу, основанному на знаниях, не предлагает систематической разработки проблем социальных изменений. Этим недостатком страдают и построения, акцентирующие такие аспекты общества, основанного на знании, как усиление роли экспертов

во всех значимых сферах социальной жизни, специфическое воздействие информационных технологий, связь с экономической глобализацией и т.д.

Так, влияние информационных технологий, анализу социальных последствий которых большое значение придавал еще Д. Белл, зачастую рассматривается с позиций технологического детерминизма. Например, в официальном документе Федерального министерства образования и науки Германии эта позиция выражена следующим образом: «Благодаря информационным технологиям каждые пять лет происходит удвоение глобального знания; только половина этого знания оказывается востребованной и, следовательно, имеющей ценность. Ежедневно на свет появляются 20 000 публикаций по всему миру, а мир никогда прежде не имел такого количества научных работников, производящих знание. Знание может рассматриваться как единственный ресурс, который способен воспроизводиться бесконечно»¹.

Еще большее значение информационно-технологической компоненте производства знания придает М. Кастельс. Он видит в информационных технологиях важнейший фактор социальных изменений. Развитие Интернета привело к новому типу разделения труда в секторе услуг и в целом к структурным изменениям на глобальном рынке труда. В связи с этим происходят и существенные изменения в мировой торговле, хотя и не столь масштабные, как полагает Кастельс. Основная тенденция здесь состоит в интенсификации торговых связей между экономическими гигантами – США, Европейским союзом и странами Восточной Азии. В то же время многие страны мира остаются в стороне от нового способа производства, основой которого являются технические инновации. По этой причине следует с большой осторожностью говорить о глобальном характере обществ, основанных на знаниях.

Разумеется, нельзя недооценивать растущую роль знания в процессе организации труда. В последнем десятилетии XX в. крупные и средние компании осуществили реорганизацию своей деятельности на основе технических инноваций и дальнейшей стандартизации производственных процессов. В результате сегодня уровень затрат на исследования и разработки, маркетинг, дизайн и т.д. во многих случаях значительно превышает фактические ма-

¹ *Bittlingmeyer U.H. Wissensgesellschaft als Wille und Vorstellung. – Konstanz: UVK, 2005. – S. 57.*

териальные затраты на производство соответствующего продукта. Например, в автомобильной промышленности затраты на маркетинг и менеджмент составляют 18–20% стоимости автомобиля среднего класса. Нарастание этих тенденций дает основания говорить об экономике, основанной на знании.

В экономике, основанной на знании, значение таких «символических» составляющих, как исследования, маркетинг, производственный менеджмент и т.п., оказывается намного большим, чем «материальный» базис процесса производства. В связи с этим Роберт Райх использует термин «символические рабочие». Данная категория трудящихся, согласно Райху, преобразует реальность в абстрактные образы, которыми можно различным образом манипулировать и которые затем вновь могут быть трансформированы в реальность. Райх выделяет три основных вида экономической активности, базирующейся на знании:

- 1) производственное знание (исследования и разработки, инновации и маркетинг);
- 2) целеустанавливающее (targeting) знание (администрация, менеджмент, организационная деятельность);
- 3) ориентирующее знание (консалтинг, контроль, координация)¹.

Автор отмечает, что наряду с методологическими и эмпирическими трудностями, связанными с классификацией Райха, остается вопрос, в самом ли деле имеет место сдвиг от индустриального общества к постиндустриальному и – тем более – к обществу, основанному на знании. Ведь еще Карл Маркс показал, что абстрактный характер труда является важнейшей характеристикой индустриализации. Поэтому углубленный анализ роли «знания» в новом способе производства и в новых паттернах международного разделения труда нуждается в четком теоретическом обосновании. Не вызывает сомнений ключевая роль знания как индикатора дальнейших процессов стандартизации, документации, распределения, а также реорганизации информации. Однако технические процессы не следует отождествлять с социальным и культурным развитием. «Знание», соответственно, не должно противопоставляться классическим движущим силам экономического развития – «труду и ка-

¹ Reich R. The work of nations: Preparing ourselves for 21st century capitalism. – N.Y.: Simon & Schuster, 1991. – P. 178.

питалу», но должно рассматриваться как важный результат технических и социальных инноваций.

Осуществленное М. Полани различие имплицитного (личностного, «personal», «tacit») и эксплицитного (формального и документированного, «explicit») знания¹ имеет большое значение для анализа роли знания на уровне организаций. В рамках представлений об обществе, основанном на знании, качественно новая роль организаций должна состоять в содействии трансформации имплицитного знания в эксплицитное. Согласно немецкому социологу Х. Вильке, институциональное знание можно определить как независимую от индивида, анонимную систему правил, действующих в соответствующей организации. Эта система включает в себя традиции фирмы, специфическую организационную культуру, устойчивые операционные процедуры, директивы, описания рабочих процессов, базы данных и т.д. Таким образом, каждая фирма формирует свой собственный контекст организационного опыта, который усваивается в процессе взаимного обучения ее сотрудников. Менеджмент знаний приобретает решающее значение в сетевых организациях (в частности в секторе информационных технологий), где трудовые процессы и функции распределены во времени и пространстве. Тем не менее социология организаций показывает, что сохраняется разрыв в теоретическом осмыслении тесных взаимосвязей между личностным и организационным знанием. Как подчеркивает Вильке, идея «интеллектуальной организации» может быть наполнена содержанием только тогда, когда «коллективному разуму» организаций будет уделяться столько же внимания, сколько и личностному знанию².

Актуальной проблемой является феномен когнитивного труда (knowledge work). Гибкость становится основной характеристикой таких важнейших аспектов трудовых отношений, как рабочее время, организация труда на индивидуальном уровне, уровень занятости, квалификационные требования. В этих условиях происходит расширение самостоятельности и ответственности работника при одновременном росте интенсивности труда. Выявляется строгая зависимость между интенсивностью труда и внедрением новых технологий, в первую очередь информационных.

¹ Polanyi M. Personal knowledge: Towards a post-critical philosophy. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1958.

² Willke H. Systemisches Wissensmanagement. – Stuttgart: UTB, 2001. – S. 16.

Одним из значимых эффектов когнитивного труда является высокая степень интеграции женщин в так называемую креативную часть сектора информационных технологий. Эта тенденция обусловлена такими факторами, как изменение требований к компетенции работников (повышенный спрос на социальную компетенцию и способность к командной работе), расширение возможностей для проявления творческой инициативы, создание предпосылок совместимости эффективной работы и заботы о семье.

Некоторые авторы идут в своих обобщениях еще дальше, вводя понятие «предприниматель-работник» (*entreplooyee*). Они указывают на качественные изменения в трудовых отношениях, при которых трудящийся становится предпринимателем в отношении собственной рабочей силы. Основными характеристиками такого рода изменений являются: 1) самоконтроль, то есть активное планирование, контроль и мониторинг собственной трудовой деятельности; 2) самокоммерциализация, то есть активное рыночное продвижение своих способностей и потенциала (внутри компании или на рынке труда в целом); 3) саморационализация, то есть организация собственной повседневной жизни и долгосрочных планов в соответствии с интересами компании¹.

Автор, однако, обращает внимание на специфический характер когнитивного труда, на то, что эти тенденции проявляются в секторе услуг, но мало затрагивают традиционные отрасли промышленности и сельского хозяйства. Кроме того, быстрое распространение информационных технологий приводит и к эксклюзивности существенной части рабочей силы – тех, кто не имеет достаточной квалификации и не способен пройти переподготовку. Для углубленного анализа феномена когнитивного труда требуется более тщательная дифференциация по отраслям. Дискуссии последнего десятилетия об особенностях трудовых отношений в отраслях, требующих высококвалифицированной рабочей силы, имеют большое теоретическое и эмпирическое значение. Однако они не являются репрезентативными для рынка труда в целом.

В заключение Б. Крингс отмечает, что термин «общество, основанное на знании», часто используемый как метафора модерна, тем не менее имеет собственную нормативную силу. Не только в

¹ *Flecker J., Papouschek U., Gavroglou S.* New forms of work organisation and flexibility in the knowledge-based society // *The transformation of work in a global economy: Towards a conceptual framework* / Ed. by U. Huws. – Leuven: HIVA-K.U. Leuven, 2006. – P. 51.

политических декларациях, но и в научных дискуссиях «знание» выступает в роли индикатора масштаба и направленности изменений современных обществ. В числе доказательств продвижения к обществу, основанному на знании, обычно называют использование информационных технологий в частных домохозяйствах, реорганизацию глобальной экономики, изменяющиеся паттерны трудовых отношений и свободного времени, рост удельного веса нематериального компонента в стоимости товаров, возрастание роли экспертов в процессе принятия политических решений. Однако популярное предположение о том, что мы имеем дело с переходом от индустриального к постиндустриальному обществу или к обществу, основанному на знании, имеет ограниченную ценность. В настоящее время нет достаточных теоретических и эмпирических оснований говорить о таком стадийном переходе. Для разработки полноценной концепции общества, основанного на знании, как минимум необходимо обеспечить более тесную связь понятия «знание» с другими теоретическими подходами к анализу социальных изменений. А пока имеет смысл прислушаться к соображению Т. Адорно об актуальности ревизии концепции индустриального общества.

Д.В. Ефременко

Дж.Б. Рул, Я. Безен
ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Rule J.B., Besen Y.

The once and future information society // Theory & society. –
Dordrecht, 2008. – Vol. 37, N 4. – P. 317–342.

Джеймс Б. Рул (университет Калифорнии, Беркли, США) и Ясмин Безен (университет Монтоклер, Нью-Джерси, США) в своей работе предпринимают попытку проследить историю возникновения и развития представлений об информационном обществе. Базисной для концепции информационного общества является идея о том, что методы использования и применения информации (особенно научной) приводят к фундаментальным изменениям общественной жизни. Среди предполагаемых изменений чаще всего назы-

вают рост влияния интеллектуалов на общество, растущую производительность труда и благосостояния, являющиеся результатами развития экономики знаний, замещение политических конфликтов процессом принятия решений, основанном на авторитете знания.

Рул и Безен в начале своей статьи отмечают, что информационное общество (далее – ИО) воспринимается ими как эмпирически-релевантная модель. Классическая идея ИО представляет собой концептуализацию серии взаимосвязанных отношений между знанием и информацией, с одной стороны, и ключевыми социальными процессами – с другой. Авторы ставят перед собой задачу проверить достоверность данной гипотезы, оценить ее концептуальную ясность и сопоставить ее с имеющимися фактами.

Рул и Безен начинают с обзора ранних идей о значении информации для развития общества. Они уделяют значительное внимание идеям А. Сен-Симона и его ученика О. Конта. Сопоставляя «социальную ценность» для Франции представителей традиционных феодальных элит и интеллектуалов (ученых, художников, творцов), Сен-Симон пришел к выводу, что потеря интеллектуалов была бы для страны несоизмеримо большим злом. В этом смысле Сен-Симон предвосхитил идею Маркса, который указывал на потерю связи между «суперструктурами» феодального общества и повседневной жизнью новой эпохи. Конт пошел еще дальше, провозгласив, что развитие науки приведет к возникновению своего рода позитивистской религии, которая затмит авторитет и церкви, и государства.

К 1960-м годам ученые, работавшие в различных областях социальных исследований, стали рассматривать ИО как модель, описывающую глубокие социальные изменения в развитых странах мира. Большинство авторов, несмотря на серьезные расхождения в оценках основных характеристик ИО, указывали на более или менее схожий набор признаков формирования информационного общества. Он включал в себя следующие положения и констатации. 1. История развивается стадийно, причем каждая из стадий определяется характерной движущей социальной силой или принципом. Развитые общества перешли на ту стадию, где информация и знания стали играть куда более важную роль, чем прежде. Хронологически началом данного периода может считаться последняя треть XX в. 2. Основная черта нового периода состоит в том, что все большее количество людей вовлечено в производство и использование социально значимой информации. Именно знания и ин-

формация определяют человеческое поведение. 3. В создающемся новом социальном порядке информация и способность правильно ее использовать становятся ключевыми факторами увеличения производительности труда и экономического роста. 4. Изменение публичной политики и власти как таковой. Все меньшее количество решений может быть принято в угоду узким группам интересов. Решения власти должны быть обоснованы наличием соответствующей информации.

Концептуализация этих изменений подчеркивала особое положение интеллектуалов в информационном обществе, так как контроль и интерпретация информации оказывались в их руках. В каком-то смысле это было возвращением к представлениям Дюркгейма о социологах как лекарях социального тела.

Обращаясь к наиболее значительным работам по теории ИО, Рул и Безен подчеркивают особый вклад исследования Ф. Махлупа «Производство и распределение знания в Соединенных Штатах»¹. Махлуп рассматривал знания как отдельный сектор экономики, регулярно оценивая в долларовом эквиваленте стоимость образования, исследований, развития, коммуникаций. Один из ключевых выводов Махлупа заключался в том, что значение связанных со знанием видов экономической активности все более возрастает и все более заметно влияет на рост американской экономики. Именно этот вывод придавал мощный импульс дальнейшим дебатам об информационном обществе.

Во второй половине 1960-х годов политолог Р. Лэйн внес вклад в разработку представлений о новой роли знания в эволюции общества, его институтов и процессов принятия решений². В качестве аргументов он приводил рост влияния на сферу публичной политики гражданских служб, институционализированных экспертных групп и мозговых центров, подобных корпорации РЭНД. Общий вывод Лэйна близок к идее Сен-Симона о том, что политика станет искусством управления не людьми, а вещами. В сущности, Лэйн всего лишь артикулировал широко распространенные в те годы представления об отношениях между экспертным знанием и социальным управлением. С еще более радикальными предложениями в подлинно сен-симонистском духе выступил член прези-

¹ *Machlup F.* The production and distribution of knowledge in the United States. – Princeton: Princeton univ. press, 1962.

² *Lane R.* The decline of politics and ideology in a knowledgeable society // American sociological rev. – N.Y., 1966. – Vol. 31, N 5. – P. 650.

дентского Совета по науке и технике Николас Головин, предложивший в 1969 г. создать новую, четвертую ветвь власти, состоящую из представителей естественных и социальных наук, чья задача должна состоять в разработке стратегии развития страны.

Дальнейшее развитие представления об информационном обществе / обществе знания получили в работах П. Дракера и Д. Белла. Подобно Сен-Симону, Дракер провозглашал начало нового этапа общественной эволюции, основой которого является социально-экономическая роль знания. Становясь производительной силой, знание превращается в ресурс, нарастающее использование которого приводит к возникновению «посткапиталистического» общества. Это общество будет отличаться новой динамикой социально-экономических и политических отношений¹. При этом Дракер подчеркивал, что под знанием он имеет в виду информацию в действии, то есть информацию, ориентированную на достижение практического результата.

Развивая далее эти идеи, Д. Белл в «Грядущем постиндустриальном обществе» писал о том, что «постиндустриальное общество, заинтересованное в контроле над нововведениями и эскалации перемен, складывается вокруг знания, что, в свою очередь, порождает новые общественные отношения и новые структуры»². При этом качественно меняется не только общество, но и само знание. На первый план выходит теоретическое знание, которое играет важнейшую роль в процессе принятия политических решений и управлении переменами. Как и Сен-Симон, Белл полагает, что интеллектуальная элита, способная оперировать этим знанием, незаменима для развития и процветания нового типа общества.

К 1980-м годам представления об информационном обществе стали настолько популярными, что вышли за пределы академической среды в политическое и медиапространство. По оценке авторов, наиболее сильное влияние на развитие представлений об информационном обществе после Белла оказал М. Кастельс³. Подобно предшественникам, он воспринимает само собой разумеющимся положение о том, что контроль над информацией и технологиями, позволяющими этой информацией манипулировать,

¹ *Drucker P.F.* Post-capitalist society. – N.Y.: Harper, 1993. – P. 45.

² *Bell D.* The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting. – N.Y.: Basic books, 1973. – P. 20.

³ *Castells M.* The rise of the network society // *Castells M.* The information age: Economy, society & culture. – Cambridge (MA): Blackwell, 1996. – Vol. 1. – P. 17.

дает колоссальные преимущества тем, кто ими обладает. Будущее принадлежит тем организациям, которые максимально эффективно используют имеющиеся у них информационные возможности для обеспечения процесса рационального принятия решений.

Рул и Безен продолжают свой анализ рассмотрением доклада М. Пората, который был подготовлен для американского министерства торговли в 1977 г.¹ Порат исследовал влияние информации на экономику страны. Ключевым тезисом Пората является выделение специальностей, основанных на работе с информацией, и специальностей, связанных с преобразованием материи и энергии из одной формы в другую. На основе сложных расчетов Порат пришел к выводу, что в 1967 г. ВВП США на 46% обеспечивался именно «информационной сферой». Столь высокие показатели отчасти явились отражением неточностей методики расчетов Пората. Например, растущая доля занятости в аграрном секторе инженеров, профессиональных агрономов и бухгалтеров, конечно, привнесла в эту отрасль больше «работы с информацией», но сельское хозяйство при этом по-прежнему оставалось сельским хозяйством. По мнению авторов, Порат сильно упростил ситуацию, разделив экономику всего лишь на две сферы – «информационную» и «неинформационную». Он явно недооценивает роль знания в функционировании «неинформационной» сферы; кроме того, он не уделяет должного внимания аналитическому содержанию работы с информацией. Любое социальное действие связано с информацией. Однако разные виды деятельности требуют различных способов обработки и анализа информации.

Для Сен-Симона было важно понять и оценить, что каждый из видов деятельности приносит для общего блага – процветания, решения социальных проблем, эффективного управления и т.д. Очень сложно оценить «полезность» для современного общества таких связанных с информацией профессий, как предсказатели судьбы, сценаристы мыльных опер, дизайнеры видеоигр. Порат это понимает и потому сознательно воздерживается от оценок различных «информационных» профессий. В то же время авторы полностью признают заслугу Пората в том, что он показал динамику роста профессий, в которых стало активнее (или вообще впервые) использоваться знание. Кроме того, Порат указал на еще одну важ-

¹ *Porat M. The information economy: Definition and measurement / US dept. of commerce. – Wash.: US GPO, 1977.*

ную тенденцию: все больший объем информации сохраняется вне пределов человеческого мозга – в книгах, компьютерах, текстах. Работа с информацией становится все более специализированной.

Без сомнения, возникают все новые и новые виды использования информации, но вопрос о том, растут ли объем и качество информации, остается открытым. Как влияет рост информационных потоков на экономику? Со времен Сен-Симона считалось, что вступление в эру знаний положительно скажется на экономике. Но так ли это на самом деле? Существуют ли доказательства того, что во второй половине XX в. ценность информации как продукта приложения труда и капитала несоизмеримо выросла?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо понять, какие именно информационные сферы деятельности особенно привлекательны для инвестиций. Рул и Безен считают, что речь может идти о патентовании, расходах на образование, исследования и разработки и развитие инфраструктуры. Авторы отслеживали ситуацию в США с 1955 г., стремясь найти эмпирическое подтверждение деклараций о переходе к информационному обществу. Задача исследования была проста: понять, есть ли связь между ростом расходов на эти статьи и показателями экономического роста в США в период с 1954 по 2001 г. По оценке авторов, нет убедительных подтверждений связи между ростом инвестиций в эти сферы и ответным повышением производительности труда. Проведенный Рулом и Безен анализ также показал, что вложения в исследования и разработки, инфраструктуру и образование положительно влияют на экономический рост. Патентование не оказывало существенного влияния на экономическое развитие. Для самих авторов осталось загадкой, почему развитие информационных технологий не делает труд человека более продуктивным.

Основной вывод Рула и Безен состоит в том, что информатизация способствовала экономическому росту в период с 1954 по 2001 г., но не оказала существенного влияния на рост производительности труда. Вместе с тем не удалось подтвердить, что с начала 1970-х годов информатизация существенно влияла на экономический рост. Какого-то драматического перелома, свидетельствующего об изменении качества экономики или общества в связи с информатизацией, на рубеже 1970-х годов не произошло.

Еще одной эмпирически релевантной темой, активно обсуждаемой в рамках дискуссий об информационном обществе, является роль теоретического знания. Авторы подчеркивают, что термин

«теоретическое знание» условен и что осуществить четкую демаркацию между теоретическим и практическим знанием невозможно. Тем не менее целые научные институты создаются именно для создания теоретических знаний. Иначе говоря, возрастает ценность образования и теоретической подготовки, выступающих предпосылкой успеха. Авторы приводят пример Джорджа Сороса как финансиста-интеллектуала, который стремится рационально объяснить все свои действия. В то же время Рул и Безен приводят свидетельства людей, лично знающих Сороса, которые утверждают, что он человек эмоциональный и лишь стремится дать рациональное обоснование своим эмоциям.

Кроме того, несмотря на важность теоретического знания, его ценность не абсолютна. Билл Гейтс отказался от завершения образования в Гарварде, но в итоге его компания сделала для информатизации планеты больше, чем кто-либо.

Важно также понять, утверждают Рул и Безен, что информацию можно использовать по-разному, существуют различные «жанры» информационной работы. Например, работа университетских юристов, которые стремятся защитить потребителя путем создания новых законов; или работа специалистов по внешней политике, которые анализируют отчеты дипломатов и данные разведки. Много ли между ними общего и различного? И является ли работа с данной информацией работой с «теоретическим знанием»?

Авторы полагают, что нет достаточных доказательств того, что «чистое» научно-теоретическое знание ценнее для общества или для человека, чем остальные виды знания.

Исследователи обращают внимание на возрастающую роль формального образования в информационном обществе. Но инвестиции в образование в США за последние 30 лет оказались менее эффективными, чем в предыдущий период. Так является ли формальное образование залогом экономической эффективности, задаются вопросом авторы. Исследование Р. Коллинза показало, что всё возрастающие требования к образованию являются не более чем попытками сформировавшихся элит сохранить свои позиции и зафиксировать престижность полученных ими знаний¹. Коллинз утверждает, что большинство навыков, необходимых для работы, приобретается в процессе самой работы.

¹ *Collins R. The credential society. – N.Y.: Academic press, 1979.*

Следует также быть осторожным с утверждением о том, что появление на рабочем месте компьютера и других информационных устройств позволяет серьезно увеличить эффективность труда. В исследовании Дж. Динардо и Й.-Ш. Пишке¹ доказано, что работа с компьютером положительно сказывается на размере оплаты труда, точно так же, как и работа с ручками, карандашами, калькуляторами и т.д. В любом случае, полагают Рул и Безен, необходимо более тщательно исследовать эмпирический материал и то, как он соотносится с довольно расплывчатой теорией информационного общества.

Вновь обращаясь к наследию Сен-Симона, авторы напоминают, что, по его убеждению, знания и информация приведут к исчезновению иррациональных социальных иерархий. Некоторые современные ученые также придерживаются этой концепции. Начиная с Лэйна они высказывают предположения о том, что любые формы власти, не имеющие отношения к знанию, рано или поздно будут вытеснены политическими отношениями, базирующимися на информации.

Предполагалось, что и в бизнесе произойдет то же самое. Поскольку бизнес-сообщество – очень конкурентная среда, активное проникновение информационных технологий должно способствовать большей гибкости и рационализации структуры компаний. Однако не все так однозначно. В работе Д.М. Гордона под названием «Жирный и скупой»² показано, что доминирующей тенденцией в американском бизнесе 1980-х – начала 1990-х годов был рост вертикальных структур, то есть иерархий. Гордон не стремился сфокусировать свое исследование на влиянии информационных технологий на бизнес. Тем не менее он представил данные, согласно которым с 1950 г. в американском бизнесе отмечался неуклонный рост количества специалистов, ответственных за проверку и надзор за тем, как работают другие сотрудники соответствующей фирмы. Возможно, в 1989 г. слой проверяющих был более всего развит именно в США, особенно по сравнению с конкурирующими экономиками.

Интересным феноменом является рост числа компаний, производящих стандартизированную продукцию или услуги в разных странах мира, – Макдоналдс, Старбакс, Гэп и т.д. Свобода и твор-

¹ DiNardo J., Pischke J.-S. The returns to computer use revised: Have pencils changed the wage structures too? // Quarterly j. of economics. – Cambridge (MA), 1997. – Vol. 112, N 1. – P. 291.

² Gordon D.M. Fat and mean: The corporate squeeze of working Americans and the myth of managerial «downsizing». – N.Y.: Free press, 1996.

ческий подход в аналитическом мышлении рядового персонала почти отсутствуют, но при этом топ-менеджеры, благодаря использованию информационных технологий, успешно управляют огромной структурой компании, почти не отвлекаясь на другие факторы, в том числе на нижестоящих сотрудников.

Авторы завершают свою работу оценкой влияния информации на сферу публичной политики. Они сомневаются в том, что всевозрастающих объемов информации будет достаточно для решения социальных конфликтов. Рул и Безен также не уверены в том, что основной причиной социальных конфликтов являются нехватка информации и непонимание сторон. Нельзя игнорировать и тот факт, что сама информация становится оружием конфликтующих сторон, каждая из которых привлекает своих экспертов и пытается убедить общественность в правильности именно своего взгляда на решение проблемы.

Авторы считают, что в конце XX в. популярность классических моделей информационного общества достигла своего апогея. По их мнению, эти идеи еще будут востребованы и в новом столетии, хотя и с некоторыми модификациями. Они очень привлекательны для интеллектуалов, поскольку именно в информационном обществе интеллектуалы могут быть направляющей элитой. Однако эмпирическое подтверждение этой привлекательной идеи является задачей, которая далека от своего решения.

А.А. Ратников

Н. Штер, У. Уфер

ГЛОБАЛЬНЫЕ МИРЫ ЗНАНИЯ¹

Stehr N., Ufer U.

Globale Wissenswelten // Berliner Republik. – В., 2008. – N 5. – Mode of access: <http://www.b-republik.de/archiv/globale-wissenswelten>

Нико Штер (профессор университета Цепеллина во Фридрихсхафене, Германия) и Ульрих Уфер (преподаватель того же

¹ Реферат подготовлен в рамках исследовательского проекта «Концепция “общества знания”: Сущность и философско-методологические перспективы», осуществляемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-03-00307 а).

университета) в своей статье в онлайн-журнале *Berliner Republik* обращаются к проблематике трансфера знания в условиях глобализации. Широко распространенная оценка знания как общественного блага заставляет задуматься о том, почему сохраняется так много ограничений в глобальном трансфере знаний, почему этот процесс столь сложен и столь проблематично формирование глобального общества знания. В порядке ответа на эти вопросы авторы предлагают собственную дефиницию знания как способности к действию, которая отличается от информации и обеспечивает взаимосвязь действий индивидуальных акторов с социальной окружающей средой. Глобальное общество знания вовсе не означает, что в этом обществе все индивиды владеют всей полнотой знания. Глобальное общество знания как мир знания (*Wissenswelt*) не означает ни повсеместного распространения института науки с ее методами и дисциплинарными стандартами, ни подтверждения того факта, что система образования в любом обществе базируется на знании. Отличительной особенностью мира знания являются разделение и трансфер знания: производители знания отличаются от его потребителей, и это обстоятельство делает необходимым передачу знания. Наличие глобального общества знания предполагает перемещение знания.

Одним из наиболее ранних примеров анализа проблемы глобального трансфера знания являются работы социального философа Отто Нейрата. Находясь в эмиграции в Англии во время Второй мировой войны, Нейрат рассуждал о гуманизации знания, которая может быть достигнута через обеспечение для всех доступа к знанию на основе инновационного развития коммуникационных систем. В современном мире, где такое развитие коммуникационной техники стало реальностью, появляются предпосылки не только облегченного доступа к знанию, но и концентрации знания. В эпоху Интернета для производителей знания появляются огромные возможности распространения информации, а для потребителей знания – доступа к информации. Но в индустриально развитых странах мало обращают внимание на то, что для большинства человечества стандартом является не Web 2.0, а Web 0.0. В глобальном масштабе усиливается разрыв между урбанизированными и аграрными регионами с точки зрения их интеграции во всемирный обмен знанием и информацией. Узловые пункты оптоволоконной связи и ее ответвления могут рассматриваться как растущая система распространения знания. Однако необходимо учитывать,

что одна лишь возможность получения большего объема информации далеко не равноценна для ее реципиентов возможности действовать. Знание как возможность действовать всегда привязана к локальному контексту, и зачастую исходная интенция трансфера знания модифицируется или ограничивается местными культурными условиями.

Авторы не сомневаются в обоснованности суждений о глобализации знания. Но нельзя не видеть, что путь к глобальному миру знания будет нелегким. Одна из основных проблем связана здесь с отношениями собственности. Нормативной предпосылкой мира знания, о которой писал еще Нейрат, является понимание знания как общественного блага. С экономической точки зрения это должно означать, что знание отличается от других товарных благ, типичными особенностями которых являются ограничение доступа и конкурентность. Однако в последние десятилетия мы были свидетелями принимающей все большие масштабы приватизации продукции знания. Развитие патентования и нарастающий объем продаж прав на интеллектуальную собственность являются наиболее яркими выражениями этого процесса.

Но можем ли мы говорить о «трагедии общего достояния» (Г. Хардин) применительно к знанию? Если понимать знание как ресурс, то тогда могут появиться культурно обусловленные предубеждения в отношении доступа к этому общему достоянию, поскольку результатом неограниченного потребления данного ресурса могло бы стать его истощение (подобное истощению общинных пастбищ в случае, о котором писал Хардин). Очевидно, что к знанию это относиться не может. В отличие от исчерпаемых природных ресурсов, доступ к знанию на протяжении всей человеческой истории был важнейшим условием его приумножения.

Как показал несколько десятилетий назад французский историк Марк Блок, патентование изобретений началось еще при Людовике XIV. В результате уже во второй половине XVII в. произошел отрыв повседневной хозяйственной практики простых людей от деятельности профессиональной группы инженеров и исследователей. Столь необходимая для умножения знаний коммуникация между теми, кто ставит проблему, и теми, кто ее решает, оказалась серьезно затруднена. Для приумножения знаний необходимо понимание конкретной постановки проблемы, которое может быть достигнуто только в рамках процесса взаимодействия в масштабе

всего общества. В связи с этим трансфер знания становится важнейшей задачей.

Мощным двигателем распространения знаний является торговля товарами и услугами. Снятие торговых барьеров, в особенности между развитыми экономиками, могло бы способствовать глобальной диффузии идей и преодолению дефицита информации и знания. В качестве катализатора диффузии знания авторы указывают и на гомогенизирующее воздействие экономической и культурной глобализации. Однако едва ли это воздействие является чем-то принципиально новым. То, что сегодня называют «глобализацией», ранее именовалось «массовым обществом». И современные глобализационные процессы ведут не только к выравниванию жизненных условий, но во многих случаях и к закреплению различий.

Исследования культурной глобализации очень тесно связаны с дискуссиями о современном обществе как о массовом обществе. Во многих странах мира (по крайней мере, среди интеллектуалов) существует повышенная чувствительность к различным формам культурного империализма. Культурный империализм несет в себе угрозу локальному, региональному или национальному культурному своеобразию, которое испытывает массивное давление со стороны тривиальной американской культуры. При этом в быстро увеличивающейся литературе о глобализации не ставится под сомнение нарастающая экономическая и экологическая взаимозависимость, равно как и интернационализация знания и информации.

В сущности, линии аргументации сторонников и противников глобализации только на первый взгляд противоречат друг другу. При этом систематически переоцениваются скорость и эффективность процессов, ведущих к глобализации и стандартизации локального. Однако данные сравнительных социально-антропологических исследований, в рамках которых много внимания уделяется анализу культурных последствий становящихся все более интенсивными глобальных обменов, показывают, что это не совсем так. Без учета локального контекста трудно понять, почему где-нибудь в Браззавиле потребление баночной кока-колы относится к статусным символам, тогда как в Нью-Йорке никто и не обратит внимания на то, как эта опустошенная баночка отправится в мусорный контейнер. Подобным образом и информация изменяется в процессе передачи, происходит ее локальная аккумуляция.

Необходимо также учитывать, что распространение в глобальном масштабе западной культурной продукции вызывает про-

тивоедействие. Уже в таком центре всемирной торговли XVII в., как Амстердам, возникало сопротивление импортируемым из Азии товарам, которые вступали в конкуренцию с местными товарами или изменяли стандарты потребления. Около 1620 г. один нидерландский поэт жаловался, что многие товары лишь потому привлекают внимание покупателей, что привезены издалека, тогда как традиционным качеством местной продукции покупатели начинают пренебрегать. Эти ламентации отражают тренд, который можно наблюдать в разных регионах мира в разные эпохи: сильное движение в направлении гомогенизации вызывает к жизни новые силы, способствующие сохранению гетерогенности. Да и в области самой экономики крайне редко складывается ситуация, когда все релевантные хозяйственные изменения идут в одном и том же направлении. Например, сегодня транснациональные корпорации присутствуют почти везде. Однако связанные с их присутствием изменения не ведут к выравниванию хозяйственных условий или к равномерному распределению основанного на знании производства товаров и услуг.

Высокотехнологичные и наукоемкие производства концентрируются в тех странах и регионах, которые имеют превосходную техническую инфраструктуру и инфраструктуру знания. Хотя интернационализация продукции технического знания продолжает усиливаться, основные изобретения все же осуществляются в странах происхождения крупных фирм. Объяснение этого феномена связано с фундаментальными особенностями технического развития, большое значение для которого имеют территориальная близость экспертов и возможность их постоянного взаимодействия (в отличие от простого распространения информации), а также сокращение рисков первоначального рыночного продвижения высокотехнологичной продукции.

То, что сегодня характеризуется как глобализация, несколько не снижает потребности в специализации, о которой еще Адам Смит писал как об основе экономического роста. Повышенное внимание к глобальным процессам связано с их скоростью, масштабом и прямым действием, тогда как внимание к сходным феноменам на «национальном» или локальном уровнях оказывается значительно меньшим. Особенно сильно противоречие между «глобальным знанием» и «локальным знанием» проявляется в политике экономического развития. Знание, отвечающее задачам централизованных организаций, и выработанные на его основе решения часто оказываются несовместимыми с постановкой про-

блем, учитывающей местные интересы. В результате наступает разочарование в повсеместной применимости рецептов, основанных на глобальном знании. Вместо этого все большую ценность приобретает диалогический процесс формирования знания, нацеленный на решение локальных проблем и учет специфического опыта локальных акторов. Таким образом, сохранение на глобальном уровне существенной макроэкономической специализации, препятствующей выравниванию жизненных условий, позволяет нам обратить внимание на сопоставимое разделение труда в процессе социального обучения, что в свою очередь станет преградой в формировании глобального мира знания.

Еще Макс Вебер уделял значительное внимание препятствиям, с которыми сталкивается применение современной техники и научного знания за пределами западного мира. Он усматривал эти препятствия, прежде всего, в специфических культурных практиках. Утверждения Вебера по-прежнему побуждают нас обращать внимание на специфические местные условия, которые влияют на трансфер и рецепцию знания и благодаря которым это знание может обрести другое социальное и культурное значение. В принципе, ни о какой простой передаче знания не может идти и речи. В рамках глобального трансфера знаний происходит развитие гибридных, испытывающих различные воздействия форм знания.

В западных обществах носители научно-технического знания сыграли решающую роль в процессе социального внедрения современной техники и науки. Носители научно-технического знания обладали значительной автономией по отношению к господствующим слоям общества, что дало им возможность порвать с традиционными формами знания. Пользуясь доступом к организационной инфраструктуре, они обеспечили распространение научно-технического знания, или – в терминологии историка техники И. Инкстера – трансфер «интеллектуального капитала»¹.

Становление западного мира знания происходило в специфических исторических обстоятельствах, которые отсутствовали в других частях мира. В связи с этим авторы ставят вопрос о том, насколько поддается глобализации разделение научной и духовной картины мира, осуществленное в рамках европейского Просвещения. В Индии, например, традиционное крестьянское хозяйство

¹ *Inkster I. Mental capital: Transfers of knowledge and technique in 18th century Europe // J. of European economic history. – Rome, 1990. – Vol. 19, N 4.*

ведется в соответствии с космологическими представлениями о циклической взаимосвязи между человеком и природой. Внедрение современных генетически модифицированных семян, не способных давать более одного урожая, оказало здесь намного более сильное воздействие, чем заимствование всех прочих сельскохозяйственных знаний. Новая цепь зависимости, которая теперь становится однонаправленной, ведущей от фирмы, производящей генетически модифицированные семена, к индийскому крестьянину, способствует расшатыванию древней спиритуально-циклической картины мира местного населения.

Глобальные миры знания базируются на свободной передаче знания, что является диаметральной противоположностью нынешним формам защиты интеллектуальной собственности. Авторы здесь солидаризируются с тезисом о знании, которое защищает само себя в процессе трансфера: если воровство знания определяется как прерванный трансфер знания, то инициатор такого рода передачи знания едва ли сможет извлечь свою прибыль. Тогда знание оказывается закрепленным в определенной инфраструктуре. Оно при этом не может ни свободно циркулировать, ни стать объектом реконструкции или передачи.

Тезис о знании, которое защищает само себя, находит подтверждение и с точки зрения реципиента ворованного знания. Знание при этом обретает рыночную стоимость благодаря своему нераспространению. Как только знание, бывшее прежде тайным или инсайдерским, оказывается украденным и получившим распространение, его ценность в денежном эквиваленте быстро снижается. Но если знание в результате воровства утрачивает стоимость, исчезают причины его воровать.

Глобальное распространение знания сталкивается с определенными моральными трудностями и проблемами безопасности. В частности, речь идет о распространении опасного знания, появившегося, например, в результате атомных или генетических исследований. В этом случае признается необходимость внешних ограничений.

Проблемы также возникают, когда трансфер знания осуществляется между различными культурными и правовыми пространствами. Причем противоречия проявляются и в тех случаях, когда знание приходит из далекого прошлого. Например, действующие в глобальном масштабе фармацевтические компании иногда заимствуют медицинские знания туземцев. Затем международное право интеллектуальной собственности фиксирует приоритет фармацев-

тической кампании, запатентовавшей соответствующий препарат или технологию. И тогда уже традиционная практика туземной медицины оказывается прямым нарушением прав интеллектуальной собственности.

Следует принимать во внимание и проблемы, связанные с целенаправленным распространением идеологизированного знания. В определенных кругах стремление к глобальности является ответом на различные вызовы мировой политики – терроризм, угрозу атомной войны, обострение экологических проблем и т.д. Решение такого рода проблем может быть только глобальным, требующим коллективных усилий в сферах образования и интеллектуальной деятельности. Однако эти усилия не означают, что акторы за пределами Запада должны заимствовать европейские представления о мире, политические представления, социальные и культурные стандарты.

Авторы приходят к итоговому выводу о том, что глобальное, нивелирующее различия, равномерное распределение знания в условиях общества с высоким уровнем разделения труда невозможно. Провозглашение единообразного мира знания в качестве цели неизбежно вызывает вопрос о том, какие намерения и стратегии за этим стоят. Реалистичная оценка современного состояния и перспектив глобализации знания состоит в том, что некоторые формы знания – в особенности связанные с какими-либо проектами – в самом деле, могут получить универсальные характеристики, но большинство форм знания сталкиваются с трудностями, которые не позволяют им выйти на глобальный уровень.

Д.В. Ефременко

М. Крюгер-Шарле

ДИАГНОЗ ВРЕМЕНИ – ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ: К РЕКОНСТРУКЦИИ ОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА

Krüger-Charle M.

Zeitdiagnose Wissensgesellschaft: Überlegungen zur Rekonstruktion eines öffentlichen Diskurses // IAT-Jahrbuch 2007. – Gelsenkirchen: IAT, 2008. – S. 71–83.

Крюгер-Шарле (Институт труда и техники, Высшая профессиональная школа Гельзенкирхена, Германия) предпринимает рет-

роспективный обзор интерпретаций понятия «общество знания» в контексте эпохальных прогнозов развития социального мира.

В современных междисциплинарных исследованиях и в тематическом поле политического дискурса это понятие попадает в разряд ключевых. Однако попытки придать объемность социальной концептуализации знания (предпринятые, в частности, в 1990-е годы Н. Штером) были, по мнению автора, реакцией на нарастающую стихийность процессов дифференциации. Не исключено, иронически замечает он, что популярность поиска генерализирующих понятий современной эпохи объяснялась еще и конъюнктурными экономическими интересами. Если же отбросить подозрения в теоретической расчетливости, то нельзя не признать, что ускоряющаяся инфляция понятийно заостренных диагнозов времени («общество риска», «общество досуга», «информационное общество») в социальных науках соответствует реальному углублению специализации, которая, судя по всему, действительно ведет к субъективированию социального. В этом смысле тезис У. Бека об индивидуализации чутко улавливает направление изменений социально-теоретической парадигмы, постепенно отдаляющейся от структурно-функционального и марксистско-материалистического определений субъекта как производного от социальных структур.

Эпистемологический разворот в сторону самодостаточной личности влечет за собой, однако, маргинализацию значения социального неравенства и условий социализации, ставя их в зависимость от индивидуального выбора вариантов действия. Подтверждением этому служит хотя бы тот факт, что, несмотря на эмпирически подтверждаемую (например исследованиями ганноверской группы М. Фестера) устойчивость признаков воспроизводства неравенства и возникновения его новых видов, изменения в отношениях неравенства многие опрометчиво принимают за их нивелирование и устранение. В свете подобного представления все чаще говорят о необходимости «менеджмента собственной биографии», следовании девизу: «Вини самого себя в том, что ты ничего не добился» (с. 2). Результаты же исследований, не подтверждающих гипотезу об общественной деструктуризации, вытесняются из общественного внимания, списываются за счет издержек сугубо научных экспертиз (здесь Крюгер-Шарле ссылается на дискуссию по данному поводу в немецкой социологии образования).

Между тем, продолжает автор, если адепты постиндустриализма связывали с технологическим прогрессом, рационализацией

политики управления и контроля оптимистические надежды, то идеологи «общества знания» рубежа XX–XXI в. смотрят на перспективы планирования по технологическим рецептам с тревожным скепсисом. Именно резкий скачок социального веса информационно-коммуникационного знания делает ненадежным любое планирование, поскольку виртуальная среда искажает реальные пространственно-временные координаты.

Нынешние социологи связывают эмпирически наблюдаемые признаки перехода к обществу знания с дерегулированной экономикой, с сетевой зависимостью политических решений от социокультурных практик, иначе говоря, с приматом экономики над политикой. Соответственно задача демаскировать структуры господства и неравенства, заложенные еще классической идеологией капитализма, уходит в тень. В дискурсе об обществе знания преобладает мнение, что государство должно занимать нейтральную позицию в «свободной игре рыночных сил» (с. 4).

Так, Х. Вильке¹, авторитетный социолог, разрабатывающий теорию общества знания, настойчиво защищает положение о том, что любое политическое управление будет в дальнейшем затруднено, и государственный актор ограничится исключительно ролью определения рамочных условий. Если Вильке окажется прав, то серийно издаваемые официальные декларации о значении знания для конкурентоспособности и эффективности национальной экономики превратятся в пустую риторику, комментирует автор эту точку зрения.

На самом деле, продолжает Крюгер-Шарле, для продуктивной оценки концепта общества знания важно подчеркнуть возрастающую релевантность исследовательской и образовательной активности как необходимую предпосылку общественной жизни и экономической конкурентоспособности. Центральным в его анализе должен стать аспект самоорганизации, или «обучающейся организации» общества, ориентированной на самообразование субъекта. Современные требования общественной модернизации предусматривают развитие деятельностного потенциала социальных акторов, гибкости и динамичности социальных структур, возможности большего числа индивидов и групп влиять на них и репродуцировать позитивные изменения. Если принять положение о том, что знание является производительной силой, то его следует отнести не только к макроплоскости, но и к микропроцессам преобразования

¹ Willke H. Supervision des Staates. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1997.

человеческой действительности. Выявление их влияния в рамках социологической трактовки общества знания невозможно, по мысли автора, без анализа категории знания. В необозримом поле суждений о данном предмете наиболее аналитически убедительным ему представляется подход «экономики знания». Очевидно, что знание все больше превращается в товар, и с ускорением его обращения столь же быстро уменьшается «период его полураспада» (с. 7). Возможно, этот заколдованный круг несколько преувеличен теоретиками экономики знания, поскольку в данном случае затрагиваются самые разные предметы: ценные бумаги и рабочие места, роль экспертов и интеллектуальная собственность, технологическое развитие или изменение соотношения между наукой, экономикой и медиа. Как бы то ни было, введение, применение или девальвация знания дают повод для столкновения многих разнонаправленных интересов (политических, правовых, экономических).

Становится ли знание еще одним фактором производства – наряду с трудом, капиталом и землей – или же (следуя предостережению Г. Коцыбы) оно не должно им быть, поскольку «знание» имеет смысл только в конкретном применении, то есть в своем внутреннем ценностном полагании? Рассматриваемое же изолированно, вне корреляции с трудом и капиталом, оно, согласно Коцыбе, никогда не сможет создавать экономическую стоимость¹.

Распространен также подход к знанию как к якобы единственному благу, которое множится благодаря делению². Но знание может и утратить свою ценность в один момент, будучи вытесненным новым знанием или превратившись в «общее место». Его значимость определяется общественным контекстом – рынком труда, связью организаций, исторической ситуацией в целом. Этот контекст показывает не только, какое знание востребовано, но и как оно может функционировать. Высокоспециализированное знание существует обычно лишь в организуемых контекстах. Иначе говоря, следует принять во внимание тот факт, что различные формы знания имеют разные каналы воздействия и разное значение.

¹ *Kocyba H.* Wissensbasierte Selbststeuerung: Die Wissensgesellschaft als arbeitspolitisches KontrollszENARIO // Wissen und Arbeit: Neue Konturen der Wissensarbeit / Hrsg. von W. Konrad, W. Schumm. – Münster: Westfälisches Dampfboot, 1999. – S. 92–119.

² *Böhme G.* Bildung als Widerstand: Ein Versuch über die Zukunft des Wissens // Die Zeit. – Hamburg, 1999. – N 38 vom 16. Sept. – S. 51.

В профессиональных дебатах подчеркивается непрерывное увеличение ценности имплицитного, обретаемого в опыте, то есть функционального знания. Но по-прежнему неясно, подкрепляется ли оно и – насколько надежно – научным знанием, или последнее, будучи слишком формализованным, быстро устаревает и утрачивает авторитетность? Наибольшие споры вызывают вопросы перевода «скрытого» в «явное» знание и специфика его форм и оценки в отдельных профессиональных группах и отраслях деятельности.

Ответы на них всякий раз ограничиваются подобными заклинивающим ссылками на тесную связь знания с усовершенствованием технологий. Вместе с тем протагонистам общества знания приходится признать, что в конститутивной для его реализации области – экономике знания – существует множество противоречий. Поэтому пока преждевременно судить о том, является ли концепт общества знания диагнозом нашего времени или только прогнозом на будущее.

По мнению автора, для этого важно более точно определить, в какой общественной плоскости генерируется знание. С какими ожиданиями и последствиями, общими или специфическими, сталкивается их применение на разных жизненных уровнях?

В качестве показательных (помимо набирающих силу перемен на макро- и микроуровнях) следует отметить сдвиги и на мезоуровне, в организациях и институтах – промышленных предприятиях и университетах. Здесь, с одной стороны, действуют такие полномочные акторы, как мультинациональные концерны или престижные университеты. С другой стороны, в операциональном смысле именно этот уровень представляется автору ключевым для прояснения перспективы перехода к обществу знания.

И все же, заключает свою статью Крюгер-Шарле, учитывая масштаб изменений, наблюдаемых в той или иной мере на всех указанных уровнях, не стоит замыкать исследовательский интерес только на их описании. Самое время переключиться на дифференциацию систем знания, причем не из системно-теоретических, а из прагматических соображений, чтобы устранить бреши в дебрях аргументации идеологов общества знания.

Л.В. Гирко

М. Фезерстоун, К. Венн

**ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ЗНАНИЯ:
КРИТИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ**

Featherstone M., Venn C.

Problematizing global knowledge: Critical commentaries: Introduction // *Theory, culture & society*. – L., 2007. – Vol. 24, N 7–8. – P. 261–263.

В мае 2006 г. редакция журнала «Theory, culture & society» издала энциклопедию «Проблематизация глобального знания». Это издание вызвало в научном сообществе широкий отклик. Полученные редакцией комментарии составили отдельный раздел очередного выпуска журнала. Настоящая статья, написанная главным редактором «Theory, culture & society» Майком Фезерстоуном в сотрудничестве с К. Венном (университет Ноттингема, Великобритания), является прологом к данным комментариям.

Сам этот факт, а именно большое количество полученных комментариев – послужил стимулом для авторов сформулировать их собственный подход к проблематике знания. Во-первых, по Фезерстоуну и Венну, современное знание формируется в ходе междисциплинарных дискуссий с участием исследователей, представляющих различные национальные традиции. Во-вторых (этот аспект находится в непосредственной связи с предыдущим и во многом из него проистекает), знание не носит завершенного, окончательного характера. Такое понимание знания противостоит представлению о знании как об экспертном утверждении. Вместе с тем именно в соответствии с последним представлением, согласно авторам, организуется традиционная энциклопедия. Кроме того, это представление лежит в основе и операционалистского поворота в педагогике, сторонники которого сводят процесс познания к нахождению некой формулы или «правильного» рецепта деятельности.

Принципиальная незавершенность текста, его дополняющий характер по отношению к другим текстам в культуре, в теоретическом плане, отсылает нас к философии деконструкции Деррида, по мысли которого, всегда остается нечто, что невозможно интегрировать в текст. В случае энциклопедии «Проблематизация глобального знания» это означает следующее. Будучи сопровождаемы обязательными приложениями, статьи в данной энциклопедии, в

отличие от большинства энциклопедических изданий, лишаются своего смыслового центра; более того, за счет включения значительных по объему дополнительных материалов и критики основная ось рассуждений в статьях фактически деконструируется. Вместе с тем дополнительные материалы редко вступают в радикальную конфронтацию с основной статьей, чаще они развивают определенный аспект обозначенной в ней проблематики. В итоге проблематизируется граница между общественными и гуманитарными науками, поскольку тем самым применяется подход, типичный скорее для гуманитарной области: акцент делается на своеобразии, неповторимости, зависимости от контекста, и под сомнение ставится как таковая возможность формирования абстрактных категорий высшего порядка.

Приложения снижают авторитетный статус знания, предъявляемого в основных статьях. Они отсылают читателей к иным культурным традициям, многие из которых остаются за пределами экономики глобального знания. Тем более что часто сами носители данных культурных традиций в ущерб собственной культуре некритично стремятся приобщиться к знанию, исходящему из доминирующих культурных центров. Другие исследователи, наоборот, оказываются нечувствительными к указанной напряженности между двумя пластами знания, поскольку, несмотря ни на что, сохраняют приверженность исключительно локальному знанию. Поэтому, делают вывод авторы, необходимо проблематизировать не только глобальное, но и локальное знание. Особенно учитывая тот факт, что локальное знание может значительно различаться по своему характеру. То или иное локальное знание на определенном этапе может начать претендовать на то, чтобы превратиться в знание глобальное. Так произошло с западным знанием. И настоящий энциклопедический проект содержит в себе значительную критику той претензии на универсальность, которая была характерна для западного знания на протяжении последних четырех столетий¹. Вместе с тем, по утверждению авторов, это не означает, что в будущем невозможен некий новый синтез знания.

Изыскания в области организации знания могут вступить в противоречие с методологическими установками ряда исследователей, в частности, тех из них, кто вложил достаточные материальные и нематериальные ресурсы в разработку того или иного науч-

¹ Featherstone M. *Consumer culture and postmodernism*. – L.: Sage, 2007.

ного подхода и считает себя обязанным оставаться в рамках определенной системы знаний. Из этой среды могут послышаться возражения, что авторы энциклопедии пытаются навязать новую форму знания. Однако тем самым вне поля зрения останется и децентрализирующий, и диалогический посыл энциклопедии. Все эти проблемы находят свое отражение в следующих за вводной статьей Фезерстоуна и Венна критических комментариях. Например, в статье М. Канга, посвященной корейским *cultural studies*¹, ставится вопрос о том, почему в исследованиях культуры в Корее отсутствует Корея как таковая. Казалось бы, корейские культурные исследования должны являть собой яркий пример локального знания. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что система знаний, в рамках которой эти исследования строятся, носит привнесенный извне (конкретнее, с Запада) характер.

Авторы признаются, что и сами неизбежно сталкивались с той же трудностью, а именно с повсеместным влиянием западной идеи знания на организацию исследований. И для них, как для западных ученых, эта ситуация представляет, пожалуй, даже еще большую трудность. Системы классификации в общественных науках, дисциплинарные дискурсы, способы получения нового знания оказываются предзаданными, изначально встроенными в исследовательскую практику и сопровождают ученого на всех этапах и уровнях, вплоть до саморефлексии. Университеты и иные места производства институционализованного знания формируют интеллектуалов, которые воспроизводят одни и те же когнитивные схемы, академическое сообщество распространяет одно и то же признанное авторитетное знание. В результате критик системы знания находится внутри той самой системы знания, которую он пытается реконструировать или деконструировать. Так что в определенной степени данный энциклопедический проект стал для его создателей испытанием их собственной исследовательской гибкости. Тем более что подобный подход не только затрагивает существующие властные отношения, но и является крайне инновационным в научном отношении, поскольку предполагает такие эпистемологические и онтологические изменения, для которых еще не сформирована концептуальная основа. Авторы надеются, что определенные сдвиги в сторону взаимодействия

¹ Kang M. Problematizing Korean cultural studies // *Theory, culture & society*. – L., 2007. – Vol. 24, N 7–8. – P. 301–303.

и взаимовлияния западного и традиционного знания произойдут в обозримом будущем.

Кроме того, с точки зрения авторов, важно, чтобы исследования организации и развития знания выступали в тесной связи со значимыми локальными либо транснациональными вопросами. Интерес к событиям и процессам, меняющим наш мир (как на местном, так и на глобальном уровне), приводит к проблематизации парадигм, которые уже стали нормализованными. Это, в свою очередь, вызывает критическую рефлексию и, как результат, появление нового знания.

Я.В. Евсеева

П. Вайнгарт

МОМЕНТ ИСТИНЫ ДЛЯ НАУКИ: ПОСЛЕДСТВИЯ «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ» ДЛЯ ОБЩЕСТВА И НАУКИ //

Российская наука и СМИ: Материалы международной интернет-конференции, проходившей 5 ноября – 23 декабря 2003 года / Под ред. Ю.Ю. Чёрного, К.Н. Костюка. – М.: Московское представительство Фонда им. Конрада Аденауэра, 2004. – С. 318–327.

Известный немецкий философ и социолог, профессор Билефельдского университета Петер Вайнгарт убежден, что наука является одним из наиболее быстро растущих предприятий в нашем обществе. Начиная с XVII в. каждое удвоение численности населения сопровождалось утроением количества ученых. Это означает, что на протяжении последних трехсот лет западные общества инвестировали большую часть своих ресурсов в производство, ревизию и верификацию знания. Тем самым был запущен процесс, который при условии необходимой подпитки способен сам себя поддерживать: большой объем ресурсов направляется на поддержку науки, способствуя увеличению количества ученых, которые производят все больше научных результатов и ставят все больше новых вопросов. Экспоненциальный рост науки становится основным фактором перехода от индустриального общества к обществу знания.

Любой анализ науки и ее воздействия на все другие части общества – политику, право, экономику или средства массовой информации – должен принимать во внимание эту поразительную динамику, ее причины и последствия. И наоборот, экспансия науки

оказывает воздействие не только на общество, но также и на саму науку. Одним из механизмов, регулирующих воздействие экспоненциального роста науки, была дифференциация. Этот стратегический отклик также можно наблюдать в таких областях, как рынки и организации – возрастание конкуренции стимулирует процесс создания новых «ниш». Их природа зависит от текущих альтернатив и от наличных ресурсов – в частности, это объясняет, почему такие хорошо финансируемые области науки, как молекулярная биология, привлекают большое количество ученых и в то же время остаются сферами научной деятельности с высоким уровнем конкуренции.

Одной из форм дифференциации является более высокая степень абстракции, ведущая к «углубленному пониманию постулируемых структур объекта»¹. Наука абсорбирует меньший объем знания извне, но во все возрастающей степени концентрируется на селекции, категоризации и реконструкции своего собственного знания во все более узких областях. Немецкий физик Г. фон Гельмгольц наблюдал этот феномен еще более 100 лет назад: «Очевидный результат видится в том факте, что каждый индивидуальный исследователь стремится к отбору все меньших областей для своих исследований и может сохранять лишь неполное знание из смежных областей»². Выдающиеся «герои» науки, такие как Ньютон, Лейбниц или Вольтер, открыли путь для армии анонимных научных работников – признак того, что наука преодолела статусные различия и становится более демократичной.

Другая форма дифференциации заключается в экспансии в другие области. Более абстрактные и более общие научные методы и инструменты могут быть с большей эффективностью использованы для исследования новых объектов и феноменов. Эта стимулируемая ростом специализация может рассматриваться как мотор экспансии науки в общество по мере того, как все больше сфер подпадают под ее испытующий взгляд. В качестве примера автор приводит науки об окружающей среде, которые изначально расширялись от экологии к широкому спектру дисциплин, ранжируемых сегодня от социальной оценки риска до экологической психологии.

¹ *Stichweh R.* Zur Entstehung des modernen Systems wissenschaftlicher Disziplinen: Physik in Deutschland. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1984.

² *Helmholtz H. von.* Über das Verhältnis der Naturwissenschaften zur Gesamtheit der Wissenschaften // *Helmholtz H. von.* Vorträge und Reden. – Braunschweig: Vieweg & Sohn, 1896.

Фактически они являются парадигмой для нового типа науки, называемого «постнормальной наукой», который характеризуется тесной близостью к политике, потребностью в социальной легитимации и зависимостью от внешнего знания.

Эта экспансия привела к тесному переплетению науки с различными элементами общества, что имеет последствия для всех сторон данного процесса. Особое внимание автор уделяет тому, как непрерывно укрепляющийся союз между наукой, политикой и средствами массовой информации изменяет лицо науки. Катастрофы в Тримайл Айлэнде и Чернобыле стали своеобразным поворотным пунктом, продемонстрировав не только опасность ядерной энергетики, но также и утрату веры общества в авторитет науки¹. Противоречивые заявления научных экспертов на общественных слушаниях продемонстрировали, что они всего лишь рекрутированы для поддержки специфических позиций и интересов в экономике и политике. Это разрушило образ науки как института, свободного от чьих-либо интересов, кроме своих собственных. С тех пор достоянием общественности стали другие научно-технические дилеммы – безопасность генетических технологий, этические импликации репродуктивной техники, использование биотехнологий в сельском хозяйстве, политические, этические и экономические аспекты расшифровки генома человека, синдром коровьего бешенства, потенциальная опасность электросмога – вот лишь малая часть из них. Стало общей практикой для сторон, вовлеченных в дискуссии по этим проблемам, привлекать научных экспертов для поддержки своих позиций.

Во времена ядерных аварий ученые уже были частыми посетителями коридоров власти. Вторая половина XX в. стала временем значительного присутствия представителей науки в правительствах, министерствах и парламентах. Политика также высказывала потребность в научной экспертизе или создавала свою собственную экспертизу в форме контролируемых министерствами исследовательских институтов.

Вайнгарт напоминает, что в 1950-е годы связь между наукой и политикой виделась более амбивалентной: с одной стороны, она рассматривалась как гарантия того, что политика, опирающаяся на

¹ Weingart P. Das «Harrisburg Syndrom» oder die De-Professionalisierung der Experten // Kernenergie: Gefahr oder Notwendigkeit / Hrsg. von H. Nowotny. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1979. – S. 9–17.

рациональное и беспристрастное знание, будет принимать решения в «высших интересах» общества, с другой – как опасная связь, где политическое влияние избранного населением научных экспертов угрожает демократической системе. По мере того, как научная экспертиза становилась обыденным делом в политике, эти первоначальные страхи постепенно исчезали. Экспертное знание стало одинаково доступно всем группам в политической системе. Такая демократизация привела к растущей конкуренции между экспертами, не обеспечив, однако, большей рационализации политических решений. Напротив, противоречия обострились, а недостаток знания стал более явным. Но несмотря на очевидное отсутствие авторитета экспертной деятельности, существующие взаимоотношения между наукой и политикой претерпели лишь незначительные изменения. Поскольку же не существует альтернативы научной экспертизе, институциональная связь между наукой и политикой, похоже, и в будущем существенно не изменится. Что изменится – так это границы между политикой и наукой, а также области, через которые они будут проходить.

Автор считает возможным описать взаимоотношения между наукой и политикой как рекурсивное соединение двух взаимозависимых процессов – сциентификации политики и политизации науки¹. Один из индикаторов этого процесса состоит в том, что многие политические проблемы были впервые выявлены и описаны учеными – например, загрязнение окружающей среды вошло в политическую повестку лишь после того, как ученые обнаружили ядохимикат ДДТ в пищевой цепи. Все дебаты о риске новых технологий стимулируются, в сущности, исследованиями потенциальных опасностей и способов избежать их. Другими словами, наука все больше вовлекается в процесс политического управления, все более значимой становится ее роль в определении проблем, требующих в дальнейшем своего решения.

И наоборот, соединение науки с политикой ведет к политизации науки. Знание, поскольку оно выходит на публичную арену, неизбежно становится объектом суждений и оценок общества. Позиция экспертов в конфликтных ситуациях, таким образом, видится как детерминированная политикой, а не знанием. «Советники отбираются вовсе не потому, что члены парламента или правительст-

¹ Weingart P. Verwissenschaftlichung der Gesellschaft – Politisierung der Wissenschaft // Ztschr. für Soziologie. – Stuttgart, 1983. – Jg. 12, N. 3 – S. 225–241.

венные чиновники нуждаются в их советах, но потому, что они, очевидно, нуждаются в их авторитете для поддержки проводимой ими политики. Уступка этим искушениям показывает, что они беспринципно идут на поводу у тех ученых, которые эксплуатируют престиж, завоеванный благодаря объективности и нейтральности»¹. Предположение о том, что наука всегда беспристрастна и передает только объективное знание, очевидно, является мифом. Наука превратилась в одного из акторов на политической арене, будучи одной из заинтересованных сторон или рекрутированной другими акторами для поддержки их специфических интересов. Растущий спрос на научную экспертизу привел к инфляционному использованию знания, которое подпитывается противоречиями. Это сверхпредложение знания означает, что политика рискует утратить важный источник легитимации, а наука рискует потерять общественное доверие.

Наука также тесно взаимосвязана со средствами массовой информации. В 1993 г. один голландский исследователь объявил об обнаружении вакцины против СПИДа. Уступая давлению коллег, проверявших достоверность открытия, он признался, что преувеличил свои результаты, поскольку чувствовал, что это единственная возможность добиться общественного внимания и поддержки². По мнению Вайнгарта, такие эффектные заявления скорее являются текущим феноменом в науке и могут быть объяснены традиционной моделью ее популяризации. Исторически научное знание рассматривалось как высшая ценность по сравнению с обыденным знанием или «здоровым смыслом». Наука производит «истинное» знание, столь специализированное и эзотерическое, что оно нуждается в переводе и передаче публике через средства массовой информации. Процесс контролируется учеными; с их точки зрения, популяризируемое знание в лучшем случае является упрощением, осквернением – в худшем.

Эта концепция имеет две не бесспорные импликации. Одна из них заключается в уверенности, что общественность является пассивной и несведущей аудиторией, исключенной из процесса производства и верификации знания и неспособной судить об их

¹ *Shils E.* Science and scientists in the public arena // *The American scholar*. – Wash., 1987. – Vol. 65, N 2. – P. 185–202.

² *Hagendijk R., Meeus J.* Blind faith: Fact, fiction and fraud in public controversies over science // *Public understanding of science*. – L., 1993. – Vol. 2, N 4. – P. 391–415.

ценности¹. Другая состоит в том, что роль средств массовой информации ограничивается передачей знания. Это понимание еще имеет слишком много сторонников, чтобы быть признанным устаревшим. Однако в настоящее время утвердился другой взгляд, подчеркивающий независимость массмедиа. Существует растущий консенсус в отношении того, что они «создают свою собственную реальность», используя свои собственные критерии отбора информации и ее источники, и ориентируются на свою специфическую читательскую или зрительскую аудиторию². Самыми важными критериями для журналистов при отборе темы являются актуальность, сенсационность, персоналии и связь с локальными интересами. Ясно, что эти критерии отличаются от тех, на которые ориентируется в процессе передачи информации научное сообщество. Следовательно, широко распространенное мнение о «ложном» или «искаженном» отражении науки средствами массовой информации и «неправильном» отборе новостей не соответствует реальности. Не может быть «адекватной» презентации науки в средствах массовой информации, полностью удовлетворяющей ученых.

Наука начала осознать это положение и открывать свои двери перед массмедиа. Ярким примером здесь являются модернизируемые в настоящее время департаменты общественных связей при университетах, исследовательских институтах, музеях и других научных организациях, которые используют те же самые приемы, что и профессиональные пиар-компании, и издают те же самые глянцевого проспекты. Университеты с различными степенями успеха придают себе «корпоративный дизайн» наподобие крупных компаний. Влияние на общественное восприятие науки там, где используются орудия коммерческой рекламы, является весьма ощутимым.

¹ *Whitley R.* Knowledge producers and knowledge acquirers: Popularisation as a relation between scientific fields and their publics // *Expository science: Forms and functions of popularization* / Ed. by T. Shinn, R. Whitley. – Dordrecht: Reidel, 1985. – P. 3–28.

² *Dunwoody S., Peters H.P.* Massenmedien und Risikowahrnehmung // *Risiko ist ein Konstrukt* / Hrsg. von Bayerische Rückversicherung AG. – München: Knesebeck, 1993. – P. 317–341; *Marcinkowsky F.* Publizistik als autopoietisches System: Politik und Massenmedien: Eine systemtheoretische Analyse. – Opladen: Westdeutscher Verl., 1993; *Luhmann N.* Die Realität der Massenmedien. – Opladen: Westdeutscher Verl., 1996.

Другая реакция науки состоит в возрастающем использовании массмедиа для мобилизации общественной поддержки. Это происходит не вследствие необъяснимых изменений в поведении части ученых, но в результате увеличивающейся конкуренции и растущей социальной релевантности некоторых областей исследований. Ученые предупреждают о глобальных катастрофах, обещают найти лекарства от многих болезней или решить проблемы человечества ради того, чтобы привлечь внимание средств массовой информации, что в дальнейшем позволит увеличить финансирование их исследований. Эта стратегия в особенности полезна там, где значение системы внутренней научной экспертизы уменьшается и политики влияют на распределение фондов. Д. Нелкин показала, что решения в отношении крупных исследовательских проектов все чаще принимаются за пределами традиционной системы экспертной оценки, благодаря чему внешние критерии становятся более значимыми¹. Следовательно, решения о финансировании зависят не только от потенциальных социальных потребностей, но также от освещения в средствах массовой информации, что вынуждает ученых прибегать к стратегии «продажи науки широкой публике».

Автор приводит характерный пример из области исследований климата. Общественным дебатам о глобальном потеплении был дан старт в США ученым из НАСА Джеймсом Хансеном, который в предварительном порядке опубликовал результаты своих исследований в *New York Times* еще до того, как основная статья появилась в *Science*. Газета писала о «беспрецедентном потеплении» атмосферы в следующем столетии и предупреждала о повышении уровня мирового океана. Хансен быстро превратился в центральную фигуру в дебатах о глобальном потеплении и в самый важный источник для журналистов. Эта тема вновь появилась в политической повестке в 1998 г., когда Хансен объяснил Конгрессу США, что двуокись углерода и другие искусственно производимые газы способны повысить температуру атмосферы. В это время один политик, сенатор Тимоти Вирт, организовал широкое освещение проблемы средствами массовой информации. Результатом стало дополнительное финансирование, выделенное Конгрессом на исследования климата.

¹ *Nelkin D.* Science controversies // *Handbook of science and technology studies* / Ed. by S. Jasanoff. – Thousand Oaks: Sage, 1995. – P. 444–456.

Подобным образом в Германии в 1986 г. Немецкое физическое общество предупредило о климатической катастрофе и призвало к немедленным действиям для регулирования эмиссии двуокиси углерода. Необычный драматический тон этому предупреждению придал отклик средств массовой информации – немецкий журнал *Der Spiegel* напечатал картинку Кёльнского собора, погружающегося в морскую пучину, что стало зримым образом глобального потепления. Комиссия, созданная в 1987 г. для исследования угрозы, рекомендовала снижение выбросов двуокиси углерода на 25–30% к 2005 г., и парламент Германии последовал этому призыву, приняв соответствующее обязательство. Успех для ученых состоял в институционализации и продолжении финансирования исследований климата.

Эта модель регулярно воспроизводилась в учреждении новых областей исследований. Сначала появляются страшные пророчества в СМИ о грядущей угрозе, если не о катастрофе. Ученые обещают найти решения, результатом чего становятся дополнительные фонды для исследований. Однажды появившись, новые области исследований начинают свой жизненный цикл; объем знаний нарастает, становится более дифференцированным, специализированным, абстрактным и все более иррелевантным решению исходной проблемы.

Этот «риск коммуникации» подобен легенде о Кассандре в греческой мифологии. Обоснованные предупреждения могут остаться без внимания потому, что нет способа проверить их истинность. Наука как система раннего предупреждения общества нейтрализуется, и ее голос игнорируется подобно многим другим. Автор в связи с этим приводит высказывание С. Корнелиуса: «Общественный имидж политики почти исключительно предопределен массмедиа. <...> Попав в ловушку все быстрее и быстрее вращающегося маховика, политики бегут позади своей собственной повестки и не осознают насколько мало их работа остается видимой. Чем больше проблем предлагается, критикуется, подвергается сомнению, отклоняется и воскрешается, тем меньше остается в фокусе внимания общества. <...> Политика не может процветать в таком климате крайней нервозности и тщеславной говорильни. Беспорядок и потеря дистанции способствуют разрушению политики; вера в акторов утрачивается»¹. По оценке Вайнгарта, этот анализ в це-

¹ Kornelius S. Ein irres System von höher Geschwatzigkeit // Süddeutsche Ztg. – München, 1996. – Vom 18. Mai.

лом является верным и для науки. Стратегия использования средств массовой информации для достижения общественной поддержки научных исследований несомненно обречена на гибель. Вместо этого усиливаются подозрения в том, что ученые имеют свою собственную повестку, что в свою очередь ставит под угрозу общественное доверие науке.

Парадокс заключается в том, что чем более независимы наука и массмедиа, тем теснее связь между ними. И по мере того как СМИ завоевывают влияние, наука теряет монополию на суждения о научном знании. Абстрактные критерии истинности больше не являются удовлетворительными в общественных дебатах, поскольку СМИ добавляют сюда критерий социальной акцептации. Это не означает, что научная верификация вытесняется, но она дополняется другими измерениями.

Вайнгарт отмечает, что термин «информационное общество» может ввести в заблуждение: это не информация, характеризующая будущие общества, но контекстно-зависимое производство, применение и использование информации в порядке создания знания. Поэтому термин «информационное общество» постепенно замещается термином «общество знания». И основная проблема состоит в том, как наука может производить и передавать достоверное знание, если традиционные средства устарели, если дистанция между наукой и обществом и результирующее доверие замещается их тесным переплетением.

Большое значение в связи с этим приобретают три тенденции. Во-первых, наука во все возрастающей степени испытывает влияние политики. Использование научной экспертизы политиками и другими группами общества вовлекает науку в принятие политических решений и позволяет ученым утвердиться внутри политических групп. Во-вторых, наука все больше коммерциализируется. Научное знание становится ценностью, которая может быть продана подобно любому другому продукту. В-третьих, наука и СМИ все теснее взаимодействуют друг с другом по мере того, как ученые используют массмедиа для увеличения общественной поддержки их исследованиям. Все эти тенденции указывают на потерю дистанции между наукой и обществом, которая была самой важной основой для производства достоверного знания.

На основе анализа этих тенденций можно было бы предположить, что наука теряет свое значение. Но автор это предположение отвергает. Наука как институт, производящий знания, остается

незаменимой. Скорее это означает, что принципы науки – производство и ревизия знания – распространяются на другие части общества. Следовательно, наука утрачивает свою позицию единственного института, производящего достоверное знание. Дело здесь в подтверждении достоверности последнего.

Эта потеря дистанции не ведет к концу коммуникации истины. Вера и доверие остаются конституирующими и редкими ценностями в коммуникации, и чем больше общество зависит от достоверного знания, тем больше они необходимы. Основная характеристика сегодняшнего общества, убежден Вайнгарт, – это соревнование за доверие. Однажды достигнутое, оно является неоценимым, и наука должна изо всех сил стремиться сохранить его. Поэтому усилия, направленные на создание доверия, становятся все более важными.

Д.В. Ефременко

ОБРАЗ ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

(Сводный реферат)

1. SCHÖB M. Humanismus reloaded oder Welche Wissensgesellschaft wollen wir? – Mode of access: <http://www.sciencegarden.de/content/2005-07/humanismus-reloaded-oder-welche-wissensgesellschaft-wollen-wir>

2. THIEL F. Stichwort: Umgang mit Wissen // Ztschr. für Erziehungswissenschaft. – Wiesbaden, 2007. – Jg. 10, H. 2. – S. 153–169.

В ряду кодовых слов нашего времени «общество знания» упорно конкурирует с «глобализацией» – первым номером современных общественно-политических дискурсов. Но если в оценках перспектив глобализации существует многоголосица мнений, в рассуждениях о будущем общества знания, наоборот, царит раздражающее единение. Позитивный эффект знания самоочевиден. Чем больше человек знает, тем лучше. Билл Гейтс мечтает об «информации на кончиках пальцев», президент Германии – о «стране идей». Обыватели связывают с лозунгом «общество знания» «продолжающуюся всю жизнь учебу», массмедиа – включение в рейтинговый список Google.

М. Шёб (Фрайбургский университет, ФРГ) (1) стремится прояснить социологический смысл словосочетания «общество знания», не без основания полагая, что социология имеет преимуще-

ственное, можно сказать экзистенциальное, право суждений об обществе в целом. В ней уже давно, с 20-х годов прошлого века, выделлась в отдельную дисциплину проблематика социологии знания. Ее основатели, прежде всего М. Шелер и К. Манхейм, использовали, освободив от «экономического корсета», метод критики идеологии Маркса для поиска факторов, которые реально влияют на человеческое мышление или даже определяют его¹.

Сорок лет спустя П. Бергер и Т. Лукман² сняли с социологии знания бремя критико-эпистемических притязаний. Они сконцентрировались исключительно на «повседневных знаниях рядового человека», на описании процессов, в ходе которых конструируется посредством общественной интеракции то, что мы принимаем за действительность. Не нужно допускать или искать за пределами этого социального конструктивизма какую-то, якобы существующую в себе, независимо от нашего восприятия, действительность.

В начале 1970-х годов вышла в свет книга Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество»³, которая авансировала концепт общества знания на совсем других основаниях. Белл сделал популярным понятие общества информации и услуг. Он прогнозировал экспоненциальный прирост знаний, который станет четвертым и одновременно важнейшим фактором производства – так же, как развитие сектора услуг станет доминирующим источником общественного благосостояния.

В наши дни становится очевидным, что круг проблем, охватываемых концептом общества знания, значительно шире традиционного для социологии знания как дисциплины. Всевозрастающее значение естественной науки и экспертизы, глобализация структур информации и невиданное развитие коммуникационных технологий делают знание центральным элементом общественного воспроизводства. Оно содействует разработке новых типов профессиональных специализаций и научно обоснованному расчету производственной продуктивности.

Постепенно концепт общества знания приобретает вид общего знаменателя отдельных исследовательских направлений. Так,

¹ *Mannheim K. Ideologie und Utopie. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995. – (8. Aufl.)*

² *Berger P.L., Luckmann T. Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit: Eine Theorie der Wissenssoziologie. – Frankfurt a. M: Fischer, 1969.*

³ *Bell D. The coming of the postindustrial society: A venture in social forecasting. – N.Y.: Basic books, 1973.*

Никлас Луман¹ видит проблему в парадоксе резкого увеличения знания, которое столь же стремительно порождает рост незнания. Автор ссылается также на суждения ряда современных социологов знания, прогнозирующих возможные трансформации социального образа знания. Согласно Хельмуту Вильке², человечество еще только вступает на путь создания общества знания, даже при условии, что идет к нему быстрыми шагами. Если это движение продолжится, то отдельных экспертов заменят организации, которые в большей мере смогут удовлетворять требованиям этого типа общества. Каждая функциональная подсистема в нем (экономика, наука, политика и т.д.) будет самостоятельно продуцировать соответствующие необходимые знания. Политика по сравнению с наукой будет играть второстепенную роль. Нико Штер³ отводит первостепенное место в проекте будущего научному производству знания, что, по крайней мере в тенденции, снизит власть политики, ограничив ее регулированием «политики знания». Карин Кнорр-Цетина⁴, опираясь на эмпирические исследования, подчеркивает, что становление объективного научного знания зависит от общественных условий. Нина Дегеле⁵ очерчивает перспективу изменения характера знаний в результате применения компьютерных технологий не только в количественных, но и в качественных исследованиях, а также отмечает растущее значение «знаний второго порядка» – знаний о знании. Скотт Лэш и Селия Лури⁶ предполагают, что границы между экономикой и культурой в обществе знания исчезнут, потому что и то, и другое будет все больше опосредоваться символами, знаками и информацией. Наконец, Мануэль Кастельс⁷ рисует образ глобального информационно регулируемого капитализма в сетевом обществе.

¹ *Luhmann N.* Die Wissenschaft der Gesellschaft. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1990.

² *Willke H.* Dystopia: Studien zur Krisis des Wissens in der modernen Gesellschaft. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2002.

³ *Stehr N.* Arbeit, Eigentum und Wissen: Zur Theorie von Wissensgesellschaften. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1994.

⁴ *Knorr-Cetina K.* Wissenskulturen: Ein Vergleich naturwissenschaftlicher Wissensformen. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2002.

⁵ *Degele N.* Informiertes Wissen: Eine Wissenssoziologie der computerisierten Gesellschaft. – Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus, 2000.

⁶ *Lash S., Lury C.* Global culture industry: The mediation of things. – Cambridge: Polity, 2005.

⁷ *Castells M.* The rise of the network society. – Oxford: Blackwell, 1996. – Vol. 1.

Многое было бы уже достигнуто, считает автор, если бы эти аспекты нашли отражение в политической и медийной аргументации общества знания. Но желание развернуть дебаты о его экономических и технологических предпосылках остается неосуществимым. Для того чтобы идеи модерна не превратились именно в обществе знания из невыполнимого в регрессивный проект, нужно сегодня связать эти дебаты с «повседневными знаниями рядового человека». Главный вопрос: не должно ли общество знания стать развитием проекта эмансипации, идеалом которого является как можно более широкое участие, возможно большего числа граждан с высокой информационной и медиакомпетенцией? Быть может, мечтает автор, вместо вечной двусмысленности афоризма Ф. Бэкона «знание – сила» более позитивным окажется клич «перезагрузить гуманизм!» В этом случае знание создавало и развивало бы способности к социальному действию и индивидуальному принятию решений в масштабе всего общества. Знания служили бы исходным материалом для каждого и топливом для потенциала всего общества, а не оценочным критерием в папках соискателей так называемого высокого потенциала.

Ф. Тиль (Свободный университет Берлина) (2) в известной мере поддерживает позицию М. Шёба, раскрывая ее на материале анализа современных подходов к обучению. Тиль утверждает, что овладение знаниями является «категорическим императивом» общества знания, и потому принципиальными для общественного самосознания становятся вопросы передачи, освоения и проверки знаний на всех стадиях обучения. Желая разобраться в новых методологических ориентирах педагогической науки, автор предпринимает попытку рассмотреть ее сквозь призму ретроспективного (вплоть до настоящего времени) обзора теоретических подходов к знанию.

При наблюдаемом относительном перевесе воспроизводства знания над его производством решающее функциональное значение приобретают опосредование и комментирование (модерация). Это, в свою очередь, предполагает отбор, свертывание (компрессию) и популяризацию (научных) знаний, а также поддержку, сопровождающую процесс усвоения. Если задачи модерации отсылают к классической теории образовательной дидактики, то в центре современных исследований передачи знания, прежде всего преподавания, оказывается проблема методически контролируемого посредничества. Исторические условия и того, и другого видов

деятельности существенно меняются. Это касается не только прогрессирующего умножения и специализации наличного знания и соответственно трудностей, вызываемых его сортировкой и определением общеобязательного комплекса знаний, но и обновления способов поддержания традиции, архивации и распространения.

Внимание автора приковано к модному сегодня в науке о воспитании лозунгу «оборота знания», точнее, к его следствиям, заставляющим задуматься над средствами диагностики и помощи в процессе индивидуального усвоения знания. Считая плодотворной разработку данной темы, Тиль рассматривает ее в нескольких проекциях: 1) представляет наиболее авторитетные типологии знания; 2) обобщает на этом фоне материал дискуссий о состоянии педагогического знания; 3) анализирует понятие знания в свете педагогических методов подачи и проверки знания; 4) выделяет важнейшие проблемные узлы в этой области исследований.

Со времен греческой философии знание (*episteme*) как род познания отличают от веры или мнения (*doxa*). В то время как вера или мнение покоятся на субъективном убеждении, знание претендует на объективное содержание истины. Объяснение и достоверность составляют необходимые условия валидности знания. Указанное различие знания и веры вплоть до XX в. определяет семантику знания и «профилирует» в соответствии с теоретическими установками (теологической, эмпирической, рационалистической, идеалистической, материалистической) историю западной философии. Педагогический образ знания восходит к философии Просвещения, в которой знанию отводилась не только эмансипационная роль – устранения предрассудков веры, но и инструментальная роль – освоения природы и управления обществом. Наряду с производством знания (наука) исключительное значение придавалось его прикладному использованию (техника) и его популяризации и воздействию (педагогика).

В XIX–XX столетиях классическое различие веры и знания оказалось, утверждает автор, под давлением критики с трех сторон. 1. Со стороны историко-материалистических теорий социологии знания (Манхейм), которые изучали связь интересов с производством знания в идеологическом ключе. Позже Фуко радикализировал принципы критики идеологии, показав, что не столько воля к истине, сколько воля к власти служит мотором генерирования и использования знания. Новейшие исследования социологии знания уделяют пристальное внимание процессу передачи (*Vermittlung*) и

усвоения знаний, усложняющейся социальной логике и тому факту, что и при справедливом распределении ресурсов знания опосредствующие факторы его воспроизводства как культурного капитала еще долго не исчезнут. 2. Со стороны возникающей из установок экзистенциализма и философии жизни критики позитивистского понятия знания, которая относится не только к утилитаристскому сглаживанию (*Ausrichtung*) этого понятия, но и релятивирует аспект его общезначимости в пользу индивидуальной осмысленности и важности. Научное знание не нуждается больше в ссылке на исключительные ценностные принципы, поскольку конститутивными для него являются знания, связанные с жизненным миром. 3. Наконец, оппозицию знания и веры ставит под вопрос Э. Гетье, показывая, что три важнейших допущения – убеждение, истина и обоснование, из которых она исходит, – не выполняются одновременно необходимым образом. Гетье приводит примеры, когда мы говорим о знании, хотя его обоснованность является проблематичной¹.

Далее, ссылаясь на Н. Лумана, автор представляет понятие знания в системной перспективе, где оно определяется как связь когнитивных схем (когнитивных ожиданий вкупе с нормативными ожиданиями), которые регулируют соотносительные социальные и психические системы в окружающем мире. С этой точки зрения знания являются результатом переработки информации – интерпретированных данных. Вместе с тем в отличие от информации знание рассматривается как структурированное, и в то же время динамичное упорядочивание.

Если в данном контексте говорить о новом знании, уточняет Тиль, то нельзя не заметить, что его обретение покоится на существующих когнитивных схемах, управляющих столько же восприятием и переработкой информации, сколько и действиями. Поэтому в новейших теориях обучения и в социологии знания получение знаний интерпретируется как активный процесс, как конструирование знания.

Опытное подтверждение придает знанию достоверность, проверка опытом имплицитно его непрерывную адаптацию и модификацию. В противоположность нормативным ожиданиям (право) когнитивные ожидания (знания) являются побуждающими

¹ *Gettier E.L.* Is justified true belief knowledge? // *Analysis*. – Oxford, 1963. – Vol. 23. – P. 121–123.

ожиданиями, которые не исключают разочарования и потому нацелены на обучение.

В системно-теоретической перспективе на первый план выходит контрверза знания / незнания, вместо классического противоположения знания / веры. Знание принимает различные формы и степени, побуждающая сила которых существенно варьируется. Так, если научное знание ищет опытного подтверждения, то обиходное (в том числе профессиональное) знание принимает относительно догматический характер (как в случае педагогического знания).

Производство знания не столько избавляет от насущных проблем, сколько увеличивает незнание и тем самым ненадежность. Решающее значение науки в обществе знания состоит вследствие этого не в генерировании истинного знания, а в обобщении механизмов, производящих знание экспериментальным образом. В обществе знания имеет успех переработка незнания, распространяющаяся в качестве общей модели. Сомнения в надежности знания принуждают к систематическому «(само)наблюдению в исследовательской коммуникации».

Ряд авторов, продолжает свой обзор Тиль, защищают мысль о том, что производство знания в настоящий момент все меньше нацелено на различение истинного и ложного, и все больше – на продуктивное и эзотерическое знание¹.

Наряду с определением знания через фиксацию противоположностей существует немало попыток его типологического различения. В их основе лежит и так или иначе воспроизводится традиционное деление на теоретическое и практическое знание. Например, психологи говорят о декларируемом (знания о понятиях, объектах или отношениях) и процедуральном (знания о процессах и способах поведения) знании. В практическом измерении классическое аристотелевское разграничение *epistémé*, *techné* и *phronesis* переводится в *know why*, *know how* и *know what*. В учебниках по менеджменту знания часто выделяют оперативное и ориентированное знание или исполнительский (*Handlungswissen*) и управленческий (*Steuerungswissen*) виды знания.

Попытки типологизаций умножились также благодаря введенному М. Полани различению эксплицитного и имплицитного

¹ См., например: *Willke H. Dystopia: Studien zur Krisis des Wissens in der modernen Gesellschaft.* – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2002.

знания¹, непосредственно связывающему знание с навыками / возможностями. В психологии знания ввиду данного различия поднимается вопрос, осознанны или интуитивны знания и что важнее для организации и развития профессиональных знаний?

Далее Тиль переходит к анализу теоретического моделирования педагогического знания, процессов обучения-и-запоминания. Важнейшими среди форматов ментальных репрезентаций знания считаются аналоговый (визуально-пространственный) и пропозициональный форматы.

Типологии знания могут здесь строиться по трем основаниям: легитимация знания (например, научное относительно повседневного знания), его функции (например, практическое относительно ориентирующего знания) и репрезентация (например, семантическое относительно эпизодического знания).

Автора в данной связи интересуют отношения между педагогическим знанием и наукой о воспитании. С одной стороны, они рассматриваются в перспективе научного познания, с другой – в перспективе их соответствия референтным (теоретическим) или родственным дисциплинам (прежде всего психологии). В свете герменевтико-прагматической традиции наука о воспитании предстает (по определению В. Флитнера) как «рефлексия степени ответственности думающего»².

В 1970-е годы так называемый позитивистский спор вспыхнул в немецкой науке о воспитании с новой силой. В центре его стояла проблема выделения собственной предметной области и ее обоснования: прежде всего, обособления от смежных областей – социологии и психологии. Утверждалось, что педагогические знания обязаны своим формированием «реальному научному синтезу», который объединяет и обобщает эмпирические данные смежных дисциплин в практике их использования. Как бы то ни было, в дискуссии о специфически педагогическом предмете научные и практические знания обсуждались как различные «классы» знания. Безмятежная вера в рациональное ядро научного знания, несмотря на все раздражающие фальсификации, определяла отноше-

¹ *Polanyi M. Personal knowledge: Towards a post-critical philosophy. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1958.*

² «Reflexion am Standort der Verantwortung des Denkenden». См.: *Flitner W. Das Selbstverständnis der Erziehungswissenschaft in der Gegenwart // Flitner W. Gesammelte Schriften. – Paderborn: Schöningh, 1989. – Bd. 3. – (1. Aufl. 1957). – S. 328.*

ние к соответствующей практике: с одной стороны, как социально-технологической, с другой – как критическому просвещению.

С ослаблением дискуссионного накала в 1980-х годах превосходство научного знания стало вызывать сомнения, прежде всего в силу необратимых сопутствующих последствий при его практическом применении. Это привело к демонстративному признанию равноценности альтернативных форм знания.

Олькерс и Тенорт предприняли в 1991 г. попытку систематически установить границы понятия педагогического знания¹. Они регистрировали растущий интерес к «разнообразию форм знания», что нашло выражение в переоценке традиционного понимания профессионального уровня: «мудрости», «призвания», «кругозора учителя» (*Schulmännerklugheit*). Педагогическое знание заявило о своей автономии, усматривая свое специфическое содержание в систематическом объединении разрозненных сведений. Разумеется, здесь не идет речь об особом научном подходе. Акцент делается на развитии топологии обучения. Необходима реконструкция задач и требований профессионализации, применение знаний науки о воспитании при разработке образовательной политики и в педагогической практике, и, что очень важно, в социологических исследованиях.

Отвлекаясь от многосторонней диагностической критики потенциала понятия общества знания, нельзя не заметить растущих общественных требований, предъявляемых к науке о воспитании и педагогическим профессиям, а также подъема исследовательской активности в этой области. В данном контексте уместно говорить, в частности, об эффективности техник экономии времени в ходе накопления и переработки информации. Эти процессы, опосредуемые сопроводительными инструкциями и проверкой (диагностикой) в соответствующих опытах, являются ключевыми для качества получения знания. Как для слабых, так и для сильных учителей невозможно переоценить значение приобщения к новым научным данным из области психологии обучения, вновь и вновь демонстрирующим, что недостающие знания невозможно компенсировать просто рассудительностью.

Каким бы путем ни осуществлялись теоретические заимствования и восприятие эмпирических данных, считает автор, решающим для педагогического профилирования знания является взаи-

¹ Pädagogisches Wissen / Hrsg. von J. Oelkers, H.-E. Tenorth. – Weinheim; Basel: Beltz, 1991.

мосвязь научного знания, преподавания, образования и воспитания. В педагогике знание тематизируется в аспектах передачи и усвоения, то есть при условии объяснения цели, содержания и метода. О динамике накопления знаний можно судить по открытости обучению, которая выверяется мотивом, запросом личностного роста.

Тиллю важно развести предметные срезы современной педагогической аналитики. Если в исследованиях психологии передачи знания главный упор, подчеркивает он, делается на нейробиологических и когнитивных предпосылках обучения и, соответственно, диагностике выявления индивидуальных нарушений в этом процессе, то социологические исследования сфокусированы на «приложении знаний», формах «опосредования и проверки знаний»¹. Социологи стремятся оценить «биографическую значимость знаний». Это акцентирование «биографической значимости» сближает современное понятие знания с традиционным понятием образования, побуждая сосредоточить большее внимание на внешкольных формах передачи знания, на обучении взрослых и социальной педагогике. Только в непрерывном процессе образования приобретаемое знание становится фактом биографии.

Педагогические исследования позволяют, по мнению автора, не только выявлять условия эффективной передачи знания (удачные варианты инструкций в рамках парадигмы процесса-продукта), но и формулировать эмпирически обоснованные принципы создания среды, благоприятной для обучения. В противоположность традиционным исследованиям преподавания когнитивно-психологические экспертные исследования изучают формы работы учителей в условиях неопределенности.

Изучение педагогической деятельности следует развивать также в русле социологии профессий. Теоретической координатой может служить здесь тезис Н. Лумана и К. Шорра о технологическом дефиците². В социологии профессий, придающей особое значение аспекту интеракции, оттеняется логика отношений клиентов / профессионалов и подчеркивается значение общественных полномочий. Образование – конденсат знания – приравняется сегодня наряду со здоровьем, правом или спасением души к числу

¹ *Kade J.* Wissen und Zertifikate: Erwachsenenbildung / Weiterbildung als Wissenskommunikation // *Ztschr. für Pädagogik*. – Weinheim, 2006. – Jg. 51, H. 4. – S. 498–512.

² *Lumann N., Schorr K.E.* Reflexionsprobleme im Erziehungssystem. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1979.

экзистенциальных ценностей и потому нуждается в профессиональном обеспечении. Работа преподавателя в этом смысле заключается в предметно-специфической аппликации научных знаний, подразумевающей горизонт непрерывных толкований, в каждом отдельном случае. То, каким образом можно определить профессиональное самоощущение «работника умственного труда» в условиях конкуренции специалистов и на фоне размывания границ профессий, является темой, разрабатываемой в сфере продолженного образования¹. Образование взрослых как профессиональная деятельность педагогической помощи могло бы быть особенно полезным там, где оно воспринимается как индивидуальный жизненный шанс, но сталкивается с дефицитом компетенции и с конфликтом из-за барьеров, препятствующих его устранению. В обоих случаях речь идет об открытии «шансов деятельности».

Переходя к обсуждению прикладных проблем обучения, автор указывает, прежде всего, на противоречивые отношения между передачей и усвоением знания. При этом в поле зрения попадают формы институционализации педагогической коммуникации. При разграничении с другими формами распространения знаний педагогическую коммуникацию можно рассматривать как соотносимый с усвоением процесс коммуникации знания, который, имея в виду лумановскую «пошаговую» коммуникацию, организует информацию с открытым настроем на сообщение и понимание. Для конкретных форм передачи знания – тренинга, наставления, модерации или консультации – не последнюю роль играют «субъективные теории знания» обучающихся.

Проверка полученных знаний протекает в рамках педагогической диагностики и эволюции процесса образования. Хотя процесс усвоения для педагогов остается непрозрачным, все равно нельзя достичь педагогической цели без проверки ее успешности. Это делается в институциональном обучении особым образом: в то время как успешное вмешательство должно обеспечить способность к дальнейшему движению, неудачное вмешательство, как правило, вызывает к ответственности. Успех передачи знания попутно становится и его проверкой.

¹ *Stichweh R. Wissen und die Professionen in einer Organisationsgesellschaft // Organisation und Profession / Hrsg. von T. Klatetzki, V. Tacke. – Wiesbaden: VS, 2005. – S. 31–44.*

В контексте институционального образования проверка полученных знаний выполняет две функции. Она, с одной стороны, дает оценку уровню обучения и определяет направление развития адаптационных методов педагогики. С другой стороны, с помощью сертификации результатов учащихся (селективной диагностики) ориентирует их на перспективу дальнейшего обучения или на рынок труда. Институциональное образование в современных обществах редко предусматривает адресную помощь в устранении недостатков специфической компетенции. В основном его продолжительность связана с карьерными целями. Однако овладение знаниями, отмечает автор, выполняет важнейшую функцию становления личности, влияет на определение жизненного пути, который оказывается проверкой приобретенных знаний, переходящих в выбор решений.

В заключение статьи Тиль указывает на тематически продуктивные области исследования науки о воспитании. Во-первых, необходимы теоретическое моделирование и эмпирическая реконструкция профессиональных знаний, во-вторых, изучение результативности применения достижений науки о воспитании в школьном преподавании, в-третьих, легитимация и проверка эффективности передачи повышающих компетентность знаний в различных педагогических полях.

Л.В. Гирко

Д.Дж. Фрэнк, Дж. Майер

ЭКСПАНСИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ И ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ¹

Frank D.J., Meyer J.

University expansion and the knowledge society // Theory & society. – Dordrecht, 2007. – Vol. 36, N 4. – P. 287–311.

Американские социологи Дэвид Фрэнк (Калифорнийский университет) и Джон Майер (Стэнфордский университет) в своей статье рассматривают феномен расцвета университетского образо-

¹ Реферат подготовлен в рамках исследовательского проекта «Концепция “общества знания”: Сущность и философско-методологические перспективы», осуществляемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-03-00307 а).

вания в контексте представлений об обществе знания как об одном из этапов модернизации. Авторы обращают внимание на противоречивые тенденции. С одной стороны, присущий модерну процесс социальной дифференциации нередко ассоциируется с нарастающими потребностями в специализированном знании и образовании, которые угрожают выживанию университетов. С другой стороны, модерн способствует развитию интегрированной системы знания. Однако, несмотря на все вызовы и трудности, университеты в эпоху модерна продолжают функционировать и развиваться. Более того, масштабы и динамика их развития могут быть охарактеризованы как экспансия.

Радикальные изменения в положении университетов, происходившие на протяжении последних 60 лет, отличались следующими характеристиками.

1. Экспоненциальный рост количества университетов, которые появились практически во всех государствах, включая самые бедные и малонаселенные.
2. Не менее впечатляющим был и рост числа студентов (более 100 млн. человек в 2000 г.), которые теперь представляют не только элитарные группы индустриально развитых стран (как было в начале прошлого века), но также и периферийные страны. Причем если прежде женщины были почти полностью исключены из процесса университетского обучения, то сейчас именно женщины составляют основную долю в общем приросте количества студентов.
3. Резко увеличивается не только число самих университетов, но и их факультетов, учебных программ и специальностей, появляются все новые области знания, становящиеся объектом преподавания и исследовательской работы. Значительно усиливается роль социально-гуманитарного компонента учебных программ, а специализации в таких областях, как социология, психология, политология, экономика, имеются теперь почти в каждом университете.
4. Показатели экономического развития и социальной дифференциации перестают играть решающую роль с точки зрения доступа к образованию и количества университетов в той или иной стране.
5. Происходят структурные изменения, сопровождающиеся значительным ростом административного аппарата университетов, созданием новых рабочих мест в сферах управления и обслуживания, не связанных непосредственно с процессом преподавания (с. 289–290).

Все эти изменения свидетельствуют о нарастании беспрецедентной взаимозависимости между университетами и обществом в

целом, имеющей как позитивные, так и негативные стороны. Университеты оказываются тесно связанными не только с обществом, но и с властью, поскольку подавляющая часть политической элиты современного мира имеет университетское образование и поддерживает контакты с университетами, а почти все системы социальной стратификации легитимируются порожденным в университетских стенах знанием. Каким же образом эти тенденции могут быть интерпретированы в рамках представлений об обществе знания?

Фрэнк и Майер считают упрощенной и поверхностной трактовку общества знания как социальной системы, в значительно большей степени опирающейся на знание, чем ее предшественники. В данном случае недостаточно говорить только о континууме социальной сложности. По их мнению, знание играет ключевую роль в эпоху модерна, причем знание далеко не совпадает с информацией или навыками, необходимыми для исполнения той или иной социальной роли. Знание связано с пониманием культурного материала, организованного вокруг совокупности общих принципов и концепций реальности, развиваемых и усваиваемых в рамках системы образования. Одних прикладных, целеориентированных знаний и навыков в современном обществе уже недостаточно – они должны быть интегрированы в более общую систему представлений о мире, независимых от локального контекста или ситуативных обстоятельств. Причем знание и его практическая реализация могут существенно различаться. Так, например, доскональное знание о родительских обязанностях не гарантирует, что его носители в самом деле окажутся хорошими родителями.

Ключевым моментом для понимания факта увеличения социальной роли университетов является именно то, что знание апеллирует к универсальным принципам. Секрет успеха университетов, многие из которых не всегда дают своим выпускникам достаточный набор специализированных навыков, заключается в комплексном понимании природы и общества, в тех метапринципах, которые университеты предлагают не только своим студентам, но и обществу в целом. Общество модерна, идущее по пути дифференциации, основано на универсальном космологическом базисе. По словам авторов, «мы обнаруживаем себя в мире, где все познаваемо (и в принципе должно быть познано); где знание глубоко институционализировано в кодах и процедурах общества; где знание является «отмычкой» к широкому разнообразию социальных структур» (с. 303). Университеты процветают благодаря тому, что

не просто обеспечивают студентов необходимыми знаниями, но преподносят культурный и гуманистический материал в универсалистских категориях, давая своим выпускникам основные ориентиры в обществе знания.

Процессы университетской экспансии значительно интенсифицировались в период после окончания Второй мировой войны, когда нации-государства начали медленно уступать свои позиции новому глобальному обществу свободных индивидов. Переопределение общества в глобальных и индивидуальных категориях подрывает позиции национально ограниченной модели природы и общества, создавая тем самым благоприятную ситуацию для дальнейшего развития и укрепления социальной роли университетов и их сотрудников. При этом сами университеты претерпевают структурные и кадровые изменения, усиливающие их вклад в глобальный экономический рост.

Качественное изменение, характерное для современного общества знания, состоит в природе той социетальной модели, для реализации которой необходимо знание. В глобализованном и индивидуализированном обществе университетское образование начинает играть центральную роль как в производстве знания, так и в наращивании человеческого потенциала, которые в совокупности способны обеспечить новое качество социального развития. Например, в экономической теории получает признание важнейший вклад человеческого капитала в активизацию инновационных процессов, появление новых видов занятости и – в конечном счете – рост благосостояния.

Кроме того, система образования оказывает непосредственное воздействие на генезис институтов, определяющих характер социально-экономического развития. Новые профессии возникают в связи с требованиями не столько материального производства, сколько системы знания, конституирующей новую социальную динамику. Как считают авторы, важнейшая особенность общества знания заключается в том, что оно опирается на заложенные системой образования универсальные принципы, реализация которых рассматривается как самостоятельная ценность, независимо от ее материального измерения.

Экспансия университетов является не только одним из важных симптомов становления общества знания. Она, по сути, открывает новый этап взаимозависимости университетов и общества, в котором прежний идеал отвлеченного знания, создаваемого в

«башне из слоновой кости», оказывается пережитком прошлого. Критики этой тенденции обращают внимание на процесс деструкции академических ценностей. Однако они серьезно недооценивают противоположную тенденцию, заключающуюся в нарастающем многостороннем воздействии академических ценностей, подходов и экспертного знания на различные стороны жизни современного общества. В этом смысле увеличение количества профессорских ставок, финансируемых корпорацией «Боинг», является намного менее революционным, чем категорическое требование «Боинга» к своим инженерам иметь университетскую степень.

Говоря об особой миссии университетов в обществе знания, авторы обращают внимание на их структурный изоморфизм и поразительную близость учебных программ университетов, расположенных в различных частях мира. Тенденция к гомогенизации университетов и университетского образования получает подкрепление и на уровне международного права, прежде всего, в лице Болонской конвенции 1999 г. Признание университетских дипломов и ученых степеней за пределами того национального государства, где расположен выдавший их университет, является формальным подтверждением универсального характера университетского знания. Эти дипломы, степени и относительно унифицированная система оценки знаний студентов выступают легитимирующим фактором социальной стратификации в обществе знания¹. В то же время характерной особенностью общества знания является потенциальная возможность получить доступ к университетскому образованию для беспрецедентно широкого круга людей независимо от их классовой, расовой, гендерной, этнической принадлежности.

Современный студент становится потребителем образования, обладающим некоторым подобием суверенитета над территорией знания. Процесс университетского обучения все в большей степени переориентируется на инициативу и участие студента, который имеет возможность выбора интересующих его учебных курсов (например, ни один из 229 курсов по истории, читаемых в Гарвардском университете, не является обязательным). Тем самым устраняется излишняя регламентация, сокращается давление на студента, который все в большей степени воспринимает функцию

¹ См.: *Treiman D.J., Ganzeboom H.B.G. The fourth generation of comparative stratification research // The international handbook of sociology / Ed. by S.R. Quah, A. Sales. – L.: Sage, 2000. – P. 123–150.*

дизайнера собственного образования. В университете эпохи общества знания центральная идея обучения состоит в том, что студент получает возможность выбрать свой собственный путь к пониманию всех основных аспектов социальной и природной реальности, которое становится основным результатом университетского образования. Авторы, однако, замечают, что концептуальное осмысление этих перемен еще только предстоит (с. 306).

Подытоживая свой анализ феномена глобальной экспансии университетов, Фрэнк и Майер отмечают, что по сути дела речь идет о функциональном ответе системы образования на те вызовы, которые обусловлены нарастающей операциональной сложностью общества эпохи модерна. Качественная характеристика этого общества как общества знания далеко не в последнюю очередь означает экстраординарную степень взаимосвязи и взаимозависимости социума и университетов. Авторы подчеркивают, что университеты, их человеческий потенциал (преподаватели и студенты), образовательная и научная продукция, система оценки знаний, дипломирования и присуждения ученых степеней становятся тем стержнем, вокруг которого структурируется общество знания.

Д.В. Ефременко

ОТ ОБЩЕСТВА ТРУДА К ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЯ (Сводный реферат)

1. LASOFSKY-BLAHUT A., KOFRANEK M., PERNICKA S. Wissensarbeiter brauchen flexible Arbeitsbedingungen // Personal Manager. – Wien, 2007. – N 5. – S. 33–35.

2. KOFRANEK M. Knowledge Engineering – Wissensarbeit an der Schnittstelle Business-IT // KM-Journal. – Wien, 2007. – N 1. – Mode of access: http://www.km-a.net/Downloads/KM-Journal/1_2007_KM-Journal%201-07%20Kofranek_KnowledgeEngineering.pdf

3. KOCYBA H. Die Bedeutung der Kategorie Wissen für den Wandel der Arbeit // Technikfolgenabschätzung – Theorie & Praxis. – Frankfurt a. M., 2007. – Jg. 16, N 2. – S. 43–49.

Тезис о новой роли знания как решающей производительной силы в ведущих промышленных странах кажется сегодня почти тривиальным. Дискуссии о приумножении интеллектуального капитала в посткапиталистическом обществе, или о переходе от ин-

дустиального общества к обществу знания, продолжают уже не первое десятилетие¹. Среди эмпирических исследований, дающих дополнительный материал для обоснования этого тезиса, привлекает внимание исследовательский проект Венского университета и Института переподготовки управленческих кадров (Австрия), посвященный изучению интересов и потребностей людей, профессиональная деятельность которых связана с управлением знаниями. Правда, участники проекта А. Лазофски-Блаут, М. Кофранек и С. Перницка (1) отмечают, что пока не существует унифицированного определения понятия «когнитивный труд» (*Wissensarbeit, knowledge work*). Однако они выделяют три главных признака, позволяющих отличать когнитивный труд от других форм занятости:

- работа с совокупностью разнообразной социально значимой информации в большинстве случаев требует комбинации стандартного образования и повышения профессиональной квалификации;

- работа носит креативный и рефлексивный характер, и ее результатом часто становится производство нового знания;

- занятые в этой сфере стремятся найти нетрадиционное решение уже известных задач и / или обращаются к нерешенным проблемам; предпосылкой успеха здесь является высокий уровень компетентности при решении проблем в условиях повышенной сложности.

Когнитивный труд, по убеждению авторов, имеет место преимущественно в сферах производства нового знания и его практического применения. В частности, роль когнитивного труда очевидна в процессе исследований и разработок, промышленном внедрении их результатов, в условиях реформирования управления предприятием и персоналом и, наконец, при консультациях по проблемам контроля и маркетинга. К сожалению, в глазах многих представителей административных структур роль консультативной деятельности или использования результатов научных поисков в процессе создания материальных ценностей выглядит незначительной. Они часто ограничиваются сферой информационных технологий и оцениваются как «накладные расходы», от которых предприятие в случае необходимости может отказаться. Это нередко приводит к фрустрации когнитивных работников, снижает их

¹ *Drucker P.F.* Post-capitalist society. – N.Y.: Harper, 1993; *Nonaka I., Takeuchi K.* Die Organisation des Wissens. – Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus, 1997; *Sveiby K.E.* Wissenskapital: Das unentdeckte Vermögen. – Landsberg: Moderne Industrie, 1998.

трудоую мотивацию, что в свою очередь негативно сказывается на эффективности и рентабельности соответствующего предприятия или фирмы.

Однако, как свидетельствуют полученные в рамках проекта данные опросов, сегодня отношения между организациями и их сотрудниками, занимающимися менеджментом знаний, начинают меняться. Несмотря на упомянутые выше инерционные ограничения, мотивация этих специалистов сохраняется на высоком уровне, а специфические требования к организации их труда находят большее понимание у административного руководства. К числу таких требований относятся высокая степень структурной и содержательной автономии менеджеров по знаниям, пространственная и временная гибкость графика их работы, необходимость в регулярном обновлении запаса знаний, в частности в рамках участия в конференциях, профессиональной переподготовки или просто чтении регулярно обновляющейся литературы. Участники проекта констатируют, что представители этой профессиональной группы чаще всего находятся вне формальной командной иерархии. Не занимая официальной позиции ответственного лица, они все же участвуют в принятии стратегических решений и порой ставят под сомнение сам стиль управления делами. Лояльный подход администрации к предложениям менеджеров по знаниям позволяет добиться продуктивного использования этого критического потенциала¹. Все затраты и неудобства, по заключению австрийских ученых, окупаются той отдачей инновационных технологий и решений, которую получает предприятие, и в конечном счете – приобретением выпускаемой этим предприятием продукции статуса «наукоемкой» и конкурентоспособной.

Вместе с тем для руководства организаций возникает необходимость найти ответ на ряд важных вопросов. 1. Новый подход к когнитивному труду требует дифференцированного использования инструментов руководства персоналом, где оценка уровня знаний становится частью оценки вклада того или иного сотрудника. Руководители должны знать, какие новые знания и навыки приобрели эти сотрудники. Именно эта информация превращается в основу работы с кадрами и планирования карьерного роста. 2. Когнитив-

¹ См., напр.: *Hasler-Roumois U.* Studienbuch Wissensmanagement. – Zürich: UTB, 2007; *Lehner F.* Wissensmanagement: Grundlagen, Methoden und technische Unterstützung. – Wien: Hanser, 2008.

ный труд нуждается в новых (относящихся к трудовому праву) рамочных условиях. Задача руководства предприятий состоит в том, чтобы, с одной стороны, предоставить менеджерам по знаниям большую степень свободы, с другой – интегрировать их в основные процессы, связанные с функционированием предприятия. Кроме того, как раз в насыщенных знаниями областях можно опробовать вызывающую столько споров модель доверия к степени занятости и трудовой дисциплине сотрудников. 3. Поскольку знание возникает в общении с коллегами и внешними экспертами, важной функцией администрации становится создание условий для производственного взаимодействия и сотрудничества. При организации коммуникативного процесса необходимо добиваться как можно более ясного понимания связанных со знанием задач, которые должны быть решены. 4. Руководство организаций должно использовать стремление сотрудников к профессиональному совершенствованию, обеспечивая для этого необходимые пространственно-временные условия. 5. Специалисты по менеджменту знаний стремятся к признанию и уважению, которые для них в большинстве случаев важнее зарплаты. 6. Только в доверительной рабочей атмосфере, как свидетельствуют данные опроса, становятся возможными наибольшие достижения специалистов по работе со знаниями. 7. Принимая в расчет то, что работающие с интеллектуальным потенциалом не делают принципиальных различий между рабочим и личным временем, руководство предприятий с высокой долей новаторов должно отвести особую роль политике равновесия между трудом и досугом. 8. Специалисты по знаниям предъявляют высокие требования к своим работодателям и обычно обладают рядом альтернатив, в силу чего организации должны конкурировать друг с другом за возможность найма наилучших специалистов (1, с. 34–35).

Итак, по заключению австрийских ученых, доля когнитивных работников на производстве непрерывно растет, что приводит к постепенному накоплению конфликтного потенциала. Напряженные отношения возникают между теми сотрудниками, которые призывают к автономии и ответственности за свои поступки, и теми, для которых более приемлемы отрегулированные правила и режим труда. Поэтому процесс поиска компромисса между требованиями этих групп трудящихся должен быть транспарентным, а риск соизмерим с положением и затратами на каждого сотрудника.

Тему предыдущей статьи продолжают размышления руководителя Центра инжиниринга знаний М. Кофранека (Австрия) о ра-

ботниках сферы интеллектуального менеджмента и их месте в информационной архитектуре общества (2). Он ссылается на известную книгу американского ученого Роберта Райха, который ввел понятие «символический аналитик» («symbolic analyst») применительно к когнитивному труду. В сфере компетенции такого специалиста – овладение символическими абстракциями и применение этого абстрактного знания к системам, в том числе и к хозяйственной деятельности предприятий¹. Опираясь на идеи Райха, а также разработки специалистов по информационным технологиям, Кофранек заявляет, что когнитивный работник является «инженером знания» (knowledge engineer), своеобразным посредником и переводчиком с языка разработчиков технологий (в первую очередь информационных) на язык менеджеров производства и конечных потребителей. Он обеспечивает интеллектуальный и организационный процесс, составляющими которого являются определение проблемы, поиск решения, концептуализация и внедрение. При этом на основе интеграции различных дисциплинарных подходов создается новое знание и предлагаются инновационные решения, специфические для соответствующей организации и присущей ей бизнес-модели. Процесс характеризуется повышенной сложностью, и в его рамках не существует никакой predetermined линии поисков оптимального решения. Инженер знания, располагающий обширным инструментарием методов и стратегий, по ходу дела принимает решение об использовании наиболее подходящего из их числа.

Кофранек считает, что в число важнейших задач инженера знания входят:

- внедрение приемов моделирования процессов и систем, способствующих эффективному применению информационных технологий в коммерческой деятельности и в человеко-машинном взаимодействии,

- использование оптимальных вариантов действий для реализации проектов, связанных с информационными технологиями,

- ориентированное на знания планирование ресурсов предприятия,

¹ Reich R.B. The work of nations: Preparing ourselves for 21st century capitalism. – N.Y.: Borzoi books, 1991.

– обеспечение сбалансированного применения информационных технологий и оценка пользы и издержек их использования в данном бизнесе (2, с. 3).

По мнению Кофранека, новое качество знания возникает в процессе его применения в конкретных обстоятельствах. Речь идет не только об использовании нового знания всеми участниками производственной деятельности, но и об изменении самого способа мышления на предприятии и о формировании нового организационного знания. Работа инженера знания, заключает Кофранек, вносит важный вклад в активизацию созидательных форм трудовой активности.

О значении категории «знание» для изменения трудовых отношений пишет сотрудник Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне (ФРГ) Г. Коцыба (3). Он обращает внимание не только на количественный и качественный рост нового сектора рынка труда, но и на повышение ценности компонентов знания в конвенциональном трудовом процессе. Даже в традиционном (тэйлористском) режиме труда происходят важные изменения в сторону более новой, более гибкой взаимосвязи между «ручной» и «интеллектуальной» работой¹.

Правда, эти тенденции – вопреки часто повторяемым суждениям в дебатах об обществе знания – не означают, что знание приходит на место труда или капитала. Когнитивный труд – это форма трудовой активности, которая оплачивается не за какое-то абстрактное знание, а за вполне конкретное использование знаний для решения производственных и коммерческих задач соответствующего предприятия. Автор (3) настаивает на том, что знание как таковое, бесспорно, не существует вне комбинации с факторами труда и капитала. Однако «облагороженные знаниями» формы труда и капитала хотя и приносят более высокие доходы, доступны далеко не каждому из участников экономической и производственной деятельности. Речь идет не о рутинном для рыночной экономики знании, но о тех его формах, которые способны обеспечить конкурентные преимущества, специфичны для того или иного производственного процесса и, как правило, являются объектом интеллектуальной собственности.

¹ *Kocyba H., Vormbusch U. Partizipation als Managementstrategie. – Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus, 2000.*

Несмотря на известный скепсис в отношении перспектив замещения труда знанием в процессе создания материальных благ, сегодня отмечается возрастающий интерес исследователей к проблемам коммуникативного взаимодействия на производстве¹. Рабочая сила все чаще рассматривается как наделенное телесностью знание, имеющее экономическое измерение. Даже те наблюдатели, которые противостоят положению о радикальной ломке мира труда, не отрицают происшедшего в последние десятилетия роста численности высокопрофессиональных и дипломированных рабочих. Увеличивающийся спрос на них, считает автор (3), сопровождается появлением новых проблем на рынке рабочей силы. Спорным остается вопрос о реальном масштабе потребности в квалифицированных рабочих. Вполне вероятно, что в этом случае более уместно говорить не о сущностном преобразовании трудовых отношений, а о совершенствовании системы образования². Уровень подготовки специалистов, необходимых сегодня на производстве и в офисе, в сферах услуг и консалтинга далеко не всегда совпадает с записями в дипломе о полученном образовании.

Социология знания, изучающая процессы его производства, хранения, распространения и использования социальными группами, а также влияние культуры и общества на формирование, функционирование и развитие знания, как известно, настаивает на необходимости их дифференциации. Без сомнения, знание, основанное на здравом смысле и повседневном опыте людей, отличается от академического. Обладая различной степенью достоверности, обыденное знание и знание академическое играют разную роль в жизни человека и общества в целом. В силу этого знание, необходимое работнику предприятия или действующей в сфере услуг фирмы, может стать в условиях все более эффективных информационных технологий одновременно и шагом к решению проблем, и своеобразным балластом. Зависимость процессов создания материальных благ от знания все отчетливее проявляется в том, что предпосылкой повышения рентабельности становится переработка все большего объема информации. Выбор оптимальных параметров оказывается важнейшим средством управления, позволяющим избежать

¹ *Vormbusch U.* Diskussion und Disziplin: Gruppenarbeit als kommunikative und kalkulative Praxis. – Frankfurt a.; N.Y.: Campus, 2002.

² *Stehr K.* Das Produktivitätsparadox // Wissenschaft in der Wissensgesellschaft / Hrsg. von S. Bösch, I. Schulz-Schäffer. – Opladen: Westdeutscher Verl., 2003. – S. 77–93.

ошибок в условиях многовариантного процесса принятия решений. Наряду с обеспечением доступа к знаниям, с одной стороны, и ориентирования в информационных потоках – с другой, особое значение приобретает селекция знания / информации¹.

Возрастающее значение фактора знаний в процессе труда, подчеркивает Коцыба, связано с тем, что знание превращается в ту составляющую трудовых процессов, которая легче всего поддается модификации, в отличие от физических навыков людей или прочих компонентов. Более того, современные информационные технологии делают возможным его максимально быстрое внедрение. Мастерство работников заключается в умении «реконтекстуализировать» новое знание надлежащим образом, то есть в соответствии с техническими или экономическими характеристиками предприятия. На передний план также выдвигается способность пластично и быстро реагировать на изменения рыночной конъюнктуры. Тот, кто пытается сохранить традиционные преимущества массового производства, теряет уже на старте.

Релевантность знания задачам конкурентной борьбы означает, что речь, как правило, не идет об общедоступном, деконтекстуализированном и стандартном эксплицитном знании. По мнению Коцыбы, при характеристике знания как «источника прибавочной стоимости» нельзя говорить о его простой передаче. Предпосылкой рыночного успеха является гибкое оперирование различными видами знания, их комбинирование с практическими навыками сотрудников.

Знание играет важнейшую роль и в координации трудовой деятельности. Рациональная бюрократия, представляющая собой идеальный тип профессионального знания и служебного авторитета, означает также специфическую связь знания и власти. В экстренных случаях представители рациональной бюрократии должны быть в состоянии дать подробные указания по оформлению трудовых процессов, которые в пределах традиционного порядка управления возложены на штат технических экспертов. Однако интенсивный рост количества специалистов по работе со знаниями приводит к частичному сокращению этого слоя управленцев и к определенному сужению их властных полномочий. Организационное знание не является более привилегией управленцев: оно пре-

¹ Hack L. Technologietransfer und Wissenstransformation. – Münster: Westfälisches Dampfboot, 1998. – S. 719.

вратилось в проблему рядового сотрудника. При этом незнание перестает служить оправданием в случае принятия ложного / неприятия необходимого решения¹. Таким образом, происходит разрушение привычной иерархической структуры, которая в конечном счете оказывалась иерархией знания.

Производственная иерархия становится многослойной: внутри нее сотрудник может быть компетентнее начальника (и даже больше него зарабатывать). Основной задачей управленцев становится координация, а не оптимальные умение и контроль, которые переходят в сферу компетенции самих работников. Результат этих перемен оказывается парадоксальным: теперь знание означает не только обладание властью, но и также нечто противоположное – своеобразное безвластие, порожденное новым видом ответственности, которое зачастую не сопровождается пропорциональным расширением полномочий.

Двойственность новой ситуации проявляется и в том, что, с одной стороны, все сотрудники организации являются законными носителями практического знания, которое официально признано ресурсом, источником рационализаторских предложений и инновационных идей. Однако с другой стороны, данное равенство имеет свои границы. Способность к гибкому использованию знания в производственном и функциональном контекстах распределяется неравномерно. Побудительный характер, которым обладают определенные параметры знания, варьируется в зависимости от особенностей их адресата. Неслучайно проблема незнания в современном мире приобретает политическое значение. По мнению автора, сегодня пробивает себе дорогу суггестивная «неонеграмотность». Вопрос ставится о необходимости и полезности того или иного знания, об отличиях специалиста в той или иной сфере от «необразованной» среды. Для ответа на него привлекаются эксперты, которые очерчивают познавательные и коммуникативные рамки конструирования этих миров знания. Результат их деятельности признается нейтральным инструментом и предпосылкой дальнейших решений. В этом должна состоять одна из основных функций эффективной политики знания.

С.Г. Ким

¹ *Косыба Н.* Wissenspolitik im Unternehmen // Wissenschaft in der Wissensgesellschaft / Hrsg. von S. Bösch, I. Schulz-Schäffer. – Opladen: Westdeutscher Verl., 2003. – S. 178–190.

М. Кастельс

**КОММУНИКАЦИЯ, ВЛАСТЬ И КОНТР-ВЛАСТЬ
В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ**

Castells M.

Communication, power and counter-power in the network society // International j. of communication. – Los Angeles, 2007. – Vol. 1. – P. 238–266. – Mode of access: <http://ijoc.org/ojs/index.php/ijoc/article/view/46/35>

Создатель концепции сетевого общества Мануэль Кастельс в своей статье уделяет основное внимание взаимосвязям между коммуникацией и отношениями власти в новом технологическом контексте. Кастельс отмечает, что на протяжении веков коммуникация и информация были фундаментальными источниками власти и контр-власти, господства и социальных изменений. Главная из всех битв мировой истории – это битва за мысли людей. От динамики общественного сознания зависит судьба важнейших социальных норм и ценностей. Общества изменяются в процессе деконструкции их институтов под давлением новых отношений власти и формирования новых институтов, позволяющих членам общества мирно сосуществовать друг с другом, несмотря на противоречивые интересы и ценностные ориентации. Формирование сферы публичной политики происходит в процессе согласования частных интересов и проектов, когда удается достичь некоторой нестабильной точки коллективного консенсуса относительно общего блага в рамках исторически существующих социальных границ. В индустриальном обществе публичная сфера строилась вокруг институтов государства-нации под давлением демократических движений и классовой борьбы. Она была основана на сопряжении между демократической политической системой, независимым правосудием и гражданским обществом, связанным с государством. Двойственный процесс глобализации и роста коммунальных идентичностей бросает вызов национальному государству как релевантной единице, определяющей публичную сферу. Государство-нация не исчезает, но его легитимность сокращается в условиях расширения сферы действия глобального управления. Принцип гражданства вступает в конфликт с принципом самоидентификации, что приводит к кризису политической легитимности государства-нации, который так-

же включает в себя и кризис традиционных форм гражданского общества (в смысле А. Грамши). Но при этом не возникает социального или политического вакуума. Наши общества продолжают функционировать в условиях, когда формирование общественного сознания смещается из сферы политических институтов в область коммуникации, преимущественно связанной со средствами массовой информации. В широком смысле происходит замещение политической легитимности коммуникативной настройкой общественного мнения в сетевом обществе. Ярким подтверждением этой тенденции стала информационная стратегия администрации Буша в связи с войной в Ираке¹. В обществе, характеризующемся широчайшим распространением сетевых структур, отношения власти во все возрастающей степени формируются под воздействием процессов в сфере коммуникации.

Кастельс рассматривает власть как структурную способность одного социального актора навязать свою волю другим социальным акторам. Все институциональные системы отражают отношения власти, равно как и границы этих отношений, формирующиеся на протяжении истории в противостоянии власти и тех социальных акторов, которые стремятся к ее ограничению. Способность социальных акторов сопротивляться давлению институционализованной власти Кастельс называет контр-властью. Сегодня власть и контр-власть вынуждены оперировать в принципиально новых технологических условиях, которые характеризуются следующими тенденциями:

- доминирование медийной политики и ее взаимосвязь с кризисом политической легитимности в большинстве стран мира;
- ключевая роль в производстве культуры сегментированных, ориентированных на целевую аудиторию средств массовой информации;
- появление новых форм коммуникации, связанных с культурой и технологией сетевого общества и базирующихся на горизонтальных сетях коммуникации (самокоммуникация);
- использование как одноканальной массовой коммуникации, так и массовой самокоммуникации в отношениях власти и

¹ См.: *Arsenault A., Castells M. Conquering the minds, conquering Iraq: The social production of misinformation in the United States: A case study // Information, communication & society. – Abingdon, 2006. – Vol. 9, N 3. – P. 284–307.*

контр-власти, распространяющихся на формальную политику, политику протеста и на новые манифестации социальных движений.

Вплоть до последнего времени средства массовой информации представляли собой целостную систему, в которой печатная пресса производила оригинальную информацию, телевидение распространяло ее на массовую аудиторию, а радио выполняло интерактивную роль, учитывающую особенности различных целевых групп. Современная политика является преимущественно медийной политикой. Но основной проблемой является не столько формирование общественного мнения при помощи тех или иных сообщений СМИ, сколько отсутствие соответствующего контента в медиа. То, что не существует в СМИ, не существует и в общественном мнении. Соответственно политическое сообщение неизбежно должно быть сообщением СМИ, которые, таким образом, вносят важнейший вклад в конституирование пространства власти.

Медийная политика ведет к персонализации политики, ее привязке к лидерам, чей медийный образ должен быть выгодно продан на политическом рынке. Персонализация существенно влияет на электоральный процесс, побуждая независимых или неопределившихся избирателей переключать свое внимание на тех или иных кандидатов, как правило, в диапазоне от правого до левого центра. Избиратели обычно не читают избирательных платформ, но ориентируются на тот образ кандидатов, который формируют СМИ. Подрыв доверия к тому или иному политику при помощи СМИ, целенаправленное разрушение его медийного образа также превращаются в мощнейшее политическое оружие. Медийная политика, таким образом, зачастую превращается в политику скандалов. В долгосрочном плане это ведет к дальнейшему усугублению кризиса политической легитимности, росту недоверия к демократическому процессу. Недоверие к политикам, институтам и механизмам демократии ведет к тому, что избиратели начинают голосовать не «за», а «против», вынужденно выбирая «меньшее из зол» или отдавая предпочтение кандидатам, олицетворяющим контр-власть.

Протестные политические движения получают сегодня новые возможности для более значимого присутствия в коммуникационном пространстве. В первую очередь эти возможности обусловлены ростом массовой самокоммуникации. Распространение Интернета, мобильной связи, цифровых медиа, многообразных программных продуктов и т.д. стимулируют развитие горизонталь-

ных сетей интерактивной коммуникации, которые осуществляют мультимодальный обмен сообщениями от многих ко многим как в синхронном, так и в асинхронном режиме. Благодаря этим новым техническим возможностям их пользователи начинают выстраивать собственные системы массовой коммуникации на основе блогов, форумов, SMS-сообщений, обмена любой информацией, выраженной в цифровой форме. Только за первые девять месяцев 2006 г. количество блогов во Всемирной сети увеличилось более чем в два раза¹. Причем английский язык не является доминирующим в блогосфере: на первом месте стоит японский язык (37% блогов), английский – на втором (31%), на третьем – китайский (15%). Далее следуют испанский, итальянский, русский, французский, португальский, голландский, немецкий и корейский языки². Таким образом, блогосфера является многоязыковым и мультикультурным пространством коммуникации. В настоящее время также усиливается взаимодействие между горизонтальными и вертикальными сетями коммуникации, а корпоративные медиа и основные группы политической элиты начинают уделять все большее внимание ресурсам массовой самокоммуникации. Тем не менее речь идет о принципиально новом виде массовой коммуникации, по сути – о новом коммуникативном медиуме, который оказывает все усиливающееся воздействие на формирование общественного сознания на локальном и глобальном уровнях.

Движения социального протеста и отдельные индивиды, критически настроенные по отношению к политическому режиму, активно используют сети коммуникации (Интернет, мобильные телефоны, а также «пиратские» радиостанции, локальное телевидение) для противостояния существующим социальным институтам, продвижения собственных политических проектов и мобилизации сторонников. В настоящее время новые средства цифровой коммуникации конституируют важнейшие организационные формы протестных движений, принципиально отличающиеся от традиционных форм организации партий, профсоюзов и ассоциаций, характерных для индустриального общества. Впрочем, организационные формы этих социальных акторов также эволюционируют в сторону сетевой коммуникации.

¹ Mode of access: <http://www.technorati.com/about>

² Mode of access: <http://www.sifry.com/alerts/archives/000433.html>

Поскольку отношения власти в современном мире структурированы в глобальные сети, социальные движения также действуют на глобальном уровне и ведут борьбу за умы людей, все более активно участвуя в процессе глобальной коммуникации. Они мыслят локально, укоренены в том или ином социуме, но действуют глобально, противостоя власти в ее средоточии – в глобальных сетях коммуникации. Опираясь на местных активистов, протестные движения организуют свои выступления в тех местах, где в конкретный момент локализована глобальная власть – на встречах «Большой восьмерки», заседаниях МВФ или ВТО.

Кастельс показывает, что не только сфера публичной политики во все возрастающей степени попадает в зависимость от процессов коммуникации, но и само коммуникационное пространство становится областью конкурентных отношений. Это является признаком наступления новой исторической эпохи, когда рождаются новые социальные формы, и, как и раньше, обновление общества происходит в борьбе, конфликтах, зачастую – в насилии. Тем не менее еще не все качественно новые черты обновляющегося общества проявились в полной мере. То, что можно выявить уже сейчас – это попытки власть предержащих вновь утвердить свое доминирование в сфере коммуникации в условиях снижения роли традиционных социально-политических институтов. Так, на выборах 2006 г. в Конгресс США новые средства горизонтальной массовой коммуникации использовали подавляющее большинство кандидатов, партий и групп давления, представляющие весь политический спектр Америки. Осознание представителями правящих элит необходимости вступить в борьбу за сети горизонтальной коммуникации делает неизбежным новый раунд противостояния в коммуникационном пространстве. Проявлениями этого противостояния являются усиление контроля за Интернетом и сообщениями электронной почты в США, последние изменения в политике Китая, ведущие к тому, что пользователи Интернета начинают рассматриваться как потенциальные компьютерные пираты, часть законодательных новаций Европейского союза, дающих возможность финансового и иного контроля за интернет-сайтами, которые обеспечивают возможность сетевой интеграции для различных сообществ.

Заключительный вывод, к которому приходит М. Кастельс, состоит в том, что человечество стоит на пороге исторического сдвига в области публичной политики – сдвига от институциональной сферы к новому коммуникационному пространству. Форми-

рующаяся на основе сетей горизонтальной коммуникации новая сфера публичной политики не predetermined в своих формах некой исторической судьбой или технологической необходимостью. Она является результатом современного этапа многовековой борьбы за освобождение нашего сознания.

Д.В. Ефременко

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Бехманн Готтхард** – главный научный сотрудник Института оценки техники и системного анализа Исследовательского центра г. Карлсруэ (Германия)
- Гирко Людмила Владимировна** – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН
- Горохов Виталий Георгиевич** – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН
- Делокаров Кадырбеч Хаджумарович** – доктор философских наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ
- Евсеева Ярослава Вячеславовна** – научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН
- Ефременко Дмитрий Валерьевич** – доктор политических наук, заведующий отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН
- Ким Светлана Григорьевна** – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН
- Москалев Игорь Евгеньевич** – кандидат философских наук, доцент Российской академии государственной службы при Президенте РФ
- Ратников Александр Александрович** – младший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- Соколова Марианна Евгеньевна** – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института США и Канады РАН, докторант Института научной информации по общественным наукам РАН

КОНЦЕПЦИЯ «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Сборник научных трудов

Оформление обложки И.А. Михеев
Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор М.П. Крыжановская
Компьютерная верстка Л.Н. Синякова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 16/XI – 2009 г.
Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1.
Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 14,75 Уч.-изд. л. 11,5
Тираж 400 экз. Заказ № 183

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел. / Факс: (499) 120-45-14
E-mail: market@INIION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9